

АРТУР РУНИН

ЗОНА
ПСИ

Солдат недавно вернулся с войны в Сирии. Молодая жена давно оставила его, маленький ребёнок погиб. Однажды зазвонил телефон. Ему сказали, чтобы срочно приехал в квартиру бывшей жены. Для чего — не сообщили.

Как только нога переступила порог квартиры — глазам предстала картина: стены и потолки изрисованы кровью, будто неизвестный художник выписывал широкой кистью свои кровавые шедевры; растерзанное тело жены покоилось на диване. А через минуту — его жизнь полностью рухнула. Преследователи, ворвавшиеся в квартиру, были кем-то уничтожены, за что на него устроили охоту. Спасаясь бегством ото всех, он под землёй пересёк густое марево и уже вышел в странном мире.

Ещё с детства Солдат замечал за собой некоторые умения, которые не даны обычным людям. И кто-то теперь пожелал их ему развить: развить, чтобы его ненависть и ярость утопили в крови этот мир.

Солдат в самом страшном сне не смог бы предположить, что его избрали для свершения страшнейшего зла. Его избрали — убить Бога.

1

— Дьявол!.. Нет!.. Нет!.. Не-е-ет! — Виктор Солдатов попятился, расставив руки споткнулся об массивную хрустальную вазу, из которой белые розы раскидались по полу; вода чавкнула под каблуком туфли. Виктор поскользнулся, распластался спиной на полу; затылок ударился о дверной косяк да так, что из глаз брызнули искры, а шея едва не переломилась. Лицо побледнело, будто выкачали всю кровь разом, чётко проявив давний шрам на щеке; широко открытые глаза забегали по залу, ища кровавого убийцу. Солдат вскочил на ноги и замер, медленно поведя взором; но мысль предупреждала, что сейчас могут нагрянуть полицейские и ему будет тяжело доказать свою непричастность.

На кожаном диване «Честер» распласталось нагое тело бывшей жены Виктора. Левая нога, согнутая в коленке, припадала на спинку; вторая нога, вывернутая на сто шестьдесят градусов, раскинулась на полу, сильно выпятив половые органы. Ладони покоились на упругих грудях; казалось, задранный затылок отделял нижнюю челюсть от верхней, этим широко открывая рот, из которого торчал меч почти до ручки измазанный кровью. Половины горла попросту не было, его будто вырвали огромными когтями; сквозь кровавое месиво проглядывали косточки шейных позвонков.

Солдат почувствовал, как тошнота подходит к горлу, ноги затряслись, хотелось опуститься на пол и больше не вставать; страшная слабость одолела от увиденного. Он тяжело сглотнул слюну и немного приблизился, соображая — вытянуть меч или не стоит: этот муляж когда-то красил стену в коридоре его дома. Медленно стараясь не шуметь, Виктор снял с плеч рюкзак, расстегнул молнию и достал нож: что, если убийца притаился в других комнатах? За спиной грохнуло. Солдат вздрогнул и резко обернулся, выставив перед собой длинное обоюдоострое лезвие. На полу, завершая падение, покручивалась юла, свалившаяся с чёрной навесной полки. Неимоверная печаль отобразилась на лице Солдата, глаза пробежались по стеллажу и усмотрели игрушки: ваньку-встаньку и матрёшку.

— Ванька-встанька, матрёшка и юла — любимые игрушки моего Илюшки, — прошептал Виктор. — А когда чуть подрос — машинки. — Перед мысленным взором пробежались похороны собственного сына: маленький чёрный гробик опускали в могилу; тёща, не выдержав горя, потеряла сознание, упала в яму и сломала шею; жена в ужасе подбежала к джипу, достала из салона бутылку, разбила об капот и воткнула себе в шею рваные стёкла.

Солдат несколько раз глубоко вздохнул и впритык подошёл к жене, оставаясь слухом настороже. В том месте, где должен остаться шрам — зияла кровавая дыра.

Коричневый торшер валялся поперёк дверного проёма в следующую комнату, на картине, красовавшейся над спинкой дивана, с вечернего небесного свода свисала на цепочке перевёрнутая кровавая звезда — пентаграмма. «Кто-то нарисовал, — подумал Виктор. — Наверное, кровью Барбары». Он осмотрелся: да, на ковровом покрытии валялись кисточки. Барби писала интересные картины, окончив художественную школу. Теперь она сама оказалась в роли банки с краской. Перед тем как зайти в следующую комнату, Солдат внимательно прошёлся глазами: вокруг люстры на потолке — тоже кровавая пентаграмма, кровь ещё не подсохла, набухшие капли готовы сорваться на пол; золотистые обои на всех стенах перекрасились в багровый цвет; книги, тетрадные листки и ноты разбросаны по

периметру — в кровавых брызгах.

«Беги! — закричала мысль. — Уходи скорее!»

Виктор крепче сжал ручку ножа, перешагнул ножку торшера и вошёл в следующую комнату.

— Ох, ты, — покачал он головой. — Нет, всё же нужно отсюда валить. Да как можно быстрее. Сдуться вихрем Джина.

Вся комната залита кровью, будто поливали из вёдер. Над спинкой двухспальной кровати головой вниз висело голое тело нового мужа Барбары. И не совсем оно висело — прибито к стене через руки и ноги старинными ржавыми костылями, которыми прибивали рельсы к шпалам, и распято. Затылок возлежал на дубовой спинке, из перерезанных артерий на горле стекала кровь в эмалированный тазик, покоившийся на подушке.

Солдат упал на колени, неудержимая рвота, едва не выворачивающая желудок, сильно сотрясала тело. Мысль успела поймать себя, что звуки, вылетающие изо рта, напоминают громкое: «Крембрюллллл!» Виктора рвало и рвало, и уже не текли даже слюни, захотелось икать, горло пересохло, но внутренности продолжало выворачивать. Наконец рвотные позывы прекратились. Солдат припал лбом к холодному полу и отдышался.

«Беги! — панически верещала мысль. — Мчись отсюда ураганом, чтоб из-под пяток пыль летела! Рви когти не оборачиваясь!»

— Да, — тихо произнёс Виктор. — Ухожу, ухожу. — Он больше не стал осматривать спальню, на карачках пополз к дверям. И уже голова почти оказалось в другой комнате, но он не выдержал и напоследок обернулся, взгляд уткнулся в окна, где на стекле размашистыми кривыми буквами начертано кровью:

«ЖИЗНЬ СВОЮ ЗАБУДЬ НАВЕКИ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ ПРОКЛЯТЫЙ».

Солдат подполз к мёртвому телу Барбары, приподнялся на колени, прошептал:

— Когда-то я тебя безмерно любил. И наш сынок... — слова застряли в горле, Виктор обернулся и посмотрел на стол, расположившийся возле окна, где чернела рамка с фотографией маленького Илюшки. — Всего чуть-чуть мы были счастливы. Но как!.. — На нижних веках набухли слёзы. — И я ушёл воевать... — Пошатываясь, он выпрямился в полный рост, хотел подойти к столу и забрать портретик сына, но передумал, решив, всё, что здесь — принадлежит этому дому: ему чужому. Солдат ещё раз посмотрел на молодое тело жены — мёртвое тело, — ему стало так жалко её, что пробежалась безумная мысль: «Завернуть в простыню и забрать с собой».

— Ты дурак, — сказал он себе. — Она давно от тебя отказалась... когда горе накрыло всех непроглядной ледяной волной океана. Вместо того чтобы друг друга поддержать... — Он обречённо махнул рукой. — Но я всё равно тебя люблю. — В последний раз он осмотрел нагую мёртвую женщину, которая ещё год назад звалась ему женой и делила с ним постель. Из приоткрытых половых губ что-то торчало. Неприязнь искривила лицо Виктора, чувства мерзкого и чужого заставили на несколько мгновений сомкнуть веки. «Она уже давно не твоя, — скользнула мысль в голове. — Она давно принадлежит другому». И всё-таки что-то заставило потянуть трясущиеся пальцы, уцепиться за золотой кончик и вытянуть.

— О... — Солдат выругался и ещё больше искривил переносицу в отвращении. Перед его глазами свисала цепочка с окровавленным кулоном в виде перевернутого крестика, где по центру в круге покоилась пентаграмма, а из неё светились мелкие глаза-рубины пожирающего ненавистью рогатого демона.

Через открытую входную дверь донеслись щёлкающие звуки, отдающие эхом где-то на

лестницах подъезда. Далёкие крики приближались, яростная брань улавливалась ухом; даже тени колыхнулись на шторке, прикрывающей куртки в нише прихожей.

— Вот идиот! — приглушённо вскрикнул Виктор, сердце заколотилось в груди, было готово пробить грудную клетку и ускакать к чертям — подальше отсюда. — Ну что, дождался? — Он рванулся к двери, поскользнулся; тело повело вбок и воткнулось в навесные полки. Грохот разлетелся по квартире, а вместе с ним разбивались фарфоровые статуэтки, вазочки, блюдца с нанесёнными городами Европы. Солдат зашипел, потирая ладонью ушибленное плечо, поправил лямки рюкзака и выбежал на лестничную площадку. Глаза и мысли заметались. «Наверное, полицейские нагрянули. Ведь кто-то же позвонил мне, чтобы пришёл... Ведь наверняка кто-то позвонил и им». Виктор ещё раз отругал себя, что вообще сюда явился. Да ещё ходил и хлебалом невидимых воробьёв подсчитывал. В каждом индивидууме присутствует как добро, так и зло. Так вот это зло теперь похихатывало и ехидно сверлило мозг: «Надо было засадить своей несчастной жёнушке, глядишь, дождался бы пришествия антихриста».

— Да пошёл ты! — злобно выругался Солдат и припал грудью к перилам. Он находился на последнем этаже дома прошлого столетия, лестничные пролёты поднимались и спускались по периметру. Отчётливые звуки бегущих берцев наполняли свод потолка. Виктор понял, что проканителится: к нему спешили несколько полицейских. Или, скорее всего, омовцы.

— Стоять!.. Стоять!.. — разлетелись два грозных голоса этажом ниже.

— Стоять!.. — прилетело снизу к ним в подмогу.

Солдат дёрнулся в сторону квартиры, ступни скользнули по бетонному полу, и он снова чуть не упал, успев подумать, что вроде бы не пил спиртное, а заносит. «Куда, куда?» Он вертел головой, глаза судорожно метались от окна к дверям и обратно. А слева — третья дверь! Ещё одна комната! Виктор рванул туда: дверь закрыта на ключ. Он подёргал ручку, собрался выбить замок и с опозданием вспомнил, что в углу окна спальни, когда читал кровавую надпись, успел узреть металлическую лестницу, ведущую на крышу.

— Стоять!.. Руки в гору!

В лицо Солдата метились два ствола коротких автоматов, чем-то напоминавшие «узи», и очень быстро приближались.

— Не стреляйте, не стреляйте! — крикнул он и непонятно для самого себя тут же схватил табурет и нанёс омовцу под шею неслабый удар, который пошатнул надвигающееся тело; короткая автоматная очередь прошла по стене. Виктор схватил второго омовца за сжимающие автомат ладони, надеясь вырвать или вышибить, ударил каблуком под колено, чтобы опрокинуть. Боковое зрение уловило, как ещё один врывается во входной проём. Солдат понял, что с этими «медведями» ему не справиться, его попросту сейчас нашьпигуют «стальными огурцами»; что есть мочи он лягнул омовца от себя, развернулся и рванул в комнату, где кверху ногами с перевёрнутыми яйцами и пришипленный к стене болтался нынешний муж его бывшей жены. Виктору было противно так думать, но жену-то он до сих пор любил, а этого козла ненавидел: это он увёл у него любимую женщину.

И пока он ураганным ветром пересекал комнату к балкону, чувствуя макушкой, как злобные металлические осы вот-вот пронзят спину, голос зла посоветовал: «Не кипишуй, приятель, остынь, помедленнее. Отрежь чужие яйца своим большим ножом и засуши на память. Потом сдашь в ломбард».

— Да пошёл на хер! — заорал Солдат. Когда перед балконной дверью на мгновение обернулся, омоновец уже влетел следом и его палец был готов надавить спусковой крючок. — Не стреляй! — закричал Виктор в последней надежде. Он не помнил, как схватил гладильную доску и, перед тем как сигануть за окно, разметал ею стёкла; словно в замедленной съёмке перепрыгнул перила, перевернулся на лету и ухватился пальцами, порезав все ладони о стеклянные зубья; скользя ступнями туфель об бетонные стенки балкона, быстро переместился к лестнице, оттолкнулся и прыгнул.

Пули яростно прожужжали над макушкой.

Ладони уцепились за металлические столбики; зубы клацнули, прокусили до крови язык; во рту появился металлический привкус; подбородок ударился об лестницу, чуть не сломав челюсть. Солдат на секунду застыл, стараясь отдышаться, вытянул язык, с которого свисла тягучая слюна. Но, естественно, справиться с силами ему никто не позволил. Омоновец вылез из окна почти на половину тела, вскинул автомат перед глазами. Чтобы быстро спуститься, Виктор прижал ладони и ступни к боковинам, собираясь съехать. Он уже почти заскользил, но мизинец вошёл в отверстие из-под болта — и откуда оно здесь взялось?! — едва не сломался. Пришлось поставить ногу на лестницу, чтобы вытащить палец. Ступня скользнула. Солдат потерял равновесие, резко осел на полкорпуса, ударился пахом о ступень. Ладони сорвались, отцепились, и он опрокинулся, лишь невероятным везением остался болтаться на одной согнутой коленке. Проделав акробатический трюк, Виктор перевернулся и встал на ноги; взгляд метнулся вверх. Омоновцы не собирались оставлять его в покое, целились, чтобы открыть огонь. Солдат спешил, но решил больше не пробовать скользить, часто засучил ногами по ступеням. Грохнула короткая очередь, пуля ударилась о металл рядом с ладонью. Виктор вздрогнул и снова сорвался, спиной полетел к земле. Он успел лишь подумать, что с шестиметровой высоты люди тоже разбиваются. Крыша дома, балкон с омоновцами очень быстро отдалялись. Удар об землю вышиб дыхание, все рёбра грудной клетки как-то подозрительно хрустнули, а затылок чуть не раскололся об камень и не разметал мозги по округе, на траву брызнула кровь.

Солдат лежал, пока глаза не посетило зрение, а голову — ясность ума. Непонятно для себя он почему-то медлил, не решаясь вскочить на ноги и побежать, глазами искал балкон, где по нему должны открыть огонь омоновцы, но их не было видно. Только он успел подумать, что сейчас могут подбежать другие, наверняка ещё остались на улице в засаде, как в квартире, из которой он только что бежал, началась дикая пальба. На улице вечерело, и вспышки от автоматных очередей выбивались в оконные проёмы.

— Это ещё что?

Стёкла кухонного окна выплеснулись на улицу, сразу за ними с длинным воплем «а-а-а» вылетел омоновец. Виктор еле успел откатиться, иначе острые куски воткнулись не в землю, а ему в глаза, щёки, губы, — и бедный омоновец в своём обмундировании раздавил бы ему череп как тяжёлый молот сладкий гранат, где вместо сока — кровь. От удара и хруста с какими воткнулось тело в клумбу, Солдат зажмурился, потом быстро подполз к голове несчастного, который был без головного убора: Виктор не помнил — был ли он до этого в шлеме или в чём-то другом.

— Кто тебя так, друг? — тихо спросил Солдат. Тело разбившегося вздрагивало, изрыгало изо рта на лоб густую кровь, широкие глаза непонимающе бегали. Виктор посмотрел вверх, но в ответ принеслась полнейшая тишина, только высоко в небе пронёсся копчик и далеко над крышами сверкнула зарница. Омоновец часто задрожал. — Не умирай,

друг. — Ладонь Солдата потормошила плечо. — Мне теперь вообще хана. Не умирай... — Виктор огляделся, подумал: «Куда люди все делись?» Взгляд омовца застыл, в зрачках отражались облака, тело перестало вздрагивать, подбородок припал к плечу. — Черти драные, теперь за тебя на меня устроят охоту. — Солдат ещё раз осмотрелся, обречённо покачал головой и, обняв собственные рёбра, хромя поплёлся восвояси.

2

Холодный ливень стоял стеной. Земляная дорога извивалась между частных заброшенных домов, смешивала на себе грязь и глубокие лужи; тёмные провалы окон, во многих местах забитые серыми досками, оскалили стеклянные зубья,

Молния разрезала темноту неба, высветила по бокам искривлённые стволы деревьев, кустов и озирающегося одинокого путника. Серость и убогость заброшенной деревни взорвал раскат грома. Виктор наморщил нос и машинально пригнулся.

— Так и барабанные перепонки лопнут. — Он шлёпал по лужам, уже не обращая внимания на их глубину: всё равно промок как промокашка, утонувшая в чернильнице. В носках между пальцами перекатывалась грязь, в туфлях хлюпало, сильно натёрло пятки. Солдат шмыгнул носом, ладонью скинул новые капли с лица и поправил капюшон дождевика. В полнейшей темноте тяжело сориентироваться, тем боле не появлялся здесь три года: позабылось. Он остановился, снова шмыгнул носом, потекли сопли: кажется, успел простыть. От холода зуб на зуб не попадал, хотя днём была почти тридцатиградусная жара. Виктор ждал, когда новая молния осветит небо и, естественно, дорогу, чтобы увидеть переломанный электрический деревянный столб, по нему он выйдет к нужному дому. Провода здесь давно сняли металлисты и сдали как металлолом. Не только провода — всю узкоколейку, проходившую сквозь заросли орешника.

— Да, орешков бы не мешало пощёлкать. Ничего, сейчас всё будет. — Хотя Солдат никогда не мучился из-за голода. С четырнадцати лет он начал лазить по всевозможным походам: месяцами пропадал в тайге, несколько раз проезжал на велосипеде всю Россию — от Абхазии до Владивостока, ходил на тысячи километров вдоль трасс, намеренно ничего не ел: смотрел сколько дней выдержит без пищи и сколько километров пройдёт. Его рекорд был месяц без еды. Правда, можно было и подольше не питаться: тонкий жирок под пупком так весь и не сходил, но этого было достаточно, чтобы понять в каком количестве и на каких расстояниях делать схроны — на всякий поганый день. Вот он, этот день, и настал — нежданно-негаданно. Виктор давно вывел для себя собственную философию, состоящую из разных правил, где на первом месте стояла безопасность: зачем тебе думать о хлебе насущность, если завтра ты попросту сдохнешь? Не то чтобы он был параноиком, но его заводило всё таинственное и он всегда это искал: так сказать, на свою голову приключений. Он с детства хотел попасть на войну — повоевать. И повоевал: ему понравилось. Такого чувства свободы он никогда не испытывал. И там друзья — становились настоящими друзьями, про которых лишь пишут в книгах.

— Собака грязная, — Солдат подпрыгнул на месте, чтобы рюкзак уселся поудобнее на спине, — ну давай же, взрываись. — Только он проговорил — извилистая молния полоснула небо, чуть ли не перед лицом ушла в землю и сразу последовал удар грома. Виктор отшатнулся, ему показалось, что окатило электрической дугой. Волосы на голове точно шевельнулись. В короткой вспышке он успел увидеть верхний крест столба в трёх метрах от себя, сломанным концом опирающийся на тонкую берёзу.

Солдат довольно кивнул, тыльной стороной ладони вытер нос и на ощупь сошёл с

дороги, прикинув в уме, где примерно находится дом, какой угол нужно срезать. Через двадцать шагов он натолкнулся коленом на старый ржавый трактор без колёс и удивился, что металлисты до сих пор его не увели. Этот трактор лет пятнадцать как уткнулся носом в забор, теперь повалившийся.

— Ещё батя был жив, — прошептал Виктор. В дом, который он шёл, принадлежал отцу после развода с матерью. При жизни отца один раз только здесь был: кажется, лет в восемь. А потом уже приехал на похороны перед самой армией. — Эх, батя, ты так и не сделал мне летучего змея. Обещал, когда мне было только три года. Не откладывай на завтра — завтра может никогда не прийти.

Солдат обошёл трактор справа, споткнулся об трухлявый забор; длинная сырая трава холодила колени, под ногами путались земляные холмики, наверное, кротовые. Ещё раз сверкнула молния, осветила впереди нужный дом.

— Наконец-то. — Ладонь поискала в темноте, нащупала козырёк над крыльцом; Виктор слегка наклонил голову, чтобы не настигать лоб старыми занозами, подошёл к двери, дёрнул за ручку. Не поддавалась. Да, когда был в последний раз, закрыл на ключ. Значит, искатели всяких приключений и хлама здесь не появлялись. Хотя, может, где-то и проломили дыру. Солдат почувствовал сильную усталость, широко зевнул и вздрогнул от холода и сырости. — А куда ж я ключ дел? — Он пошарил ладонями по сырому полу, в углу нащупал старую калошу, наполненную водой, откинул. Из кармана штанов достал нож, поддел доску: легко поддавалась. И уже под порогом в нише кирпичей пальцы наткнулись на ключ. Замок открылся свободно, не поржавел.

Запахи затхлости и плесени шибанули в нос. Холодно. Виктору показалось, что непременно он услышит, как громко тикают ходики.

«Папка, папка, смотри, у нас кукушка в часах завелась!» — Солдат с грустью улыбнулся скользнувшему воспоминанию. — «Кукушка — это твоя мама». — Да, а мать через год погибла с любовником в автомобильной катастрофе. — Новая вспышка молнии в дверной проём озарила старость комнаты. Виктор закрыл дверь и задвинул засов, оставив ливень шуметь за порогом. Сразу почувствовал, как веки начали тяжелеть, хоть ни о каком комфорте не могло быть и речи: печь давно разбита, изба не топилась, крыша в некоторых местах протекала, всякие заезжие «сталкеры» перевернули всё кверху дном.

— И всё-таки — я поем и переоденусь. — Солдат снял с плеч рюкзак и кинул на прожжённый диван, разложенный возле окошка, заклеенного газетой. Прошёл на кухню и, подсвечивая зажигалкой, под столом залез в погреб, крышка которого давно кем-то оторвана. Перелопатив гору хлама, он добрался до линолеума, под ним открыл ещё одну дощатую крышку.

Довольный, Виктор осветил периметр небольшой ямы: всё на месте. Вытянул пластиковый бидон, сразу открыл крышку, достал пять толстенных свечей. Через минуту по кухне бегали бархатные тени, огоньки плавили воск и стало как-то уютно. Солдат скинул туфли и всю остальную одежду, натянул толстую футболку с длинными рукавами, песочного цвета штаны с накладными боковыми карманами и берцы. Как в кокон затянутые скотчем пакеты с рисом и макаронами кинул на стол: сейчас они ему не нужны — варить не собирался. Выложил обрез двустволки и пачку патронов; огниво и фонарик сразу опустил в карман; ещё один короткий нож, имеющий вилку и ложку, отложил на стол.

— Вот он. — Виктор покрутил литровую банку с мёдом перед глазами и вторую банку с сухарями. — Мёд хранится вечно. Этим я сейчас и насыщусь.

Набив брюхо, Солдат был не в состоянии терпеть сонливую усталость, глаза отказывались взирать на темноту мира: это самое опасное состояние — от сильной усталости человеку становится всё безразлично; он впадает в крепкий сон, игнорируя любую угрозу. Виктор прошёл в комнату, хотел взять старое ватное одеяло, чтобы укрыться, но оно воняло и к тому же слегка сырое. Он упал на отсыревшую шершавую поверхность дивана, скрестил руки на груди, поджал колени к животу и, слегка трясась от холода, мгновенно уснул.

1

Где-то далеко лаяла псина. Утреннее солнце вклинивалось мутными лучами в щели заколоченных окон. Тишину комнаты нарушали нудные удары капель о доски пола, срывающиеся с потёка на потолке. Снова лай пса нарушил утреннюю прохладу затуманенного поля, расположившегося на севере перед лесом.

Солдат вскочил с дивана, от боли в голове его пошатнуло, глаза непонимающе забегали по свисающим со стен сырым обоям. Он перевёл глаза на окно, запрыгнул коленями на почти развалившееся кресло и ногтями содрал со стекла полоску газеты. Лоб приник к холодной поверхности, беспокойный взгляд напряг зрение. Сильно захотелось пить: немудрено — после банки мёда с сухарями во рту поселилась пустыня.

Ну, конечно, как же он не подумал, что сюда придут его искать если не в первую очередь, то во вторую точно: ведь дом отца. После квартиры бывшей жены он забежал к другу, взять некоторые вещи, в том числе дождевик, занял денег и отключённый старый кнопочный мобильник с сим-картой, несколько лет назад купленной в переходе, надеясь, что по нему его не вычислят: а то, где он ещё сможет купить в ближайшее время? Через час от друга пришла эсэмэска: «Вали скорее, растворишься, тебя везде ищут. Грозятся завалить». По дороге Виктор выкинул новый айфон, разломал сим-карту, снял с запястья электронные часы, зашвырнул в озеро, следом запустил шагомер: кто их знает эти электронные штучки — все за всеми шпионят.

Солдат потёр пальцем грязное стекло и ещё раз присмотрелся, сердце нещадно ринулось в бег. По тропе через поле в его сторону шли люди с собаками, кажется, полицейские: но это точно по его душу. По дороге с восточной стороны колыхался чёрный джип, а с запада — микроавтобус. Виктор знал — там притаились беспощадные омовцы.

— Офигеть, они меня что, обложили? За своего — они меня здесь повесят. Но я ведь не виноват.

Ногой сбив алюминиевую кастрюльку на кирпиче, Солдат схватил рюкзак, проскочил на кухню. Он слышал отчётливые голоса, подумал, что, если промедлит ещё минуту, уже не уйдёт. Быстро расстегнул молнию, кинул внутрь пачку патронов, швейцарский нож, схватил обрез и ринулся обратно в комнату. Пробежал коридорчик, забежал в дальнюю угловую комнату и примкнул лицом к окну. По центру зияла дыра: кто-то когда-то метнул кирпичик. Повеяло прохладой и луговыми травами. Мысль промчалась: «Хорошо они без вертолётца. Но могут запустить какой-нибудь дрон».

— Эй, загляни в тот дом. Там что-то мелькнуло!

Виктор вздрогнул. Если они так спокойно шумят, значит, всё окружили. Что делать-то? Вспомнил, когда один раз приезжал сюда в детстве, с местными ребятами лазили в катакомбы: так деревенские называли старинные кирпичные склады, пролегающие под землёй метров на двести. Вход был почти завален, но худые пацаны пролезали в любую щель, а выход находился под насыпью старой узкоколейной железной дороги, прямо перед озером.

— Туда, только туда нужно щемиться. — До начала оврага, где был вход, метров сорок. Солдат внимательно взгляделся: трава высокая, можно быстро на карачках проползти незамеченным. Если только там омовцы шашлыки уже не жарят. А что, если поднять руки

и сдаться, сказать, что я не при делах? Ага, мгновенно нашпигуют башку сталью, да ещё контрольный влепят. Потом скажут — убегал, отстреливался, наших маленьких бугаёв обижал. «Эх, Барбара, зачем ты только родилась? Чтобы мне и себе жизнь испортить? Если бы мог в прошлое попасть, то не замедлил себя ждать, впорхнул и выпорхнул, но уже с твоей глупой головой в руке — хоть и люблю тебя ещё».

Неожиданно раздался выстрел, эхо пронеслось над крышами заброшенных полуразвалившихся лачуг. Виктор вздрогнул, побледнел, не обращая внимания, что режется, поломал оставшиеся стёкла и вывалился на улицу. Грохнул ещё один выстрел, свист пули рассёк воздух где-то над трубой. Солдат машинально поднял лицо, не понимая — по нему лупят или нет. Глаза задержались на обрезе, зажатом в ладони: может, выкинуть? Да нет, без оружия нельзя. Виктор согнулся, представляя, как его сейчас увидят и выпустят из автоматов в спину такие жужжащие и визжащие смертельные рои, что он разлетится кровавой пылью и унесётся ветром. Ноги понесли его через сырую болотную траву, высоко задирая колени, а душа замерла в ожидании смерти. В лицо бились всякие мошки.

Перед глазами появился пологий край оврага. С мыслью, что, кажется, пронесло, Солдат прыгнул, упал на бедро и несколько метров шумно скользил по траве; подошвы берцев проборонили вязкую сырую землю. Он вскочил на ноги и побежал, ища глазами вход в подземелье. Боковое зрение уловило движение, которое материализовалась в человеческую фигуру; мысль с сожалением простонала: «Не успел! Увидели! Теперь заблокируют выход!» Кирпичная разбитая арка появилась слева через пять шагов, всюду валялись кирпичи, какие-то балки, брёвна, мотки колючей проволоки, грязная шерсть мёртвой разложившейся козы. Виктор увидел полуметровую щель высотой, но узкую. Он упал, рьяно начал откидывать половинки кирпичей и камни, часто оборачиваясь. Он увидел, как омоновец в шлеме наметил на него ствол. Солдат обречённо перевернулся на спину, расставил руки и, остановив дыхание, приготовился к смерти. Наверное, прошла вечность, но омоновец не открывал огонь. Виктор попятился, подполз ближе к дыре, не отводя глаз в ожидании смерти; омоновец опустил автомат, зачем-то снял шлем, повернулся и пошёл к домам.

— Друг, — простонал Солдат, не понимая, почему его оставили в живых или не увели с собой. — Ты — человек. — Покрепче сжав в одной руке обрез, в другой рюкзак, он протиснулся в щель и оказался в темноте. Переведя дыхание, Виктор сомкнул ресницы и вслушался: ничего — кроме тишины и запаха пыли. Хруст открывающейся молнии на рюкзаке нарушил спокойствие, ладонь достала фонарик, щёлкнуло, столбик лучика осветил полукруглый кирпичный свод потолка. Осветил земляной пол, который тянулся к следующему проходу и резко поднимался: значит, дальше придётся идти гуськом, или ползком, если вообще там не завалено. В неглубоких нишах стен покоились глиняные черепки.

— Валим дальше... а то передумают. — Что-то впереди мелькнуло, а потом раздался такой визгливый кошачий звук, что все волоски на теле прошлись холодной волной. Солдат вытянул впереди себя фонарь и обрез, всмотрелся в скачущую тень. — Это какой-то не кошачий вопль, больше какой-то бесовской. — Пнул банку от тушёнки. — Кто-то недавно жрал. — Виктор подпрыгнул на месте, поправил лямки на плечах и, шаркая подошвами, направился к тёмному провалу. Лучик света старался найти, кому принадлежал душераздирающий визжащий вопль.

Солдат уже прошёл шесть проходов, шёл в полный рост — здесь земляной пол сильно опал, даже по центру глубоко треснул, впереди замаячила серая прореха, потянуло свежим

воздухом, пыль в столбике света неслась к глазу фонаря.

«Сильно дует. И пахнет озоном. Не хотелось, чтобы вновь началась сильная гроза». Неожиданно в глазах сильно щёлкнул свет, перед взором пронеслась ужасная кровавая картина с растерзанными телами, всё потемнело. Виктор упал на колени и выругался, фонарь выпал из руки, прокатился, но не погас и не разбился.

— Что это было? — Солдат часто покачал головой, словно скинул кровавый морок, от которого едва не потерял сознание. — Не из-за вчерашнего ли удара головой с балкона? — Он поднял фонарь и осветил потолок, земляной пол, стены. На правой стене за ржавыми перилами разметалась высокая надпись: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА КРОВАВУЮ ФЕРМУ ТВОЯ ИГРА ПРОКЛЯТИЙ — НАЧАЛАСЬ!» С обеих сторон от потолка до пола тянулись перевёрнутые кресты.

— Надо же. Краска на кровь похожа. Ведь делать нечего кому-то — нести краску и черкать тупые изречения.

Неожиданно подул сильный ветер, утробно завыл, а с ним под потолком пронеслось очень тонким женским голосом: «Зачем ты так?»

— Че-е-ерти бешеные, по-моему, у меня глюки. — Виктор никогда не был трусливым, наоборот, про таких, как он говорят — безбашенный, но женское стенание заставило его покрыться мурашками и холодным потом: ведь голос сильно напомнил бывшую жену. «Может, здесь какие-то испарения, из-за которых возникают слуховые галлюцинации, какие-нибудь грибковые споры, плесени?» На всякий случай он поводит фонарём и поспешил выйти в следующий проход.

Кирпичная арка выходила из земляного обрыва, взору предстала гладь огромного озера, между входом и водой илистый островок, как ковром покрытый толстым слоем сухой тины. На стыке воды и суши воткнут покосившийся деревянный столбик, облюбованный мхом, от него тянулась полусгнившая верёвка к носу лодки, на полкорпуса занесённой на сушу.

Солдат часто моргал, опешивши расставив руки: на небе светились редкие блёклые звёзды, месяц разложил свои рога, а чернильная ночь окутывала весь горизонт, где шумели листвою высокие деревья.

— Что-то я не понимаю... — Виктор подошёл к лодке, осветил фонарём. — Затмение наступило?.. Какое на хрен затмение, на месяц хоть ведро вешай. — Он озадаченно посмотрел на темнеющий вход, откуда только что пришёл, перевёл взгляд на череп барана, приютившийся на последней скамье лодки. «Не тот ли, чья кожа с шерстью валялась у подножия входа?» Солдат присел на корточки и провёл столбиком света по боку лодки и засомневался, что сможет на ней добраться до другого берега: слишком вид гнилой. Фонарь задержался на названии: «ПУТЬ В АД».

— Путь в ад, — шёпотом повторил Виктор. Он не понимал, как такое возможно: не мог он проходить двести или триста метров целый день, от силы прошло полчаса-час. Он был сильно обескуражен и не знал, что дальше предпринять. — Может, я упал... и провалялся без сознания? Отсюда и глюки потом словил?

Три громких выстрела трижды осветили проём выхода — Солдат определил как из дробовика. Раздались мужские крики, короткие очереди, потом грохнула граната, выбив из темноты прохода щепки, камушки, пыль. Виктор не намерен ждать, когда перестрелка придёт к нему. Яростно толкая лодку в воду, он собрал все силы, чтобы её сдвинуть. Потом одно за другим выдернул из ила вёсла. Визги пуль перед самым носом подобные «сциф-ф-ф, сциф-ф-ф» и фонтанчики на воде заставили запрыгнуть в лодку и бешено грести прочь.

Лодка подплыла к крутому берегу, высокие плакучие ивы склонили ветви над самой водой, длинным полумесяцем пролегал песчаный пляж. Солдат был доволен, что успел доплыть. Как он и предполагал — судёнышко слегка дырявое: сквозь мизерную дырочку натекло, лодка наполовину наполнилась тинистой водой и к тому же вонючей, словно в ней давно утопили много живых существ. Виктор откинул вёсла в воду и спрыгнул на пляж, осмотрелся, потом повернулся взглянуть на дальний вход северного берега. Когда лодка доплыла до середины озера — в подземном складе, — если это вообще когда-то был склад, — произошёл мощный взрыв, и всех, кто там устроил стрельбу, навеки похоронило под горами кирпича и земли.

Некоторое время Солдат стоял на кромке воды и песка, обдуваемый слабым тёплым ветром, и всматривался в арку засыпанного входа: почему-то ему было жаль омовцев. Он не мог понять: то сначала его отпустили, затем снова начали преследовать. И главное — с кем они устроили мощную перестрелку? — ведь никого в подземелье он не встретил. В его зрачках плясал огонёк, казалось, выбивающийся из какой-то щели завала. Виктор задал в мыслях вопрос: «Какая же там температура, что яркая точка от огня доходит до этого берега?» Он грустно усмехнулся: «А может, демоны включили мощные прожектора, чтобы подсветить новую преисподнюю с новыми потерянными душами?»

За спиной где-то на высоте шумно проехала машина, музыка и веселье донеслись до пляжа, девичий смех удалялся. Солдат глубоко вздохнул, на сердце стало спокойнее: люди веселятся — жизнь продолжается.

— Это хорошо. Это здорово. — Вот только его жизнь — пропала. Впереди светила — вечная дорога проклятого бродяги, вечный путь скитальца. — Ладно, парни (он обращался к погибшим друзьям на войне) — прорвёмся. Ста смертям не бывать... а одну — мы постараемся отодвинуть как можно дальше. Погибать — так не в вонючей постели под маразм и собственное ссанье. — И он закричал так, что эхо дважды пронеслось над гладью озера, а сухая ветвь ивы грохнулась где-то рядом:

— Суки-и-и! Я не свой — я божий!

Виктор поправил лямки рюкзака, из приоткрытой молнии которого торчала ручка обреза; подсвечивая фонариком, пошёл искать выход с пляжа, обнесённого густой растительностью, надеясь пробиться вверх к дороге. Пятачок света бегал по камням, по сухим отшлифованным ветрами корягам, доскам — словно однажды здесь мощнейшим взрывом разметало рыбацкий посёлок. Попадались огромные валуны и искривлённые брёвна могучих деревьев. Выход нашёлся почти в конце правого края пляжа. Это была начинающаяся широкая дорога, которая плавно поднималась вдоль горы и скрывалась среди зелёных кустов и деревьев. В начале подъёма слева возвышался полтораметровый камень с глубоко вырезанными словами, весь замшелый. Солдат прошёлся светом фонаря и осветил дальше. Под размашистыми ветвями ив приоткрылся покосившийся домик с низкой двускатной черепичной крышей, три окна с проржавелыми решётками взирали чёрными провалами, напротив открытой двери спрятался джип «Вранглер».

Виктор отбежал ближе к стеле, присел на одно колено. Поставил рюкзак на песок, и на всякий случай достал обрез. Кнопка фонарика щёлкнула под большим пальцем, кусок пляжа погрузился в темноту. Ухо прислушалось. В глубине домика что-то тихо журчало. «Уйти незамеченным или посмотреть, может, удастся прокатиться на джипе? Рискованно. А если машинка брошена?»

— Я даже не предполагаю, куда мне дальше, — прошептал Солдат. В кармане совсем мало денег, наверняка уже во всероссийском розыске. Если только пройтись по всей стране от одного схрона к другому, всё съесть, а дальше уйти в тайгу, делать налёты на людей и грабить: в тайниках под Екатеринбургом и Красноярском есть две винтовки с кучей патронов. Нет, конечно, он такое творить не будет. И срока давности за убийство омовца не будет. И чем дальше, тем меньше шансов доказать, что невиновен как младенец, только появившийся на свет. Да и бывшую жену с распятым мужем тоже к делу пришьют, повесят на судьбу как стопудовый камень на шею перед сбросом в омут.

Виктор тяжело вздохнул. Никто из домика не выходит и не шумит. Он решился включить фонарь и подойти. Шаги тихо прощуршали по песку, ладонь коснулась вывернутой металлической ручки двери. Солдат быстро осветил джип, ничего подозрительного не увидел и вошёл внутрь.

— Эй, эй, выйди, выйди отсюда! — прогремел женский голос, в глаза ударил свет, Виктор зажмурился. — Ну выйди, пожалуйста, отсюда.

— Извини, извини, — пролепетал Солдат и выскочил наружу, беззвучно смеясь. Он успел лицезреть справлявшую нужду молодую женщину, сидевшую на корточках с припущенными джинсами. И подумал: «Интересно, она успела увидеть в моих руках обрез?» Поставил рюкзак на капот «вранглера», как можно скорее поспешил всунуть обрез внутрь, торчавшую ручку обрезанного приклада накрыл дождевиком.

— Эй, какого... возле моей машины трёшься? — воскликнуло за спиной. Виктор накинул рюкзак на одно плечо и повернулся. На него смотрела приятной наружности молодая женщина, можно сказать, девушка. Её глаза светились добром. Она подтянула джинсы на водолазку, поправила широченную овальную пряжку на ремне и устала в фонарь в чужие глаза.

— Убери свет, — попросил Виктор, приподнял ладонь на уровень бровей. — Не боишься одна лазить по темноте?

— Хм, — хмыкнула женщина, поёрла к своей машине как бульдозер, оттолкнула так, что Солдат споткнулся об колесо, еле устоял на ногах. — Я полицейский... из спецназа.

— Ты? — удивился Виктор, сам внутренне напрягся: не по его ли душу уже здесь рыщут? — А у меня создалось впечатление, что тебе сопельки мама ещё подтирает. — Он секунду помолчал. — Сопельки на смазливом личике.

— Ага, спасибо за комплимент. Но не обольщайся, перед тобой здесь не загнись с припущенными штанами.

— Да ты там их уже приспустила.

— Там... если только один ветер, от него не беременеют. — Женщина обошла машину, с лицом знающего потолкала кроссовкой шину, открыла дверцу.

— Это если просят, то, возможно, не встанешь без штанов, — усмехнулся Солдат. — Но ведь могут и заставить.

— Хочешь попробовать? Рискни. — Женщина села в джип, захлопнула дверь; через секунду заработал двигатель.

Солдат улыбнулся, махнул ладонью ехидному и обиженному взгляду молодой женщины и пошёл к дороге. Лучик света от фонаря бегал перед носками берцев, осветил серый торец домика и упал на камень, где высокие буквы заставили прочесть себя: «ОКУНИ РУКИ Е ЧУЖУЮ КРОВЬ ПО САМЫЕ ПЛЕЧИ. ИЛИ СДЕЛАЙ ПЕТЛЮ И УДАВИСЬ». Ви посмотрел на длинный ствол дерева, сильно вклинивающийся в пляж и нависший над

стелой: «Да, вот на нём в самый раз вздёрнуться. Как раз для этого и приготовили».

Фары «вранглера» со спины высветили дорогу. Солдат посторонился, чтобы смазливая полицейская не боднула его кенгурятником или не подцепила крюком на катушку с металлическим тросом. Джип остановился со стороны правого плеча, стекло на дверце сползло.

— Эй ты! Как тебя там?.. — Весёлое лицо молоденькой женщины вместе с плечом высунулось, рука размашисто хотела вlepить подзатыльник, но Виктор увернулся. — Любитель раком всех заставить... ты дорогу знаешь?

— Не всех... только женщин.

— Да поняла я... я не об этом. Ты знаешь, где мы находимся?

Солдат внимательно осмотрел чернильную округу — что там можно было рассмотреть в полнейшей темноте? — спросил:

— Кто, мы?

— Ты серьёзно?.. Ты видишь кого-то ещё?

— Так я до этого хотел у тебя спросить.

— А, ясно, — недовольно повела носом женщина. — Ладно, брыкайся возле, будем вместе выяснять.

— А не боишься?..

— Не боюсь. Или я одна поеду.

От радости лицо Солдата расплылось как желе под палящим солнцем, осталось растечься всему самому по пляжу. Он обежал джип и уселся на сиденье рядом с местом водителя.

— Готов ехать? — спросила женщина. — И не надо меня раздевать своими похотливыми глазками. Здесь не место быть любовным прелюдиям.

— Вроде как... мы бы не при людях, если что.

Женщина усмехнулась, выключила в салоне свет и нажала педаль газа. «Вранглер» медленно покотился подниматься по серпантину, высвечивая силуэты причудливых кустов; камушки кузнечиками бились о дно машины.

— Меня — Елизавета. — Правая ладонь крутила руль влево, вписывала джип в крутой поворот, левая ладонь протянулась к Виктору.

— Чё, прям поцеловать? — Нос Солдата чуть не клюнул тыльную сторону женской ладони, а глаза свелись в кучу на красных ногтях.

— Хм. Ну, хочешь — припади губами, можешь даже чмок издать.

— Да не, ну его на фиг. После туалета небось не мылась. Если только не поплевала и об седушку не обтёрла.

— Придурок. — Лиза резко выкрутила руль обеими руками в правую сторону, шины взвизгнули на асфальте, Виктор ударился виском об стекло двери. — Влеплю сейчас, вылетишь жопой по дороге скакать как пинг-понговый шарик. — Елизавета надула губы и отвернула лицо к дверному окну.

Солдат пожалел, что неудачно пошутил, но ведь так сильно ему хотелось смазливую мордашку шуткой подковырнуть.

— За дорогой следи, — посоветовал он. — А то в лобовуху вместе вылетим и уже вдвоём будем жопами скакать — кто кого обгонит на тот свет.

— Дурак.

— Не... меня Виктор. Можно — Солдат.

Лиза на него взглянула, ничего не сказала, но на губах растянулась лёгкая улыбка. Свет фар высвечивал дорогу, шершавой полосой ныряющую под колёса джипа. Впереди маячила темнота, с боков — та же темень. Не видно было даже растительности, ни одной звёздочки на небе, не попало ни одного знака, ни одного хотя бы дальнего фонаря. Виктор переваривал в мыслях произошедшее с ним за последние сутки, прощался со спокойной жизнью. И тревожили два главных вопроса: между кем велась стрельба в подземелье и как так скоро наступила ночь?

1

Минут пятнадцать ехали молча. Лиза несколько раз крутила ручку магнитолы, хотела поймать любимую радиостанцию с бухающей музыкой, но, кроме неприятного шипения, визга и скрежета, похожего на зубной — ни одного человеческого слова не прозвучало. Виктор начал клевать носом, монотонное шуршание шин и приятное покачивание повели его в сон. Неожиданно джип толкнуло. Лиза громко вскрикнула, матерясь, закрутила руль то в одну сторону, то в другую.

Солдат открыл глаза:

— Что, что случилось?

Елизавета ударила ногой по тормозам. Молча схватила с заднего сиденья ветровку, накинула на плечи и вышла на улицу. Солдат выскочил следом. Они прошли метров пятьдесят, каждый подсвечивал дорогу своим фонарём. Впереди замаячило что-то белёсое, а когда подошли ближе, перед ними лежал ягнёнок, между глаз выжжено клеймо в виде перевёрнутой звезды. Бедное животное беззвучно открывало и закрывало окровавленный рот, половина тела раздавлена, внутренности выбивались откуда-то сзади.

— Это не я его, — сказал Лиза. — Еле успела объехать.

— Наверное, молодёжь. На пляже я слышал, как промчалась машина. Музыка и гогот звучали на всю вселенную.

— Мм. Наверное. — Лиза достала сбоку из-под ветровки пистолет и выстрелила ягнёнку в голову. На вопросительный взгляд Виктора, она ответила:

— Я же сказала, что полицейский.

Солдат молча кивнул, и они направились к джипу.

Через минуту после поворота за первыми появившимися деревьями — глазам предстала автозаправочная станция. Ореолы светящихся фонарей на фоне ночи создавали туманный ореол над всей заправкой.

— Наконец, хоть какая-то цивилизация. Заедем спросить... заправим бак, и воды купим. — Елизавета посмотрела на стрелку датчика топлива, нажала педаль газа, и через две минуты джип «Вранглер» подъезжал к бензоколонке. Скрипнул ручной тормоз.

Солдат открыл дверь, глубоко вдохнул свежий воздух и чуть не поперхнулся: воздух наполнен ядовитым духом серы с примесью бензина. Виктор сошёл на асфальт, поднял рюкзак с резинового коврика и надел на плечо. Шланг с заправочным пистолетом валялся перед носками берцев, широкая лужа жидкого топлива отливала светом фонаря с навеса. Валялись открытая пачка «Мальборо» с рассыпавшимися сигаретами и приоткрытый пустой спичечный коробок. Кругом притаилась подозрительная тишина, изредка нарушалась треском какого-то насекомого.

Лиза подошла к Виктору. Осмотрелась, дёрнула подбородком, указывая на пачку от сигарет и спичечный коробок.

— Ощущение, что хотели поджечь, но не успели.

Они прошли к стеклянным дверям и вошли в магазин.

Елизавета направилась к прилавку и кассе, чтобы сразу оплатить бензин, а потом уже посмотреть ассортимент на полках. Когда заходили в дверь — Солдату показалось, что под розовыми неоновыми трубочками на стекле витрин увидел отпечаток руки, похожий на

кровоавый. Он хотел подойти и посмотреть, но перекинул внимание на вопрос Лизы:

— Эй, здесь кто-нибудь есть?

Виктор осмотрел зал и подошёл к спутнице.

— Э-эй! — позвала Елизавета. — Нас кто-нибудь обслужит? — Она повернулась к Виктору. — Хоть бери что надо и уходи.

— Слушай... — Солдат обернулся и внимательно пробежался глазами по залу. — Мне кажется, здесь вообще никого нет. Смотри, валяются бутылки с колой, рассыпаны конфеты... орешки... печенье. — Он прошёлся вдоль полок, подобрал с пола газету и вернулся к кассе.

— Давай подождём, может, в туалет вышли.

Минуты три они стояли молча. Солдат бегал глазами по строчкам газеты. По мере того, как углублялся в текст, зрачки постепенно расширялись:

— Я не понял... это прикол какой-то?

— Что?

— Смотри. — Виктор поднёс газету к лицу Лизы, постучал указательным пальцем по названию статьи. — Буревестник красивых смертей... как тебе такое название?

— Что за газета?

— Буревестник.

— Никогда не слышала. Сейчас и газеты, наверное, не выходят. — Елизавета минуту читала. — О боже. Что это? Они детские смерти называют красивыми.

— И я тебе об этом... Так посмотри, *какую* смерть называют красивой. Как вообще смерть ребёнка может быть красивой? Любая смерть...

Елизавета заметно нервничала, вырвала из рук Виктора газету и отшвырнула.

— Эй, там! — крикнула она. — Если сейчас не выйдете, мы сами возьмём, что нам нужно и уйдём не оплатив. Иди, пожалуйста, посмотри — есть там кто или нет. А то будем ждать до утра.

Солдат обошёл прилавок и скрылся в дверном проёме, через полминуты вышел.

— Кроме коробок — там никого.

— Неужели заправку вот так вот оставили? Это ненормально. — Елизавета окинула полки долгим взглядом. — Берём что нужно, деньги по цене оставим, а там, как хотят. — С прилавка взяла полиэтиленовый пакет, раздвинула и кинула в него: два батончика «Марса», два «Сникерса», два пакетика «Скитлс», две пачки сигарет и охапку жевательной резинки. — Возьми воды, пожалуйста, шесть бутылок. Я оплачу.

— Я, как бы, сам могу оплатить. — Солдат взял трубку телефона, надавил на кнопку и прижал к уху. — Только для глухих. Она даже не шуршит. — Виктор нагнулся за коробкой с водой и за коробкой с банками пива — дождевик каким-то образом сдвинулся, оголил ручку обреза. Когда обернулся — на него смотрело дуло пистолета. Солдат замер, не понимая, что случилось.

— Стой и не шевелись, — посоветовала Лиза. — Какого беса у тебя обрез в рюкзаке? — Её глаза вдруг стали грустные, казалось, сейчас наполнятся слезами. — Ты кто такой? Ты не знаешь, где мы... куда дорогу ведёшь?

— Опустит ствол. — Солдат не знал, что ответить. — Я тебе зла не причиню. Если бы хотел, то там у пляжа что-нибудь сделал.

— Ты преступник?

— Нет.

— Мне верить? — Лиза нервно жевала губы, решая, как правильно поступить. — Какого чёрта ты мне его показал? Теперь я не знаю, что с тобой делать, как мне быть.

Они помолчали.

— Поедешь со мной, если отдашь ствол, — заявила Елизавета.

— Я никогда, ни при каких условиях не отдам своё оружие. Я лучше продолжу путь пешком.

— Вот скажи, зачем тебе обрез?

— Охочусь. Сов ищу. Вон, — Виктор кивнул, — одну уже нашёл.

— Вот ни разу не смешно. Мне теперь с тобой опасно находиться.

— Ты же полицейский.

— В первую очередь — я молодая женщина. — Елизавета медленно опустила пистолет. — Да что здесь происходит, чёрт побери, ни одного человека нигде нет? Рассказывай, как заплутал?

— Утром залез в старый длинный склад, через час вышел с другого входа, но уже ночью.

— Что-о? — Лиза завела глаза под лоб, провела ладонью по лицу. — Значит... Я въехала в туман... в непроглядный туман, думаю, как бы не столкнуться с кем-либо. Съехала с дороги и заснула буквально минут на десять... Я была уверена, что прошло десять-пятнадцать минут. Я даже полностью не провалилась в сон... всё время слышала, как птицы щебечут. Именно когда они замолчали — я открыла глаза... а вокруг темнота. Я подумала, что всё-таки заснула и не заметила, как проспала несколько часов. Оказывается... нет. И как ты думаешь, что это значит? Куда мы вляпались?

Солдат пожал плечами:

— Если честно — у меня нет вариантов. — Внешне Виктор был спокоен, но после короткого повествования Лизы — на сердце стало совсем беспокойно. — Предлагаю поехать дальше по дороге. А там разберёмся. Надеюсь.

— Раз у тебя есть оружие, тогда будешь меня защищать.

Перед тем как выйти, Солдат поднял газету, которую отшвырнула Лиза, сунул в рюкзак.

2

Джип «Вранглер» ехал полчаса по дороге, фары высвечивали серую шершавость, мелкие камушки и, как казалось Виктору, частые кровавые капли. Чтобы не пугать и не расстраивать Елизавету, он не стал говорить о своих подозрениях, но у него создалось ощущение, что недавно перед ними прошёл кровавый дождик. Несколько раз Солдат старался рассмотреть темноту через стекло двери — кроме чернильной слюдянистой пучины, он ничего различить не смог. «Там точно зависла бездна, — говорил Виктор в мыслях, — а дорога зависла над ней». Он посмотрел на спидометр — стрелка колыхалась на ста двадцати, перевёл взгляд на подсвеченную стрелку датчика топлива: заправиться забыли, через двадцать километров джип встанет.

Через сто метров впереди завиднелись огоньки.

— Солдат, тебе сколько лет? — Лиза неотрывно следила за дорогой. При виде света на столбах она облегчённо вздохнула, надеясь, что там будет поселение и они хоть узнают, где находятся.

— Двадцать пять. Почти.

— Значит, двадцать четыре. Говори точно.

Что-то промелькнуло справа на обочине дороги.

— Господи пресвятой! — вскрикнула Елизавета. — Ты видел, что там?! Ты видел?!

Солдат наклонился за банкой пива и, естественно, всё просмотрел; он быстро повернулся в окно, лишь успел заметить тыльную сторону дорожного знака, который сразу скрылся в темноте.

— Что? — спросил он.

— Там... там... Не знаю, что-то ужасное! Давай посмотрим.

— Давай. Тормози.

Елизавета плавно остановила джип, слегка завела на обочину. Ладонь нажала кнопку на приборной доске, с потолка заструился слабый свет. Лиза повернула лицо к Солдату, и он мысленно определил, что оно белее снега.

— Ты сиди за рулём, я один... — Солдат сильно удивился: что там такое могло быть, из-за чего у Лизы глаза чуть ли не повыскакивали из орбит? Он достал из рюкзака обрез и выпрыгнул из джипа, в руке щёлкнула кнопка фонаря. В двадцати шагах замаячил тот дорожный знак, до слуха донеслось карканье. «Надо же. Ночь, а вороны не спят». Не дойдя метров пять, Виктор осветил знак и по дуге стал обходить, чтобы на расстоянии встретиться с глазу на глаз с напугавшим Лизу объектом.

Солдат почувствовал, как холодные волны пробежались по всему телу. К круглому ржавому дорожному знаку привязан колючей проволокой шестимесячный человеческий плод, пуповина обвила трубу, кровавые брызги летели из-под мощных клювов двух воронов.

— Пошли вон! — крикнул Виктор и махнул ладонью.

Птицы вовсе не собирались слушаться человека, их ехидные взгляды отражали свет от фонаря. Солдат осветил всё место. На полметра ниже прикреплена металлическая пластина, где написано красной краской: «ЗВЕРЕЙ, УБИВАЙ, ВОСКРЕСАЙ, ИЛИ СДОХН ЗАПОМНИ — ЛИШЬ ИЗ ГРОБА ВЫХОДА НЕТ».

Виктор непроизвольно вздрогнул, шёпотом повторил слова, подумал, как бы хорошо оказаться дома в уютной тёплой постели и видеть пятидесятый эротический сон. Да ладно — и без снов согласен. Но теперь ему светят — лишь скитания. Не стал он трогать воронов, оставил всё как есть, побежал к «вранглеру».

— Что там? — спросила Елизавета, когда Солдат захлопнул дверь. — Что клевали вороны?

— Дохлаю кошку кто-то привязал к дорожному знаку.

— А мне показалось...

— Нет. Это кошка, — поспешил перебить Виктор. — Поедем поскорее отсюда.

— А разве вороны ночью не спят?

— Спят. Но это сказочные вороны.

Елизавета как-то подозрительно оглядела Солдата, повернула ключ зажигания. Джип «Вранглер» продолжил путь.

Солдат воззрился на серую полосу дороги, исчезающую под колёсами джипа, и у него сложилось такое впечатление, что не они едут по дороге, а она их давит. Он тоскливо пробежался по последним дням своей жизни и окончательно понял, что обречён: он потерял свой мир. Когда был на войне — командир говорил: «Чтобы не бояться, вы должны осознать одно — вы уже погибли. И если вам повезёт остаться в живых — считайте, что вы воскресли».

— Я уже умер, — прошептал Солдат, чтобы не слышала попутчица. — Ведь я не свой — я божий. — Он постарался всмотреться в темноту, заполонившую мир за боковым окном, но в ответ смотрел лишь непроглядный мрак. — Но я постараюсь воскреснуть.

— Никогда такого не видела, чтобы на протяжении десятков километров не попало ни одной машины, — вывела Солдата из размышлений Елизавета.

— И не единого человека. Ты не пробовала позвонить по мобильной связи... дозвониться до своих?

— Нет здесь никакой долбанной связи. Словно в чёрную дыру провалились. — Елизавета во что-то всмотрелась, приблизила лицо к лобовому стеклу. — Что там впереди?.. Смотри, какие-то красные огоньки разбросаны.

Солдат не ответил — не успел ответить, — фары «вранглера» выхватили из темноты перекрёсток. На боку лежал старенький джип «Чероки» годов девяностых, мигали фары аварийной сигнализации. Повсюду разбросаны сумки, на некоторых блестели светоотражатели. На правом ближайшем углу перекрёстка — покосившийся обломанный деревянный столб, от него по асфальту тянулся зигзагом след тормозного пути.

Елизавета остановила «вранглер» перед большой сумкой, зачем-то погасила фары, включила габаритные огни.

— Вот и повстречали первых людей, — произнесла она, поворотом ключа заглушила двигатель. — Они, кажется, врубались в тот столб.

— Я пока ещё никого не вижу, — в голосе Виктора прозвучали беспокойные нотки. — Это, наверное, та молодёжь, которые за полчаса до нас проехали. Других машин не было.

— Вооружайся, — посоветовала Лиза, открыла свою дверцу. — Пошли. Там, наверное, срочная помощь нужна.

Они медленно подошли к «чероки», освещая фонарями пространство аварии.

— Охереть! — воскликнул Солдат. — Площадку, наверное, поливали кровью из вёдер. Наверное, тех, кто был в джипе — распотрошили как... снаряд, попавший в пузо.

— Может, кровь перевозили и опрокинули, — предположила Лиза.

Где-то справа вдалеке простонал вой шакала. Солдат метнул свет фонаря в ту сторону, но, кроме темноты, ничего не различил: лучи словно наткнулись на воздушную стену, за которой свет терялся. Виктор осветил дно «чероки» — от глушителя выхлопной трубы шёл слабый пар.

— Смотри, — Солдат наклонился, чтобы лучше разглядеть, — как сильно пузо распорото.

— Ого. Это на что они напоролась? Будто по дну прошли стальными когтями. — Елизавета прошла к лобовому стеклу. — Эй, там кто есть? — Посветила фонариком. — Эй!.. Живые!.. — Провела лучом по салону, внимательно всматриваясь сквозь пыльное стекло. — Там, кажется, пусто. Залезь и посмотри на задние сиденья.

Солдат посветил в заднее стекло: ничего не различил. Осмотрелся, поднял две сумки, поставил одну на другую и влез на бок «чероки».

— Нет там никого. Будто всех вытащили и аккуратно прикрыли двери. Или испарились.

— Странно. — Лиза оглядела пространство вокруг джипа. — И сумки не подобрали. Всё же кто-то сильно ранен был? — Она осмотрелась. — В таком количестве крови не только можно купаться, а ещё и нырять.

Виктор вытянулся в полный рост и прошёлся светом по перекрёстку, посветил под ногами.

— Но я не вижу никаких следов. Сумки будто специально расставили. Как они вылезли? Окна даже не разбиты.

— Да, — задумчиво произнесла Елизавета. — Действительно, словно все испарились. А

сумки... правда, аккуратно расставлены. В них даже не заглядывали, молнии застёгнуты.

Солдат прыгнул на асфальт.

— Лиз, что делать будем? Попробуй ещё раз кому-нибудь дозвониться. Я пойду к столбу, осмотрю.

Елизавета внимательно и вдумчиво осветила каждую сумку, посчитала. Удивилась — как двадцать больших сумок поместились в «чероки», а ведь примерно столько же валяется на другой стороне, — и пошла к «вранглеру» за мобильником.

Не дойдя пару шагов до столба, Виктор остановился, присел на корточки, ладонью провёл по трём бороздам на асфальте. Удивлённо обернулся на джип «Чероки» и снова посмотрел на три шершавые канавки метра три длиной. Холодок пробежал по спине, заставил содрогнуться.

— Такое ощущение, что кто-то из-под земли вытащил когти и пропахал пузо «чероки», — прошептал Солдат и обернулся: как там Лизка — звонит?

3

Елизавета оперлась задом на крыло переднего колеса, лицо подсвечивалось от дисплея айфона, указательный палец бегал по экрану.

— Да, повезло сэру «вранглеру», на вид — задница Лизки упруге, чем мои эспандеры для рук, висевшие в кладовке. — Солдат усмехнулся, подумал: «И дыни такие же, как мячи. Соски через ткань торчат как пеленгаторы — ловцы жадных мужских взглядов».

Снова с правой стороны перекрёстка к небу взметнулось жалобное завывание шакала, только ближе — намного ближе. За спиной утробно прорычало. Виктор резко обернулся: казалось, грозный низкий рык своим дыханием едва не коснулся спины. Свет фонаря лёг на серую дымку над асфальтом.

— Мы же не в джунглях, — успокоил себя Солдат и шагнул к покосившемуся столбу. Скорее всего, это когда-то был столб электропередачи или фонарный; колючая проволока овивала сильно потрескавшуюся поверхность. На белом тетрадном листе, приколотом кривым гвоздём почти к самому верху, коряво написано красной краской: «СМИРИТЕСЬ ВАШИ БОГИ ДАВНО СДОХЛИ». Чуть ниже всё той же красной краской нарисована перевёрнутая звезда в кругу, откуда протянулись красные потёки.

Солдат вспомнил, что похожее достал из бывшей жены, когда она мёртвая распласталась на диване. Приступ лёгкой тошноты создал спазм в горле. Виктор натужно кашлянул и в мыслях задался вопросом: «Меня сатанисты преследуют?» Он посмотрел на Елизавету; она шла к нему, скользила светом фонарика по дороге, утоляла своё любопытство. «Нас — преследуют».

Вспомнился странный сон из прошлой ночи в заброшенном доме отца. По центру комнаты на стуле с высокой спинкой восседал Бафомет, а сам Солдат пил молоко из его груди. Бывшая мёртвая жена вытанцовывала в юбке из марли, полностью пропитанной кровью; на её голове восседал белый череп барана, чёрные круги под глазами и вокруг рта смешались с пятнами крови. Звучала душераздирающая мелодия, стонали женские голоса. Пахло серой, металлом и хлоркой. Довольный Солдат отвёл губы от груди Бафомета и с улыбкой повернул лицо к жене. Барбара набирала темп в танце и так быстро крутила руками, что походила на бога Шиву. Неожиданно она замерла, так резко, что, казалось, остановилось само время. Она подошла к Виктору, опустилась на колени. В её глазах полыхала ненависть попеременно со стеклянной пустотой. Глаза метнулись под лоб и застыли будто в мольбе, губы медленно растянулись в злобной ехидной улыбке. Помедлив,

Барбара плюнула ему в лицо, сняла с себя марлевую повязку, перекинутую через плечи; пальцы рук сжали упругие женские груди. Раздался чмокающий взрыв, обдавший кровавой плотью лицо Солдата. Барбара стояла с растерзанными грудями, истерично смеялась, иногда издавая рыдающие всхлипы; её ладонь хлопнула Виктора по щеке, повернула лицо и воткнула его губы обратно в грудь Бафомета.

— Эй, ты чего замер? — возник голос Елизаветы.

Солдат вышел из задумчивого оцепенения:

— Вспомнил приснившийся кошмар. Давай уедем отсюда. Мне не нравится это место. Трупов, раненых не нашли... наши совести спокойны, а с «чероки» пусть следующие занимаются. Если, конечно, следующие вообще здесь когда-нибудь появятся.

Справа, потом слева, потом спереди и сзади раздались пронзительные вопли и короткие смешки гиен. Сначала четыре, дальше — десять, и уже сотня визгливого нечеловеческого смеха смыкала круг. Иногда, казалось — они переговаривались повизгивающим журчанием, и сквозь резкий хохот слышалось: «Ага, ага, а-ха-ха, ага, а-ха, ага».

Виктор светил фонарём в разные стороны, откуда точно испускались вопли, но, кроме призрачных теней не пойми отчего, ни одной живой души не узрел. Он повернулся к Елизавете.

— Лиз, давай, валим отсюда.

Лиза замерла возле столба, задрал лицо к листу, губы шептали написанное.

— Лиз, Лиз, уезжаем. — Солдат потормошил Елизавету за плечо. — Лиз, или сейчас нас сожрут. — Он повернул руку с фонарём и ещё раз осветил пространство за спиной.

— Здесь сказано, чтобы смирились, ваши боги сдохли. — Елизавета хохотнула. — Они, правда... наши боги сдохли? — Она ещё раз хохотнула. — Наши боги сдохли... сдохли... вот так вот раз... и сдохли, представляешь. Вот дураки.

Солдат непонимающе пялился на Елизавету, снизу подсвечивая фонарём, старался заглянуть в глаза: голос, мимика, движения, жестикуляция — всё изменилось в этой женщине.

Лиза застыла с глуповатой улыбкой, задержала задумчивый взгляд на глазах Виктора. Лицо приняло прежнее — разумное выражение.

— Так, ладно. — Лиза отёрла лицо ладонью. — Говоришь — давай уедем? Да, давай. Пошли к машине. Всё равно пострадавших нет и никому не дозвониться. — Елизавета переложила фонарь в левую ладонь, взяла под руку Солдата, и они поспешили к «вранглеру».

4

Через пять шагов они остановились так, будто были ножами и их глубоко воткнули в землю. Ладонь Лизы крепче сжала бицепс Виктора.

Им навстречу медленно шла собака — громадная собака. Бока, будто когда-то сильно обожжённые, раздувались. Голова опущена так низко, что нос, походивший на нос летучей мыши, иногда касался дороги. В углах пасти застыла кровавая пена, из неё по челюсти стекали красные струйки, капали на тёплый асфальт. Длинный ярко-алый язык свисал и тёрся по шершавому дорожному полотну под передними лапами. Собака издавала злобные клопочущие звуки. Жёлтые глаза с красными прожилками не сводили хищного взгляда.

Не дойдя метра три, собака замерла на месте. Нижняя челюсть легла на асфальт, короткий хвост — наверное, кем-то обрубленный — поднялся выше.

— Это такая собака? — прошептала Лиза. — Как ты думаешь, это не опасно?

— Я думаю — эта мутирующая тварь собирается на нас кинуться, — шёпотом ответил

Солдат, искоса взглянул на Елизавету. — Где твой пистолет?

Лиза убрала пальцы с руки Виктора, ладонь полезла к заплечной кобуре. Виктор приподнял обрез, раздался слабый щелчок от взвода курка.

Собака хрипло взвизгнула и бросилась на Солдата. Лиза вскрикнула, отскочила в сторону. Громыхнул выстрел, снёс полморды. Собака по инерции пролетела вперёд, сшибла Виктора. И теперь он лежал на спине, с силой отодвигая от себя тело мутанта, стараясь убрать лицо в сторону от стекающей крови вперемежку с бледно-жёлтой жидкостью.

— Солдат, Солдат! — услышал Виктор голос Елизаветы. Он наконец-то свалил с себя мёртвую тушу и вскочил на ноги.

Лиза стояла, согнувшись, водила перед собой обеими руками: в правой зажат пистолет, в левой — фонарь.

Солдат подскочил к Лизе и направил свой фонарь туда, куда падал луч из её рук. Тихо присвистнул. И с ужасом подумал, что у него только один патрон — пачку из рюкзака с собой не взял. А ещё он подумал, что всё это похоже на ловушку — страшную, безысходную. А ещё проскользнула мысль: «В этих сумках, случаем, не та ли молодёжь запрятана из «чероки»?»

Солдат обернулся: и там тоже всё усыпано. Он обречённо прошёлся лучом по дороге, меряя в уме, сколько примерно шагов до «вранглера» и успеют ли добежать. И снова повёл лучом фонаря по «войску», их окружившему.

Это были сотни, быть может, тысячи гиен, шакалов, волков и таких вот, одного из которых он только что убил, мутантов. Впереди, слева и сзади на расстоянии десяти метров подошли и остановились по одному псу-монстру, которые крупнее и в разы страшнее убитого. Их кожа тигриного окраса испещрена гниющими ранами. Гиены — или подобие их — иногда издавали визгливые смешки, запрыгивали на спины других и через головы снова прыгивали на дорогу, чтобы быть ближе, в первых рядах. Многие волки с проплешинами, изъеденными до рёбер кожами. Смрад витал от неумолимо смыкающегося смертоносного кольца.

Лиза боялась шелохнуться. Солдат взял её за рукав плащёвки и потянул к джипу. Слева одна из пятнистых гиен перепрыгнула тигрового пса-монстра, приблизилась, дважды «хохотнув» и оставив открытую пасть улыбающейся, остановилась в двух шагах от Елизаветы. Весь круг замер, будто в ожидании команды.

Солдат на полшага приблизился к зверю, направил обрез, медленно пропустил за своей спиной Лизу.

— Щемись к джипу, — тихо произнёс Виктор. — Заводи двигатель и... если что, уезжай прочь одна.

— Я тебя не брошу.

— Там видно будет.

Не отводя стволов от морды гиены, которая не отставала, но и пока ничего не предпринимала, Виктор двигался спиной за Елизаветой. Он услышал, как щёлкнула ручка двери «вранглера». Лиза или оступилась, или поскользнулась — вскрикнула. От неожиданности Солдат нажал на спусковой крючок. Выстрел разнёс левую сторону грудной клетки гиены. Зверя отбросило. В один миг на умирающую гиену набросились свои и растерзали. Волна воя, визга, грозного рыка, дикого смеха прошла по звериному кругу.

Солдату показалось, что на них надвигается ад. Он заскочил в заднюю дверь и заорал:

— Лиза, гони! — Сразу с заднего сиденья пролез на своё место и достал из рюкзака

пачку патронов, зарядил обрез.

Елизавета завела джип, перевела ручку передач и вдавила педаль газа до упора. Она собиралась немного сдать задом, объехать «чероки» и на набранной скорости проторить дорогу сквозь стену зверей. «Вранглер», ревя мотором, резко рванул назад. Солдат крутил головой и обрезом, готовый в любой момент открыть огонь. Удар в зад «вранглера» был настолько мощным, что у Елизаветы и Солдата чуть не полопались шеи.

— Что это?! — взвизгнула Лиза, стараясь вырулить руль.

— Не знаю!

Некая мощь понесла джип вперёд, распихав валявшиеся сумки (звери только успевали выпрыгивать из-под колёс), со скрежетом вонзила в «чероки» — и вместе с «чероки» ещё пронесла по асфальту несколько метров; «вранглер» заглох. Всё остановилось. На некоторое мгновение воцарилась тишина. Лишь вдалеке несколько раз отрывисто хохотнула гиена.

Бледное лицо Лизы повернулось к Солдату, губы ещё раз прошептали вопрос:

— Что это?

Виктор повернулся к заднему стеклу. Что-то промелькнуло наверх и грохнулось на крышу «вранглера». Солдат задрал лицо к потолку и направил стволы обреза вверх.

Нечто сделало один шаг и продавило крышу. Солдат воткнул в металлический выпуклый отпечаток ствол, размышляя — выстрелить или нет. Джип сильно качнуло, над передним стеклом что-то взметнулось и на «чероки» приземлилось существо.

И Елизавета, и Солдат направили фонари в лобовое окно.

Почти вплотную на них смотрели глаза полные ненависти и зла. Существо когда-то было человеком, мутировавшим в монстра. Его тело — словно местами было покрыто гудроном, в шишках, покрыто кровоточащими язвами; колени сильно опухшие. Нос почти отсутствовал, зато пасть, набитая острыми длинными зубами, почти во всё лицо. Над обеими щиколотками — кольца от кандалов, в левом кулаке сжата цепь с шаром, на котором торчали металлические шипы. К правой руке, начиная от локтя, прикреплены ремешками громадная перчатка с кривыми ножами. Насколько громадная, что Солдат удивился — как такое можно поднять. Человек-монстр сел на корточки, концы лезвий коснулись бампера «вранглера»; он несколько раз заглянул Солдату и Елизавете в глаза. И хоть это был монстр, в его взгляде читался разум.

Виктор направил на него стволы обреза. Лиза поворачивала ключ в замке зажигания, раза с десятого завела двигатель «вранглера». Джип медленно покатился от «чероки». Человек-монстр вытянулся в полный рост, что-то невнятное крикнул. На капот «вранглера» запрыгнул волк. Его единственный глаз светился мутной синевой, второй рассечён глубокой незаживающей бороздой. Пасть волка ударила зубами в стекло, словно хотела перекусить голову. Лиза вскрикнула и, наверное, от неожиданности ударила ногой по педали тормоза. Джип резко тормознул. Несколько десятков гиен издали весёлые смешки. Солдат точно увидел смеющуюся пасть волка, который длинной дугой лизнул по стеклу и начал изрыгать кровь. И через несколько секунд через лобовое стекло нельзя было ничего увидеть. Лиза двигала джип назад, ломались чьи-то кости. Включились дворники, с помощью струй из стеклоомывателя в лобовом стекле образовались окошки. Человек-монстр спрыгнул с «чероки» на землю, открыл одну из сумок, что-то достал и метнул. Человеческая грудная клетка в разодранной одежде ударилась со стороны водителя, волк спрыгнул с капота. Елизавета вскрикнула, резко вывернула руль, чтобы повернуть «вранглер» к перекрёстку. В боковое окно, где сидел Стрелок, врезалась морда шакала, оставила кровавую кляксу.

Следом вмялась ещё одна морда, выбив себе глаз. Со стороны Елизаветы ударило, вогнуло немного дверь, стекло треснуло. Человек-монстр кидал из сумок человеческое мясо в джип «Вранглер».

Удары посыпались как горох, культивируемый для гигантов. Иногда одну сторону колёс приподнимало и, казалось, джип сейчас опрокинется набок. Человек-монстр поднял к небу пасть и заорал. Круг зверей расступился от «вранглера», чтобы с невероятной силой вновь сомкнуться и целиком поглотить. Морды скребли зубами по стёклам, бились лбами и носами, рвали лапами и когтями металл. Визжали, рычали, клочкотали, смеялись отвратительными голосами гиен. Солдат вертелся то в одну сторону, то в другую, то в третью, то в четвёртую, боясь выстрелить: тогда в салон ввалиться вся эта звериная армада и разорвёт их в доли секунды. Лиза что-то кричала, яростно крутила руль то вправо, то влево. Звериный круг несколько раз расходился и сразу смыкался. Лиза поймала момент, когда вокруг джипа образовался круг пустоты, огляделась, увидела дорогу, сворачивающую с перекрёстка, и, что есть силы вдавив педаль газа, направила «вранглер» туда. Разбивая звериные морды кенгурятником, джип нёсся к спасению. Виктор воззрился в заднее окно, душа похолодела. Человек-монстр высоко взметнулся и теперь падал на них с приготовленной правой рукой для удара. Концы ножей лапы вспороли угол крыши. От удара «вранглер» встал на задние колёса, через несколько метров снова опустился на четыре колеса и понёсся по пустой дороге в непроглядную темноту.

На нервах — Солдат открыл окно, высунулся и дважды выстрелил из обрезка в сторону перекрёстка.

Никто их не преследовал.

1

Ехали молча, в мыслях переваривали произошедшее. Через несколько километров Лиза сбавила скорость «вранглера», открыла окна; душный ветер ворвался в салон. Она захихикала и замычала какую-то песенку. Потом, словно поймала озарение, дёрнулась и повернула лицо к Виктору.

— Я не пойму, почему они утверждают, что наши боги умерли? — После произнесённых слов Лиза хлопнула ладонью себе по щеке. Ещё раз хлопнула. Потом оставила руль и надавала себе крепких пощёчин и засмеялась. — Я с ними не согласна ни разу.

— С тобой всё нормально? — спросил Солдат, видя, как Елизавета иногда бросает взгляды в темноту и тихо хихикает. Она не ответила, нажала кнопку на двери, чтобы поднять стёкла. Некоторое время Виктор не отводил глаз от зелёных и оранжевых огоньков на приборной панели, от тонких женских ладоней на руле, но главное — боковым зрением наблюдал за Елизаветой. Её странное поведение после прочтения листка на столбе его озадачивало. Она ещё пару раз щёлкнула себя по лбу тыльной стороной ладони, голова дважды тряхнулась на шее так, что, казалось, за секунду сделала тысячу движений; губы неустанно очень тихо нашёптывали молитву.

Очень неприятное чувство оседало на сердце Виктора. Он видел, как однажды женщина сошла с ума при виде разорванного тела собственного ребёнка. Перед тем как свихнуться, она улыбалась, старалась заглянуть всем в глаза и всё время спрашивала: «А что это с ним?.. Почему он такой?.. Вы правда не знаете, зачем он стал таким?» Солдат с подозрением покосился глазами на Лизу. Её шёпот становился громче и настойчивее. Она широко улыбнулась своему отражению в переднем стекле, нечаянно посмотрела на Виктора и замерла.

— Ты в *бога* веришь? — спросил Виктор.

— Нет.

— А читала молитву... отче наш.

— Этого не может быть. Я не знаю ни одной молитвы.

— Я тоже не знаю, но слышал... отче наш, иже еси на небеси. Я такое сочинить — точно не мог.

— Я не читала! — крикнула Лиза, ударила ладонями по рулю; брызги слюней слетели с губ, мельчайшими пенками улеглись на лобовом стекле. Елизавета кинула испуганный взгляд на Виктора.

— Ничего страшного. После такого пережитого...

— После какого пережитого? — не дала договорить Лиза, повернула голову, глаза непонимающе пробежались по лицу Солдата.

— Как?.. — опешил Виктор. — Только что... что было?

— Что было?

Солдат некоторое время обескураженно смотрел на Елизавету.

— У нас переднее стекло всё в крови, твоё треснуто. Смотри, сзади — верх машины распорот.

Лиза взглянула на задние сиденья, осмотрела салон.

— А, это... это, кажется, дерево упало.

— К... какое дерево?.. — Солдат осёкся и больше не стал ничего говорить, поняв, что у Елизаветы, что-то с памятью. И те слова про Богов — они как-то ненормально на неё действуют: как слова-якоря для зомбированных людей, после произношения которых человек начинает что-то нехорошее творить. Он решил ей подыгрывать, лишь бы она оставалась разумной.

— Прости, не пойму, о чём ты... нам нужно куда-то съехать и отдохнуть. И я сильно проголодалась.

Фары «вранглера» высветили дорожный знак, который пролетел ракетой навстречу джипу.

— Что там? — спросила Лиза.

— Дорога малая прилегает справа. Через сто метров. Я думаю, нужно проехать по ней. Может, деревушка какая-то попадётся. Нужно же нам узнать, куда мы запропастились.

— Да, так и сделаем. — Лиза снизила скорость «вранглера» и, как и сказал Виктор, через сто метров повернула направо.

Через пятьдесят метров асфальт закончился, дорога перешла в щебёнку, потом в камни, а ещё через пятьдесят метров стала совсем невыносимой, больше похожа на высохшее устье горной реки; Виктора и Лизу мотало из стороны в сторону. Валялись доски, брёвна, очень крупные камни. Несколько раз «вранглер» чиркнул дном о валуны. По бокам дороги распласталась непроглядная бездна полей.

— Смотри, впереди дом. — Ладонь Солдата непроизвольно легла на ляжку Елизаветы. — Такой сильный туман оттуда валит. Словно дым из чьей-то пасти.

Лиза посмотрела на мужскую ладонь, сжавшую ногу ближе к паху, ничего не сказала, лишь качнула головой и усмехнулась. Резко крутанула руль влево, потом вправо и снова влево. Джип сильно подпрыгнул, Виктор ударился виском о боковое стекло.

— Ты видел, что я объехала? — спросила Лиза. — Стиральная машинка и ванна. И холодильник.

— Ну и что? Наверное, потеряли при переезде, — шутливым тоном сказал Виктор. — Обратно поедem, заберём.

«Вранглер» выехал на гладкую земляную дорогу, помчался набирать скорость. В салоне стало душно. Лиза открыла окна передних дверей. Ворвался свежий воздух с лёгкой примесью мускуса, полыни и чеснока. А ещё, как показалось Виктору, еле уловимый сладкий запах разложения, напоминавший вонючий сыр. Частые крошечные огоньки, похожие на светлячков, стали сопровождать джип.

2

В чёрном небе образовалась брешь, кучевые облака засветились изнутри стальным светом, появилась луна. Подул холодный ветер, вызвавший лёгкую дрожь. Духота быстро спадала. Ночное светило полностью освободилось от туч и облаков, ясно осветило все земные поля. Голубоватая дымка, стелящаяся по земле, окутывала снопы, часто расставленные по нивам; на правом поле ржавел старый комбайн без жатки, на левом — из продолговатого жёлтого стога торчали задние металлические колёса трактора. Повсюду — на жердях распяты чучела человека, сотворённые из грубой мешковины; у некоторых — в руках вилы или косы, на шеях болтаются обрубки петель из пеньковой верёвки.

— Почему такие поля? — спросила Елизавета. — Сейчас только начало лета. Мы словно попали в другую эпоху. — Она на секунду положила правую ладонь на плечо

Солдата. — Скажи, только правду, на том, на первом знаке ведь была не кошка? Это ведь был ребёнок?

— Да кто его знает, — пробубнил Виктор и повернулся к боковому окну. — В темноте не разглядел.

Елизавета повернулась, хотела что-то сказать; глаза стрельнули вверх головы Виктора, на лице отобразился ужас. — Что это?! Смотри!

Солдат резко повернул голову. Лиза посмотрела в своё боковое окно. На полях, где заканчивались снопы, начинались виселицы, на которых болтались люди. Кругом по земле шастали вороны, подсвеченные жёлтым светом луны, иногда тяжело взлетали, словно вес был равен птеродактилю, а крылья лишь мешали. Иногда из тумана взметались маленькие смерчи, поднимали бумагу, пыль, сухие стебли травы.

Елизавета остановила «вранглер» и зачарованно уставилась на мрачную картину, где с неба в густой низкий туман били молнии.

— Что делать будем? — Лиза повернулась к Виктору, на бледном лице читался ужас. — Смотри, — прошептала она, — это же настоящие люди повешены. Нужно срочно куда-то сообщать.

— Видно — как днём, — задумчиво произнёс Виктор.

Елизавета достала из сумки айфон, набрала номер и прижала к уху. Через минуту грязно выругалась, швырнула через плечо на заднее сиденье.

Впереди по дороге в расступившемся тумане появилась двускатная крыша двухэтажного бревенчатого особняка. По центру над коньком возвышалась кирпичная труба, на конце которой восседало большое птичье гнездо. К левому углу дома пристроена узкая башня с конической крышей. Дорога упиралась в разбитые деревянные ворота, с обеих сторон прилегал невысокий часто прореженный дощатый забор, некоторые доски перевязаны толстой верёвкой или колючей проволокой. На нескольких двухметровых деревянных копьях насажены человеческие черепа.

— Вот и дождались, — не очень-то весело объявил Солдат, большой палец правой руки произвольно взвёл курок обреза.

Елизавета подвела «вранглер» к правому воротному столбу. Виктор закинул рюкзак на плечи, крепче сжал в ладонях обрез ружья и вышел на улицу. Осмотрелся: как-то не очень приводила к доверию вся эта мрачность перед глазами. Обошёл джип сзади и подошёл к проёму ворот. Лиза не выходила, почему-то медлила; её голова то ныряла за боковым окном, то вновь поднималась, уткнув лицо, наверное, в то, что было в руках. Солдат решил, что Елизавета ещё раз пробует поймать связь и набрать номер на айфоне, но без неё не решился идти дальше: она хоть и женщина, но полицейский, имеет ствол и умеет с ним обращаться, а значит, постоять за себя, и при необходимости хоть немного помочь, подстраховать.

Солдат поднял глаза к металлическому листу, свисающему на цепях с разошедшейся балки. На ржавой поверхности плясала надпись: «ЭТО НЕ ВАШ ПРОКЛЯТЫЙ». Виктор задумался и ещё несколько раз прочёл. Создавалось стойкое ощущение, что обращаются к ним.

Елизавета выскочила из джипа.

— Пошли в ворота. Нет здесь связи. Никого нет. Словно весь мир повесился.

Они даже не заметили, как проскочили густое марево и оказались в пасмурном дне; а если и заметили, то мгновенно забыли.

Они будто окунулись в глубины грязного и мрачного океана. Мёртвая тишина поглотила все звуки, казалось, давила своими невидимыми прессами, затыкала уши невероятным давлением, что больно стало в головах. Зелёная полутьма окутывала своим запустением, убожеством или даже неряшливостью, разрушением; угрожающим безмолвием вторила в такт гнетущей тишине, которая притаилась для свершения великого зла.

Солдат и Лиза застыли, рассматривая территорию особняка, заросшего разными колючими кустарниками и деревцами: терновником, ежевикой, шиповником, розами, боярышником. В нескольких местах они создавали непролазные гущи и ходили на невысокие горы, покрытые зелёной листвой. Стена западной стороны дома и фасад поросли диким виноградом и плющом, а с крыши высокой террасы свисали салатовые гроздья хмеля. Все ставни окон закрыты, переплетены ржавыми цепями, сцепленными мощными навесными замками. Повсеместно валялся мусор, разбитые и раскрошенные кирпичи.

Левая ладонь Елизаветы непроизвольно сжала пальцы Виктора и больше не отпустила, а правая потянулась под ветровку к ручке пистолета в заплечной кобуре.

Площадка перед левой стороной дома заболочена, в земляных холмиках, покрытых мхом; слюдянистые кочки утопали в пучках осоки. Повсюду валялись мёртвые птицы с оголёнными рёбрами и костями.

— А там, — прошептала Лиза, — где на дороге валялся холодильник и стиральная машинка... наверное, мародёры поработали.

— Здесь ни одного столба для электричества нет. Будто попали в другое столетие. — Виктор еле отвёл глаза от скелетика воробья, овитого скелетиком мелкой змейки. — Здесь, наверное, логово самого дьявола. Или его дружбанов, которые питаются дикими птицами. Прямо, обитель зла.

— Может, столбы на другой стороне? — с надеждой в голосе спросила Елизавета, сжала покрепче ручку пистолета. — Или генератор свой. Солнечные панели. Ветряки... там всякие.

— Ага. И в придачу приведения и призраки бывших хозяев. Судя по запустению, сюда никто не захаживал лет сто. А холодильник на дороге был как новый.

— Но как-то ведь он туда попал?

— Да, как-то попал, — задумчиво ответил Солдат, взглянул в сторону на огромный старый дуб с оголившимися корнями и с густолиственными огромными ветвями, где с одной свисала верёвка, заканчивающаяся автомобильной шиной. По спине пробежали полчища ледяных бугорков. — Лиз, Лиз, посмотри, это же ребёнок?

Елизавета повернула лицо и посмотрела, куда указывает палец Виктора.

— Да-а, — протянуто произнесла она. — Да, это ребёнок! Настоящий! Бежим скорее к нему!

Обгоняя друг друга, они помчались к самодельным качелям. Солдат подбежал первым. Метра за три он резко приостановил бег и уже подходил очень медленными и короткими шажками. Он повернулся к Лизе.

— Стой, не подбегай!

Но Елизавета была почти рядом. Она, так же как Виктор, приостановила бег за несколько шагов и медленно подходила, не отрывая взгляда от ребёнка.

— О боже, — обомлела она и прижала ладонь ко рту.

На шине, склонив голову, сидел мальчик лет шести, или даже пяти. Его свесившие ноги в длинных гольфах были стянуты колючей проволокой над самыми щиколотками,

свалившиеся сандалики валялись под ступнями и были поглощены грязью, теперь уже сухой и потрескавшейся. Связанные колючей проволокой ладони, пальцы которых обхватывали верёвку возле головы, почти розового цвета, будто немного покраснели от холода, видны даже венки. Когда-то белые шорты и футболка измазаны маслянистым вязким веществом, похожим на солидол. Из головы торчало окровавленное лезвие с длинной ручкой.

Солдату стало совсем плохо, когда он увидел эмблему в виде парусника на кармашке шортов — до невозможности как что-то ему напоминавшее.

— Какие у него беленькие волосики, — восхищённым и одновременно удручённым тоном произнесла Лиза. — Я так больше не могу. Что творится? Это ведь недавно случилось? Да? У него кожа как у живого. Посмотри, может, он и правда ещё живой.

— Ага, — угрюмо ответил Солдат. — У него из головы секира торчит размером рельса.

— Что нам делать? — плаксивым голосом простонала Лиза. — Что делать? Кому звонить? Кому сообщать?

— Да никому. Нет никого и нигде. Ты ещё не поняла?

— Как... какого на хрен?.. Такого не может быть. Где-то должны быть люди. Хочешь сказать, мы попали в какую-то аномалию? Типа как в каких-то играх, или... не знаю... как в фильмах, как в фантастике. Как в грёбаной фантастике, да?

— Да, — ответил Солдат, как отрезал. — Или нет.

— Вот это ответ! — воскликнула Елизавета, вознеся к небу ладони, хлопнула себя по бёдрам. — За такой сказанный шедевр тебе впору давать Нобелевскую премию.

— Ну, можно без премии... просто давать.

— Ты снова за своё! — взвизгнула Лиза. — Одолели твои шутки. — Она подошла вплотную к Виктору, задрала лицо, чуть носом не коснулась подбородка. — Ну правда же, не надо. Вот если выберемся, тогда...

— Будешь давать?

— Ты осёл! Будешь шутить! Ты!.. Я тогда тебе будешь шутить! То есть шутить ты!.. То есть... ты! Да пошёл ты, запутал меня! — Обеими ладонями она оттолкнула Солдата в грудь. — Не шути больше, я сказала, пока в нормальное место не попадём. — Она увидела ехидную ухмылку на губах Виктора. — Стоп! — Пальцы злобно сжали губы Солдата. — Я знаю, что ты сейчас ляпнешь, догадываюсь. Нет. Пока — нет. — Она убрала ладонь от губ и показала кулак.

— Ну... раз пока, то обнадёживает.

— Да, и пока обнадёживаешься, думай, пожалуйста, что нам делать дальше. Я уже от страха и непонимания становлюсь маленькой. Сейчас выкину пистолет и убегу, оставлю тебя одного.

— Я тогда огорчусь и не пойду тебя искать. Заблудишься полностью, и от страха станешь совсем горошинкой. Тогда тебе и армада вертолётов не поможет найтись.

— Гад. Чтоб ни на шаг от меня не отходил.

Солдат улыбнулся, провёл ладонью по волосам Лизы и подошёл к самодельным качелям. Присел на корточки и попробовал заглянуть в лицо ребёнка. Шея мальчика хрустнула, — Елизавета вскрикнула от ужаса, — и голова совсем опала на грудь.

— Ты чего? — спросил Солдат.

— Как чего? От такого хруста сам Люцифер сойдёт с ума. Всё, оставь его, не смотри, он не живой. Давай по-быстрому вокруг дома посмотрим, на всякий случай постучимся в дверь и уедем.

Тыльной стороной ладони Солдат вытер пот со лба: как-то стало невыносимо жарко. Клубы тумана, которые стелились вдоль забора, полностью рассеялись; не пойми отчего поднялся пух и теперь лез в ноздри и лип к коже, отчего хотелось чихать и чесаться.

— А как же расследование? — Виктор улыбнулся, исподлобья осмотрел Елизавету с ног до головы и пришёл к выводу, что она очень даже восхитительна. — Ты полицейский, нужны осмотры, протоколы.

— Сам ты протокол. Я за порядком слежу, всяких охламонов окучиваю, а не следствия веду.

Солдат покачал головой, ухмыльнулся и приподнял лоб мальчика.

— А-а-а! — Солдат вытянулся в полный рост, попятился; глаза до неузнаваемости расширились, рот раскрылся так, что готов вот-вот порваться, а кожа побледнела до цвета снега. — А-а-а... — Указывая указательным пальцем, он отступал; пятка зацепилась за кочку, и он упал на спину. Виктор так и остался сидеть, замерев с широко открытыми ртом и глазами, указывая дрожащей вытянутой рукой, пробуя сглотнуть застрявший ком в горле.

— Что, что? — Лиза суетливо подбежала к Виктору, присела на корточки и вместе с ним уставилась на ребёнка, не понимая, что так резко обескуражило молодого крепкого мужчину, только что бывшего хладнокровнее льда. Она потормошила его за плечо, намеренно иронично пощёлкала пальцами перед глазами и даже дважды размашисто щёлкнула по уху: ноль эмоций. — Солдат, чёрт возьми, не пугай меня. Или я тебе насажу пинком по башке, чтобы очухался. Кто из нас женщина — я или ты? А ощущение, что как бы что-то поменялось, трясётся как травинка от вылета из-под чужой задницы. Это мне суждено бояться. Виктор, гад, давай уже, приходи в нормальное состояние, я тебя умоляю! — Елизавета встала на колени. Несколько мгновений рассматривала лицо Виктора, пальцем поглаживая его шею, приблизила губы к щеке и поцеловала. — А за поцелуй ты же можешь подняться?

Солдат на глазах старел, на голове появились первые седины, первая морщина прорезала лоб; словно лезвием прорезали несколько морщинок в уголках глаз со стороны висков.

— Миленький, Солдат, Виктор, что с тобой случилось? — Елизавета сильно потрясла безвольное мужское тело. — Очнись, приходи в себя. Не оставляй меня одну. Ты как живой мертвец...

Молча Солдат поднялся на ноги (Лиза вскочила с колен и побежала следом), подошёл к мальчику и опустил перед ним на колени. Дрожащие ладони обхватили щёки. Солдат закрыл глаза и поднял лицо к небу. Елизавета увидела, как из-под сомкнутых ресниц по щеке поползла слеза. Она никак не могла взять в толк, что происходит, но решила дать ситуации самой найти выход, села рядом с Виктором и притихла наблюдая.

Наверное, прошла вечность, а Солдат, не открывая век, продолжал держать лицо мальчика, ни разу не шелохнулся. Лизе надоело сидеть, да и земля не такая уж тёплая.

— Ладно, мой Солдат, медитируй. Я буду тебя ждать. Немного осмотрюсь. — Лиза увидела в траве обрез ружья, подняла и положила возле ног Виктора. — Твоё оружие, не бросай. — Она осмотрелась, увидела под кустом крыжовника рамку с портретом. Ей стало слишком любопытно: что, если там на фотографии хозяева? Возможно, это что-то прояснит. Хотя, как чья-то физиономия сможет что-то путное рассказать, если даже неизвестно, что это за мир, в котором нет ни одной живой души. Словно эта земля предназначена для временного перевалочного пункта, где каждому заход в строго определённое для него время.

Елизавета повернула лицо в сторону Солдата. Ей стало его невыносимо жалко. Она почувствовала к нему прилив нежности. Солдат стал похож на солдата, потерявшего на войне весь свой народ; и теперь он стоял перед громадной братской могилой и давал клятвы — отомстить. Его лицо приняло цвет земли.

— Как же так? — шёпотом произнесла Елизавета. Когда в первый раз увидела Виктора, он показался ей восемнадцатилетним парнем, немного старше, а теперь перед глазами находился тридцатилетний мужчина, да ещё с волосами, прореженными лёгкой сединой. — Что же сейчас такого случилось?

Лицо мальчика лопнуло в ладонях Солдата.

Глаза Виктора широко открылись и забегали. Он тяжело сглотнул и издал нервный смешок. В его ладонях между пальцев застряли фарфоровые мелкие черепки, продолжавшие рассыпаться в пыль. Нож, который был в голове ребёнка, отскочил от автомобильной шины и воткнулся в землю. Безголовое тело мальчика опрокинулось, лопнуло в области живота с неприятным хрустом и упало на землю.

Елизавета подбежала к Солдату, широко расставив руки, и не знала, что сказать.

— Лиза, это ненастоящий ребёнок! — Солдат не вскочил — взлетел с колен и просиял улыбкой, которая с помощью ушей сделала мир чуть шире. — Лиза, это ненастоящий мальчик. Представляешь? Это какая-то подделка!

Елизавета крепко обняла Виктора, пожала плечами, удивляясь, чему он так радуется. Он, естественно, воспользовался моментом и поцеловал её в губы, потом ещё поцеловал, и ещё, в итоге припал долгим поцелуем. Когда их губы разъединились, Лиза усмехнулась и с укором спросила:

— Так ты для этого разыграл комедию с безутешным молчаливым плачем над чужим ребёнком? Чтобы облизать мои губы?

— Да нет, — он потянулся с новым поцелуем к губам Лизы, но она отстранилась. — Я на радостях.

— Такие радости, что я чуть не подумала, что это твой сын. Ты даже постарел на сто лет. У тебя точно появилась седина.

Лицо Солдата побледнело, посерело и через несколько мгновений вновь стало приобретать розоватый оттенок вперемежку с лёгким загаром.

Что-то хотел сказать или предложить, но Елизавета опередила.

— Может быть, и там... на первом знаке... вороны клевали не ребёнка? А это тоже был такое вот чучелко? — Хотя сама не верила, что вороны будут клевать сено в мешке или фарфор, или ещё что-то подобное.

— Нет, там... — Солдат осёкся, даже поджал и прикусил губы. — Да... наверное... тоже был ненастоящий ребёнок. Да, это точно. Я быстро взглянул и чётко не рассмотрел. Но это был не ребёнок.

— Младенец, — поправила Лиза, снизив голос до шёпота, понимая, что всё-таки это был абортивный. — Но что тогда так яростно и жадно клевали вороны? — совсем потухшим голосом спросила она. — Виктор, давай свалим отсюда, не будем осматривать или стучаться в дом. А просто — свалим. Найдём других, у кого можно будет хоть что-то узнать.

Но у Солдата наметились какие-то свои планы, и Елизавета это заметила; ей почему-то стало тоскливо и немного неприятно, что он ведёт собственную игру, не посвящая её. Она осмотрела Солдата долгим взглядом. В её голове застрял вопрос: почему так больноотреагировал Солдат, когда приподнял подбородок мальчика, и почему, когда выяснилось,

что ненастоящий, так сильно обрадовался? А ещё — он точно поседел и на вид стал старше. Намного старше.

4

Солдат поднял обрез с травы, намеренно уводя взор от качелей, взял за ладонь Лизу.

— Мы быстро обойдём дом и уедем.

Они дошли до ближнего угла дома. С этой стороны разрослись непролазные колючие дебри. Решили обойти. За следующим углом распласталась низина, поросшая папоротником под могучими стволами деревьев, за которыми возвышалась бочка водонапорной башни. Цоколь дома и пространство до следующего угла завалено кучами прошлогодней прелой листвы, во многих местах ползали дождевые черви.

— Здесь недавно кто-то был. — Виктор подбородком указал на тропинку. — И не один раз хаживал.

— Может, здесь маньяки живут? — шёпотом спросила Елизавета, достала пистолет из-под ветровки. — Или сектанты.

Солдат пожал плечами и ступил на тропинку, к берцу сразу прицепилась крючковатым шипом ветка неизвестного карликового кустарника. И такие кустарники шли на всём протяжении тропы, очень походили на низкорослых извивающихся монстров.

— Мне всё больше не по себе, — сказала Лиза и поёжилась. — Здесь всё так мрачно. Не хватает людей на кольях без кожи, обвязанных вот этими вот стелящимися колючими лианами. — Она посмотрела куда-то в сторону, задержала взгляд. — Здесь такая невыносимая тишина, что даже слышишь свои мысли.

Звук мелодии айфона разорвал здешний тёплый стоячий воздух выстрелом доры. Лиза вскрикнула и подпрыгнула на месте.

— Кто, кто там? Посмотри. — Солдат огляделся и приник лбом к голове Лизы, стараясь вместе с ней заглянуть в дисплей айфона в её подрагивающих ладонях. Пришла эсэмэска.

В один голос они прочитали:

— Тише мыслите, а то мешаете мне спать.

— Что? — воскликнула Лиза. — Что ты, собака, написал?! — Она так яростно закричала, что Виктор решил: сейчас у неё порвутся голосовые связки. Она с такой злостью ударила айфоном по камню, что Виктор подумал: камень сейчас оживёт и сбежит прятаться в кусты от такого немилосердного гнева женщины. — Получается, эти кто-то реально нас постоянно подслушивают. Но как? Может, мы попали в какую-нибудь экспериментальную группу? И не знаем об этом? И нас втихую снимают на видео?

— Не знаю, — пожал плечами Солдат. — Возможно, это какая-то программа цифрового разума. Какая-то засекреченная территория, пограничная полоса, и мы её произвольно пересекли. Сбой программы... который открыл сюда невидимый проход. Что-то типа параллельной реальности... или параллельного мира.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

— Не знаю, — снова пожал плечами Виктор.

Елизавета села на корточки, придала лицу гримасу плача.

— Скотина. Что теперь без связи будем делать? Я айфон гокнула. — Несколько секунд она рассматривала разбитый мозаичный серый экран, потом резко выпрямилась в полный рост и с размаху швырнула айфон.

Солдат улыбнулся, обнял Елизавету за талию:

— Связи всё равно не было. Так что сильно не переживай.

— Да-а, но айфон стоит не десять копеек.

— Сдерживать нужно свою ярость. — Солдат ещё шире раздвинул улыбку. — Ты — то ревьешь как грозная медведица, то пицишь как издыхающая мышка.

— Давай, пошли посмотрим, что там, и быстро убежим отсюда, — предложила Лиза. Солдат повернулся, она придержала его за задние карманы штанов. — А у тебя есть мобильник-то?

— Сломанный, — зачем-то соврал Виктор.

Они прошли пристройку из красного кирпича с наполовину закопанными оконными проёмами забитыми ржавыми листами железа, и вышли за угол, на стене болтался проржавевший кусок водосточной трубы. На тонких верёвочках свисали три куклы, сделанные из веточек и разноцветных выгоревших от солнца тряпочек.

Ноги Лизы и Виктора чуть не наткнулись на крохотную колыбель, прислонившуюся к стене; в грязной простыне и подушке лежала большая пластмассовая кукла, накрытая наполовину кукольным одеяльцем. На голове отсутствовали волосы, а в открытых глазах не было радужки со зрачками.

Солдат невзначай вспомнил, что, когда жена рожала, врач напугал, сказав, что ребёнок может родиться слепым из-за её отрицательного резус-фактора. Виктор вздрогнул, представив, что его сын мог родиться слепым, и ещё сильнее вздрогнул, вспомнив, что его Илюшка уже давно мёртв.

— Солдат, ты любишь Фредерика Шопена. Похоронный марш любишь?

Виктор чуть собственными слюнями не подавился:

— Как-то не очень.

— Здесь, кажется, очень часто его играли. — Лиза вскинула руку, указывая указательным пальцем.

— Да, вижу, — мрачно произнёс Виктор и перевёл взгляд с детской кроватки на земляной вал, на котором возвышались штук десять могильных камней и каменных крестов. — Неужели они своих родных хоронили здесь?

— Всё. Здесь больше нечего смотреть, — решительным тоном заявила Елизавета, воткнула пистолет в кобуру. — И так уже задержались. Уезжаем. И стучаться в двери не будем. Если бы там были хозяева, то давно вышли поинтересоваться нами. Может, там вообще похоронены жертвы убийцы. В мировой практике подобное уже случалось.

— Ты стой здесь. Я по-быстрому взгляну, и тогда пойдём.

— Да уж, я лучше тебя здесь подожду. Только, пожалуйста, не теряй меня из виду. И сам не исчезни в какое-нибудь другое измерение. Помни обо мне.

Солдат улыбнулся и пошёл к пригорку.

Лиза двумя пальцами осторожно приподняла уголок одеяльца, чтобы получше рассмотреть куклу: что-то в ней увидела такое... Лиза вскинула голову и упёрла взгляд в удаляющуюся спину Солдата. В глазах появилась печаль. Неизвестно, по какой причине Виктор так вёл себя возле качелей, но эта кукла один в один лицом с тем мальчиком.

— О божечки, — прошептала Елизавета. Не хватало, чтобы Виктор вновь впал в тот же транс. Она накрыла одеяльцем лицо куклы. Побегала глазами по земле, схватила охапку сухой листвы и зачем-то закидала сверху. Посмотрела, решила, что мало и набила кроватку листвой до верхней планки. Удовольствовавшись своим творением и тем, что оберегла Солдата, Лиза побила ладонь об ладонь, скидывая пыль и прилипшие травинки от прошлогодней листвы. Перевела слегка тревожный взгляд на могилы, ища глазами Виктора,

но его нигде не было.

Солдат спустился с обратной стороны пригорка, стоял и широким взглядом рассматривал ряды сотни каменных памятников и крестов, длинной дугой спускающихся по пустоши и упирающихся в черноту широкого оврага. Солдат подумал, что там, возможно, даже не овраг, а глубокая пропасть. Он не собирался туда спускаться, но если бы всё-таки дошёл, то увидел кровавое дно, усыпанное тельцами младенцев со снятой кожей. Виктор прошёлся вдоль могил, осмотрел эту — северную — сторону дома. И если с тех сторон все стены зеленели от сочных листьев лиан, то здесь по стене извивались сухие лозы вперемежку с колючими ветвями. На окнах ставни отсутствовали, лишь глазели чёрные провалы с разбитыми стёклами.

Солдат плюнул в сердцах на этот особняк, махнул рукой и собрался побежать к Елизавете: что-то он по ней уже соскучился. Схватить её в охапку и убраться восвояси.

«Одно, одно! — кричало подсознание. — Одно имя-то, одно!» Солдат задумался: что-то он увидел, но упустил. Он ещё раз осмотрел территорию частного кладбища. Подумал, что не может у хозяев быть столько родственников: может, это бизнес, привозили чужих и за деньги хоронили? «Одно имя! — крикнула мысль. — Одно!» Виктор «пошёл на выход». Под одним из каменных крестов — последних крестов в последнем ряду — он увидел подобие большого деревянного подноса, на котором расставлены игрушки: жёлтый пластмассовый утёнок, белый пластмассовый зайчик, коричневый пластмассовый медвежонок. По центру лежали аккуратно сложенные пелёнки, распашонки и сверху чепчик для младенца. Всё покрыто толстым слоем пыли и сухими еловыми иголками. Видно было, что положено давно. Солдат удивился, что не заметил сразу. Он присел на корточки и прочитал, что выбито на кресте: создалось ощущение, что из-под ног выбили землю и тело воспарило в свободном падении, набирая скорость, чтобы в итоге размазаться о любую твердь.

— Стасик, — произнёс Виктор, — ноль, ноль, ноль, ноль... тире... ноль, ноль, ноль, ноль. — Он поднял лицо и посмотрел на Елизавету, махавшую ему обеими руками крест-накрест. — Это... — прошептал Солдат и тяжело сплотнул, — это имя, которое Барбара хотела дать своему ребёнку. — Солдат закрыл глаза и приподнял лицо, несколько мгновений что-то вспоминая. — Нет, совпадение. — Он встrepенулся и вытянулся в полный рост. Прошёлся глазами по следующему кресту: там та же эпитафия: «СТАСИК. 0000–0000» Солдат прошёлся вдоль ряда: всё то же самое на каждом памятнике. Перешёл на следующий ряд: и там то же. На всякий случай заглянул и на следующий ряд и понял — все могилы на этом кладбище надписаны одним именем. — Ничего не значит, — сказал Солдат, утверждая самому себе. — Совпадение. Чёртово вонючее совпадение! — Он саданул подошвой берца по каменному кресту, едва не выстрелил из обреза и побежал к Лизке; но в его сердце вползла дьявольская чернота и осела многотонным грузом. Перед тем как подойти к Елизавете, он повернулся к кладбищу и крикнул:

— Да это просто — нереально!

— Ты кому это кричишь? — спросила Лиза подходившего Солдата, в голосе звучал испуг.

— Да всем этим... каменным грёбаным пенькам над всеми... этими подохшими. Всё, уезжаем. Нету здесь ничего и никого нормального.

Перед воротами на выход Солдат напоследок осмотрел заброшенный дом с очень высокими окнами, взгляд произвольно стрельнул на качели, где остался лопнувший мальчик в его ладонях. Кожа на лице Солдата посерела, морщины исказились и вновь

углубились. Елизавета заметила изменения, поняла в чём дело и поспешила отвлечь.

— Эй, эй, Солдат. — Она взяла его за плечи, повернула к себе. — Солдат. — Её ладони обвили его шею и пригнули, губы на мгновение коснулись рта. — Всё уже. Уходим отсюда поскорее. Хорошо? — Она решила, что всё-таки его расспросит, но только не сейчас, позже, когда отъедут подальше. Схватила за руку и вытянула за ворота.

5

Ураганный ветер едва не сбил их с ног. Воздух наполнился пылью и бешено мотающимися соломинами. Непонятно по каким законам физики «вранглер» быстро двигало против бушующего ветра, который с каждой секундой усиливался.

— Что происходит?! — крикнула Лиза. — Только что была полная тишь! Почему отодвигается машина?!

— Не знаю! — ответил Солдат, обнял Лизу и прижал к себе. В ушах свистело, куртки развевались, были готовы сорваться со спин хозяев и умчаться в небесную высь. В прищуренные глаза больно били кристаллики песка, скрипело на зубах, ледяной холод обдувал щёки. — Что будем делать?! — крикнул Виктор, прикрываясь открытой ладонью от беснующейся непогоды.

— Давай догоним «вранглер»! — криком ответила Лиза, стараясь наклоном головы уберечься от летящего в лицо мусора, травы, сухой земли. — И попробуем уехать!

Солдат и Лиза, держась за руки и согнувшись, вперёд головами, беря непогоду на таран, постарались подойти к джипу, но его будто дёргали за верёвки и очень быстро отодвигали.

— Да как это возможно?! — завизжала зло Елизавета. — За что мне такое?! — Она не увидела — и Виктор тоже — как во вспышке молнии перед ней в воздухе мелькнуло ухмыляющееся лицо, пожирающее неистовой ненавистью, а безумие в глазах убивало хоть малейшую частичку разума.

— Давай вернёмся?! — сквозь свист и шум урагана крикнул Виктор. — Смотри! — Он вытянул руку с указывающим указательным пальцем, сильнее прижал Елизавету к себе. — Это нечто!

Лиза сильно прищурилась и застыла в невероятном ужасе.

Пока ещё очень далеко к ним двигалась волна из неизвестно чего, её высота не просто впечатляла — ужасала, вгоняла в дрожь, повергала в трепет. Её гребень соприкасался с небом. Она переливалась тёмно-синими и чёрными цветами, подсвечивалась вспышками словно от мощных выстрелов. С чёрных туч по полям били молнии, создавали по земле электрические дуги. Снопы взлетали, будто получали могучие пинки из-под земли.

— Мы погибнем? — взглянула Лиза в лицо Солдата.

Он не ответил, потянул обратно к воротам.

— Не хочу! — крикнула Елизавета и отдёргнула руку. — Не хочу возвращаться в этот маньячный дом! А-а-а!..

Они еле успели упасть на землю. «Вранглер» пролетел над ними в двадцати сантиметрах, врубился в ворота, скрежеща, пополз по земле в проём и сгинул на территории особняка. Лиза первая вскочила на ноги, глаза от ужаса начали расширяться, и, казалось, сейчас с щелчками выскочат из-под широко распахнутых век и убегут от хозяйки, чтобы спрятаться вместе с «вранглером». Чёрная волна стеной до небес угрожающе мчалась на островок особняка, перед ней создавалась новая волна из трескающейся и поднимающейся земли, брёвен, старой техники, виселиц и висельников, снопов и стогов и смешивалась с первой. Елизавете представилось, что кто-то могущественный и злой беснуется,

гигантскими руками взрезает землю, смешивая с небом, и с воплем: «А-а-а!.. Ха-а-а!.. Ха-ха-ха!.. Ха!.. Ха!» — загоняет их обратно на территорию мрачного и страшного дома.

Солдат и Лиза намертво сцепились ладонями и, погоняемые в спину ураганным ветром, промчались до ворот, влетели внутрь. За ними сразу словно поставили заслон: ни единого колыхания ветерка не касалось их затылков. Они пробежались глазами по лежащему на боку «вранглеру» и обернулись. Ураган бился о невидимую, словно стеклянную стену над забором, не попадая на территорию особняка, не проникая даже звуком. Мир за забором будто наполнили чёрными чернилами с оттенками фиолетового.

Лиза подошла к разбитому камню и села, оперев подбородок в ладони. Солдат всё ещё рассматривал темноту, окружившую территорию особняка.

— Как ты думаешь, — сказала Лиза, — это нас спасает? Или, наоборот, загнало в ловушку? — Она посмотрела на «вранглер» и чуть не заплакала. — Как мы теперь без машины? Как мы теперь вообще отсюда выберемся? И выберемся ли в нормальный мир? И какого гадского чёрта нас сюда занесло? Почему именно мы?

— Если в джипе ничего не сломалось, то я придумаю, как его перевернуть. Тем более вдвоём... точно перевернём.

— Но ты посмотри! — Лиза вскочила на ноги и воткнула указательные пальцы на слюдянистую темноту над деревянным забором. — А это как это? Как это может быть?

— Я читал, что уже в наше время такое возможно... То есть... это нормально. Стена создаётся какими-то волнами, которые всё отталкивают. В итоге создаёт что-то подобие предохраняющего кокона. Даже не помню, кто из фантастов девятнадцатого века писал, что в скором будущем научатся делать печать... запечатывать целые территории или города. В смысле... помещать вот в такой кокон.

— Но здесь! — Лиза обвела руками по кругу. — Вот в этой полуразвалившейся усадьбе! Разве что бомжам здесь может стать хорошо. И тем более, сам говоришь, фантасты!

— Но разве мы в фантастике сейчас находимся? С нами же это происходит. В реальности. Не во сне же?

— Так давай проверим.

Лицо Солдата осветилось улыбкой так, что, казалось, самый мощный прожектор не пересилит свет, исходящий от его лица:

— Проверим — забеременеешь или нет?

— А-а-а, — сквозь рычание произнесла Лиза, — я тебя ненавижу. Ты снова шутишь не к месту! Подойдём и обыщем дом, подвал, мансарду или ещё что там есть. Мне нужны ответы. Или я с ума сойду!

— Да, пойдём, — согласился Солдат. — Нам всё равно нужно переждать тот ураган. А это... скорее всего, нескоро.

— Только пошли сначала осмотрим джип. Нужно воду и еду достать из сумки. Я очень пить и кушать хочу. Когда сильно нервничаю — аппетит зверский. А ты?

— Наоборот. Десятками суток не ем.

Лиза пошла к «вранглеру», Солдат последовал следом. Они залезли на джип и попробовали открыть дверь, ничего не вышло, видно, от удара перекосило корпус. Пришлось выбить стекло. Лизка со своим худым телом легко прошмыгнула в салон, передала Виктору две бутылки воды, пакет со сладостями. Свесив ноги с края перевернутого «вранглера», они съели по сникерсу, хорошо утолили жажду, немного ни о чём поболтали: ни Солдат, ни Елизавета пока не хотели касаться и вникать в то положение вещей, в которое они не просто

окунулись, а почти утонули, и, кажется, это всё слишком серьёзно, если вообще не губительно. Солдат спрыгнул на землю, снял за талию Лизу, и они направились к ступеням, чтобы исследовать дом, а возможно, и переночевать остаться.

Дверь в дом находилась на высоте, к которой — как подсчитал Солдат — вело восемнадцать бетонных ступеней. Над ними возвышалась крыша террасы на длинных деревянных столбах.

— Какое-то убожество, — сказала Лиза. — И кто так строил? Весь дом состоит из встроженных друг в друга кусков.

Держась за руки, они взошли на площадку. На металлической чёрной табличке, прибитой гвоздями к двери, написано белым мелом: «ВНИМАНИЕ. ЕСЛИ НИКТО НЕ ОТКРОЕТ, ЛУЧШЕ НЕ ВХОДИТЕ. НЕПРОШЕННЫМ СКИТАЛЬЦАМ ЗДЕСЬ НЕ РАДЫ».

Не было никакого замка — ни висячего, ни врезного.

Лиза отошла влево к перилам и спросила:

— И что будем делать? Видишь, нас предупреждают.

Ладонь Солдата сжала длинную дверную ручку. Он повернулся к Елизавете, хотел что-то сказать, но увидев её глаза, которые смотрели так, будто потеряли реальность и не могут вспомнить, где находятся, передумал.

— Что с тобой? — спросил Виктор.

Елизавета как-то мерзко хохотнула, брызнув изо рта слюной, а потом воткнула мизинец в ухо и начала яро тереть, издавать дебилские смешки попеременно с захлёбывающимися звуками, буквально отрывисто выплёвывающими молитвы.

— Что, *снова* началось? — Солдат обернулся, чтобы увидеть, куда пялиться Елизавета, настолько глупыми глазами, что создавалось ощущение: Лизка полностью «съехала с катушек». За скамейкой, запорошённой сухой очень мелкой листвой, находился мольберт; его сомкнутые ножки прижаты к толстым балясинам, на сером грязном холсте еле заметными бурными буквами — Виктор понял, что писали давно, кровью и пальцем — размашисто написано: «ЕЩЁ РАЗ ДЛЯ КЕСАРЯ — ВАШИ БОГИ СГИНУЛИ, КА ИСПРАЖНЕНИЯ В КАНАЛИЗАЦИЮ. ХА-ХА».

Солдат взял обрез за ствол и стал яростно бить ручкой по надписи. Бил до тех пор, пока холст — не холст, а кусок тонкой фанеры, часто прибитый сапожными гвоздями к мольберту — не проломило по центру. В бешенстве схватил ненавистную конструкцию и запустил через перила на землю. Некоторое время он смотрел вниз, пока гнев не остыл, отдышался, и только тогда повернулся к Лизе.

— Семечки хочешь? — спросила она и протянула открытую ладонь, наполненную клочками от обёрток батончиков «Марса».

— Какие семечки?! — заорал Солдат и хлопнул снизу по ладони Елизаветы. Несколько клочков задержалось на её волосах. — Где ты видишь семечки?! — Он схватил её за плечи и сильно потряс. — Отвечай! Какие на хрен — *семечки*?! Где ты их увидела?!

Лиза безвольно хлопала ресницами, из рук выпал пакет и пистолет. Она свела морщины на переносице и заплакала.

— А пистолет для чего достала? — спросил Солдат.

— Я тебе семечки... а ты?.. — Она посмотрела на раскиданные по площадке клочки, посчитала, тыкая в каждый указательным пальцем. — Сейчас соберу... Я же для тебя старалась... семечки.

Солдат вlepил Елизавете пощёчину.

Целую вечность они стояли, взявшись за руки, и печально рассматривали глаза друг друга.

— Не понимаю, что со мной? — первая произнесла Елизавета.

— Больше семечек не будет? — невесело спросил Солдат.

— Каких ещё семечек?

Виктор молча поднял пакет и пистолет, водрузил в ладони Лизы и дёрнул за ручку двери, едва не выдрав из петель. Осмотрел полумрак и вошёл. Лиза последовала следом. Сильно пахло затхлостью, воздух такой тяжёлый, будто воши в смолянистое тягучее

вещество. Они находились в огромной прихожей с высокими — метров пять — потолками. Дощатые полы скрипели как пьяные демоны, пробующие играть на скрипках. В ближнем правом углу стояла щётка с длинной ручкой и штыковая лопата.

— Наверное, не проветривалось целый век, — вполголоса произнёс Солдат, сжав пальцами нос. — Воняет, будто сто кошек сдохло, а местная ребятня ходила сюда срать.

Елизавета включила фонарь и осветила все стены.

— А ты говоришь, здесь нет электричества! — радостно воскликнула она. — Смотри, на стенах есть выключатели.

— Да, но я не вижу ни одного светильника или лампы. — Солдат пробежался светом своего фонаря по потолку, по дубовым стеновым панелям, по огромному зеркалу в чёрной резной раме и с тумбой.

Елизавета пощёлкала «язычком» выключателя и разочарованно пожала плечами:

— Для чего же тогда они предназначены, если не для света?

— Возможно, открывают или закрывают какие-нибудь двери. Или окна. Или освещают тёмные подвалы.

— Да, но всё равно же нужно электричество. Значит, мы находимся в нормальном времени. А не в чумном средневековье.

— Время, возможно, нормальное. Но не место.

Елизавета как-то медленно подошла к зеркалу, внимательно рассматривая собственное отражение. Солдат сразу понял, что с ней вновь начинает твориться неладное: движения Лизы были скованные и резкие, словно суставы поржавели и приходилось двигать с усилием. Голова дважды коротко дёрнулась вперёд, а потом резко вбок. И Лиза застыла.

— Неужели опять семечки? — устало выдохнул Солдат и посветил фонарём в угол, куда смотрела Лиза — если она вообще смотрела. — Лиз, Лиз, — позвал Виктор, пробежался светящимся пятном по её спине и снова направил луч на стену. — Лиз!

В ответ не прозвучало ни звука, ни единого колебания телом.

В свете фонаря блеснула «золотая» табличка. Солдат поспешил подойти, чтобы быстро прочесть и если нужно выдрать из стены, если написанное вновь плохо действует на Елизавету. На пластине красиво выгравировано: «Я ТЕБЯ ТАК ДОЛГО ЖДАЛА, МИЛЫЙ А под ней картонный квадрат, прибитый одним длинным гвоздём, где небрежным почерком чем-то коричневым написано: «МИЛЫЙ — ЭТО ТА ТВАРЬ, КОТОРАЯ СГИНЕТ В ПЕК. АДА».

Солдат вздрогнул. Ему подумалось, что послание дождалось именно его. «Но я никому не причинил зла, — ответил он в мыслях. — Если только на войне?» Виктор подошёл к Елизавете и заглянул в лицо. Она стояла словно биоробот, потерявший свою энергию. В глазах отсутствовала жизнь, лишь осталась невероятная печаль, граничащая с плачем. И Солдат подумал, что это печаль перед гибелью. Его ладони бережно обняли щёки Лизы, губы коснулись лба. Он боялся, что от малейшего прикосновения она упадёт.

— Э, эй, — тихо сказал Солдат и улыбнулся. — Семечки... Я возьму твои семечки, только очнись... и двинься с места. Включись.

По щекам Лизы поползли слёзы.

— Тебя же не парализовало? — Солдат потормошил за плечо, которое ему показалось худеньким как у маленькой девочки. — Ты же слышишь меня, тогда почему не шелохнёшься? — Он осветил прихожую, начала обуревать ярость. Вперил глаза в зеркало, в глубинах которого мелькнуло лицо бывшей жены — Барбары. — Ещё не хватало

галлюцинаций хвататься и самому потерять реальность. — Виктор слегка потолкал Лизу, проверяя — не упадёт ли, подошёл и сорвал картон, разорвал. Потом взял штыковую лопату и попробовал из дубовой настенной панели выдрать металлическую пластину: вылезла, как из трухлявого дерева. Подняв пластину с пола, Солдат запулил её на улицу.

С Елизаветы словно сняли заклятие: она вздрогнула, выронила всё из рук и осела на бедро.

Солдат подскочил к ней и обнял за плечи:

— Ты как? Семечками больше не торгуешь?

— Не пойму, какими семечками? — усталым голосом произнесла Елизавета. — Я так устала... у меня ощущение, что из меня вынули силу вместе с душой. Может быть, там найдём постель, и я немного вздремну? А ты чуть-чуть поохраниаешь меня, а потом вместе пойдём дальше?

— Я буду охранять тебя сколько нужно.

— Ты знаешь?.. — Елизавета застыла в короткой паузе. — Я там увидела, что хожу мёртвой... у меня очень болит всё тело. Оно гниёт заживо, нет сердца, но... я продолжаю жить и мучиться от невыносимой боли. И... во мне сидят все бесы ада. И каждый... каждый из них по очереди управляет мною... стараясь причинить, такое невыносимое душевное страдание, что ты мечтаешь только об одном... умереть. И чтобы ни одно существо никогда обо мне не вспомнило. Не нашло.

— Где там? — спросил Солдат.

— Не знаю, — выдохнула Лиза. — Просто... там.

Солдат помог Елизавете подняться. Неожиданно она запустила свой фонарь в зеркало. Потом схватила с пола пистолет, передёрнула затворную раму и несколько раз выстрелила. Зеркало лопнуло так, словно со злостью выплюнуло собственные внутренние органы, обдав непрошенных гостей мелкими острыми осколками. Солдат еле успел прикрыть и себя и лицо Елизаветы, поймав спиной десятки злобных стеклянных зубьев.

— А его-то за что? — повернулся Солдат лицом к чёрной раме, морщась от колющихся осколков в спине.

— Ты на ёжика похож, — хохотнула Лиза. С брови стекала струйка крови: всё-таки поймала один зуб, выплеванный разбитым зеркалом. — Давай вытащу стеклянные колючки. — Она повернула Виктора к себе спиной. — Больно? Хорошо мелкие.

— Было бы ещё лучше, если бы до этого не сделала то, что сделала. Ничего вытаскивать не пришлось бы.

— Кто из нас мужчина — я или ты? Потерпишь. — Елизавета улыбнулась, вытянула осколок из толстовки на спине Виктора. — И меня тоже.

Когда Елизавета закончила, посоветовала обработать раны перекисью водорода и йодом. Подняла с пола фонарик, пощёлкала кнопкой: не работал. Бросила обратно на разбитые стёкла.

— Ага. Сейчас стану некромантом, воскрешу Гагарина, подружусь с ним и на его ракете сгоняю в аптеку. — Солдат помог Лизе достать мелкий осколок, вонзившийся над её бровью, дал чистый носовой платок, чтобы стёрла тонкую полоску крови.

Они прошли в высокие и тяжёлые двустворчатые двери следующей комнаты.

Взорам бросилась массивная люстра, свисающая метра на два с потолка. Все стены увешаны зеркалами и картинами в бронзовых рамах, тянущимися до самого потолка. И были расположены так — одно зеркало, потом одна картина точно такого же размера, а где были

окна — то шло зеркало, картина, окно, картина, зеркало. И больше в огромном зале ничего не было. На стене, когда они вошли, перед взором высились четыре окна с декоративными переплётками, которые и освещали всю комнату тусклым дневным светом. На окнах отсутствовали ставни. На каждом зеркале — красная перевёрнутая звезда в круге, на каждой картине — Бафомет.

— Наверное, здесь когда-то происходили балы. Или танцы... вакханалии, — сказала Лиза. — А люстра дорогущая, хрустальная. И как только всякие заезжие её не украли? Может, она какого-нибудь прошлогоднего столетия. — Лиза поёжилась. — И всё равно здесь как-то неуютно. Может быть, такое чувство из-за изображений?

— Если только заезжие были, — угрюмо произнёс Солдат. — А если и были, так хорошо, если живыми уезжали.

— Да-а, — задумчиво сказала Лиза. — Здесь, прямо, какое-то логово... зверя. — Она подбородком указала на картины. — Может статься, даже ритуалы проводились... всякие жертвоприношения. Эх, как бы сообщить кому нужно?

— Если только эти «кому нужно» ещё живы.

— Ты хочешь сказать?..

— А ты видела кого-нибудь? — спросил Виктор, не дав договорить. — Хоть одно рыло засветилось своей мордой? Я даже чёрту был бы рад. Конечно, если только чёрт — свой.

Елизавета совсем сникла. Её бледное лицо даже посерело. Под глазами образовались мешки и тёмные круги. Она устало вздохнула.

— У меня будто кто-то вытягивает энергию, — вялым голосом сказала она. — Такая слабость одолевает, что ноги начинает трясти. И голова немного кружится. И эти перевёрнутые звёздочки в глазах мерцают.

— Энергоблокаторы ламповые на крыше стоят, и одновременно двадцать пятый кадр тебе в мозг посылают. Шутка. Пойдём в следующую дверь войдём. Может, там, где есть отдохнуть. Да и лучше бы нам поскорее отсюда убраться. Странно, но... мне кажется, что слабость и меня начинает одолевать. Не хватало нам обоим потерять сознание. И тогда бери тёпленьких и делай что хочешь.

Елизавета натянула квёлую улыбку:

— Ламповые, потому что старое?

— Нет. Потому что их не смогут заблокировать, заглушить. Ты же полицейский, должна знать.

— Я — женщина. Возможно, что-то упустила. — Лиза зевнула. — Я же говорю, что мы находимся в нормальном мире. Просто нас куда-то занесло.

— А ураган за забором?

— Ты же говорил, что есть какие-то волны.

— Я предположил, чтобы нас успокоить. А люди? Ведь никого.

— Ну... так получилось, что никого.

— А...

— Хватит! У меня в голове назревает паника. Пошли найдём кровать, я чуть отдохну, и уедем. Пешком сквозь ураган уйдём, чего бы нам ни стоило.

— А виселицы? — не унимался Виктор.

— Хватит! Хватит! Я прошу! Не знаю... от такого можно сойти с ума. — Лиза понизила голос. — Если мы *уже* не сошли и не находимся в мире, придуманном самими же. Да ещё где-нибудь во сне.

— Если найдём кровать, *беременеть* будем?

Елизавета усмехнулась:

— Знаешь, я в первый раз рада тому, что ты сейчас шутишь в неподходящее время.

— А оно и правда — неподходящее?

Лиза задержала молчаливый взгляд на лице Солдата. Улыбка медленно растянулась на её губах. Она пожала плечами и ответила:

— Нет.

Рассматривая картины с Бафометом, они подошли к двери на левой стороне в самом конце комнаты. Такая же дверь находилась и на правой стороне, но на ней висел замок размером шестнадцатикилограммовой гири, что уже издали бросалось в глаза.

Они ступили на коричневый вытертый, в некоторых местах до бела, пол широкого П-образного коридора со множеством дверей, словно попали в старую гостиницу. Одна выдранная доска валялась рядом с дырой, которую когда-то прикрывала. Несколько стульев прикасались спинками к левой стене. В самом конце коридора на верх поднималась деревянная лестница. Две двери по центру слишком выделялись из всего ряда блёклых, потерявших свой цвет, но когда-то красивых дверей с бронзовыми ручками и с бронзовыми номерками. Повсюду толстый слой пыли царствовал в полумраке.

— Виктор, мне что-то становится ещё хуже. Здесь так душно, как в петле. — Лиза наклонилась, безвольно свесила руки, кончики пальцев коснулись холодных досок пола. — Меня сейчас стошнит. — Она сплюнула тягучую слюну. — Меня изнутри выворачивает. Может, сладкими батончиками отравилась?

— Нужен свежий воздух. — Солдат подошёл к окну, подёргал металлическую решётку. Подумав, резко двинул кулаком в стекло. Бьющегося звука не последовало. Он ещё трижды ударил.

— О-о, здесь стёкла какие-то бронированные. — Виктор подошёл к Лизе, обнял за талию. — Что, совсем худо? Давай пройдем дальше, там, возможно, будет чем вздохнуть. Или пошли на улицу?

— Нет. Раз зашли в этот... удушающий дом, то давай его осмотрим. — Она выпрямилась. — Сейчас отдышусь, и всё пройдёт. Дыхание спёрло...

— Ты, наверное, беременная?

— Иди в задницу. Ты помешался на моей беременности? Мне очень плохо. Я сейчас здесь растелюсь на этом грязном полу... как скелет в могиле.

Солдат подхватил Елизавету за бёдра и закинул на плечо.

— Бе-э-э, — издала она.

— Ты чего?

— Ты мне живот об своё плечо так придавил, что я чуть не блеванула. Всё, давай, неси меня, конь буланый. А я пока без памяти повалюсь. Бе-э-э.

— Что, так плохо?

— Очень.

Солдат ещё раз посмотрел на окно, решая, попробовать разбить или нет — всё тем же обрезом. В сердцах махнул рукой и направился к двум приоткрытым выделяющимся дверям по центру правой стены, у которых подглядывали тёмные щели. По ходу дёргал за каждую бронзовую ручку.

Перед этими двумя дверями Солдат несколько задержался. Не мог решить, в какую дверь войти: в ту, которая выглядела, будто её хищники драли мощными когтями, с

глубокими трещинами, обляпанная старой, бурого цвета, кровью, а наверху прикручен какими-то чугунными болтами перевёрнутый крест с Иисусом Христом, вырезанным из слоновой кости. Или в ту, которая из красного дерева, горела новизной, будто вчера поставлена, с красивой позолоченной ручкой и наверху прикручен крест со звездой и рогатым демоном: знак такой же, какой он вытянул из промежности бывшей жены.

— Какая странность, — тихо сказал Солдат, не сводя задумчивых глаз с красивой двери. — Очень подозрительная и совпадающая.

— Что стоим? — спросила Лиза.

Виктор повернул её лицом к дверям.

— Куда заходим? — спросил он.

— Давай сначала в чистую. А в этой... — Лиза указала пальцем на дверь с перевёрнутым крестом. — Будто за нею нас ждёт ад, населённый гнусными маньяками. И можешь опустить меня на ноги. Мне уже чуть лучше.

Солдат несильно ударил подошвой берца по двери из красного дерева. В комнате загорелся свет. Лиза соскочила с плеча Виктора, выхватила из его рук пистолет.

— Там кто-то есть? — прошептала она.

Виктор пожал плечами и, ведя стволами обреза перед собой, переступил дверной порог. Сразу заглянул за правый угол, куда и удалялась комната. Это была чистая спальня с современной мебелью и двуспальной кроватью с чистым бельём — словно их ждали. Детская кроватка, набитая плюшевыми мишками, зайчиками и утятами, приютилась в правом углу. Слева по центру — большой электрокамин, с обеих сторон прижатый комодами. В дальнем углу — тумба и на ней — плазменная панель.

— Как-то всё не вяжется с этим домом, — прошептала Елизавета. — Смотри, а там? — Она указала пистолетом на белую дверь в дальнем правом углу комнаты.

— Сейчас посмотрю, — ответил Солдат тихим голосом. — Стой здесь и никуда не исчезай. — Стараясь не шуметь, мягко ступая, он пошёл по ковру, продолжая рассматривать интерьер. Щёлкнул пальцем по кнопке светильника на первом комод. Свет бархатно — приятно глазу — заструился к потолку, рассеялся по розовой мебели крышке. Когда подходил ко второму комоду, глаза от удивления расширились по мере приближения. Чёрная подставочка размером не более семи сантиметров держала в себе огромный нож. На вид — это мясницкий нож с тонкой ручкой, но лезвие — длиной и шириной размером ноутбука. На бронзовом овале подставки выгравировано: «ПОДАРОК ДЛЯ ПРИШЕЛЬЦЕВ»

— А пришельцы... это мы? — тихо спросил Виктор.

— А пришельцы — это мы? — прошептала глухим голосом Лиза.

Солдат вздрогнул от неожиданности:

— Я же просил там стоять?

Она выругалась и полусёпотом сказала:

— Там, где-то... ребёнок хнычет.

— Неужели хозяева объявились? Сейчас загляну в ту дверь, и пойдём посмотрим. — Раз хозяева дали о себе знать, то Солдат не стал играть в шпиона, быстро прошёл к двери и открыл. В небольшом помещении, отделанном белой плиткой, разместились: унитаз, кабинка с душем и металлическая детская ванночка на табурете. — Это душевая! — возвестил Виктор, повернувшись к Лизе. — Где ребёнок плакал?

— Где-то наверху, кажется.

Солдат и Лиза исходили дом вдоль и поперёк. Все двери, кроме башни и чердака,

оказались закрытыми на замок. В некоторые комнаты вход преграждали доски, приколотенные самодельными огромными гвоздями или Г-образными костылями, сделанными из арматуры. Заглянули в каждый уголок и закуток, но никакого ребёнка и его родителей так и не встретили. Спустились на улицу, осмотрели заросли, заодно посмотрели, как обстоят дела с ураганом: чёрное не просматриваемое спокойствие окружало забор особняка, растворялось где-то в космических высотах. День — серый мрачный день — проникал на территорию дома будто в специально для него вырубленное небесное окно. Настроение Елизаветы всё время менялось: ей то делалось плохо, и она бледнела и становилась как обескровленная; то приходила в наигранную ярость за кучу пошлых и неудачных — хотя, скорее всего, удачных — шуток Солдата. Он стащил с чердака старенький кинопроектор с бобинами и теперь нёс, пыхтя, к единственно пригодной для жилья комнате. Лиза несла коробку с плёнками.

— Вот скажи, на фига мы тащим этот хлам? Он, наверное, даже не работает, — протестовала Лиза. — Ведь не собираешься ты увидеть на видео хозяев и потом, как лучший знакомый приезжать к ним в гости? Я полицейский и то не желаю больше ни в чём здесь разбираться. Лишь бы поскорее отсюда уехать.

— Пока ты будешь отдыхать, я развлекусь.

— Но там есть нормальный телек.

— Но может, я увижу что-то такое, что нам подскажет, как дальше действовать. — Виктор шибанул ногой красную дверь, вошёл в комнату и поставил кинопроектор на ковёр возле ближнего комода.

Лиза кинула коробку рядом с ногой Солдата, упала на кровать и раскинула руки.

— Всё. Пока не отдохну, больше ни на сантиметр не сдвинусь. Пусть даже все маньяки округа вокруг меня соберутся. Я попрошу их обождать. — Лиза прикрыла веки и ещё минуту что-то невнятное говорила, пока последний беззвучный долгий выдох не отправил её в сон.

Солдат сел на край кровати и с опозданием усмехнулся:

— Хм, обождать. Обождать чего? Очереди пули в лоб или чтобы поставили на карачки, стянули штаны и по очереди сманьячили.

— Я всё слышу, — проворчала Лиза, повернулась на бок и подтянула колени к животу. — А ты на что? Пока я сплю — отгоняй маньяков. — Она шумно засопела, издала лёгкий одиночный храп.

Виктор поднялся на ноги и вышел из спальни: ему показалось, что он действительно услышал слабенький плач ребёнка. «Ведь рядом забыли посмотреть». Он подошёл к соседней комнате и прислушался. За растрескавшимися ржавыми досками, соединёнными двумя кованными пластинами и называвшимися дверью, что-то тихо стрекотало. Осторожно, коснувшись пальцами досок, Солдат надавил: не поддалось. Надавил сильнее. Создалось ощущение, что с той стороны держат. Или петли безнадёжно заклинило.

— Эй, там есть кто? — спросил Солдат, поднёс ухо почти вплотную к двери. — Никого? Тогда я выбиваю! — Он отступил на два шага и, сделав короткий разбег, ударил плашмя подошвой берца. Дверь переломилась, словно давно насквозь прогнила или была изъедена термитами, и вместе с коробкой рухнула. Дохнуло гнильём, мочой и навозом. Шибануло в нос так, что Виктор поперхнулся и закашлялся. Искривив лицо в гримасе неприязни, помахал ладонью перед ноздрями. — Ну, и что же я сейчас там увижу? — Включил фонарь и, медленно освещая по периметру, — пол, стена, потолок, стена, — вошёл в комнату. Это была спальня точь-в-точь той, будто копия в зеркале, где спала Елизавета,

только выглядела так, словно коротала вечность в преисподней, куда демоны ходили опорожняться и теперь подняли её наверх, чтобы чуточку проветрить. Вместо камина — с потёками от куриных яиц, жира и крови маленький холодильник, открыл дверцу и приглашал взглянуть на свой ассортимент. Возле детской кроватки лежал иссохший, как мумия, трупик ребёнка. В костяных ладонях — игрушка, прижатая к животу. Виктор содрогнулся. На дальнем комодe мигала чёрная ночная лампа, изо всех сил старающаяся осветить комнату.

— Так вот что потрескивает. — Солдат шагнул; под подошвой захрустел ковёр, будто соткан не из шерсти, а из тончайших хрупких косточек. Прошёлся светящим фонарём по двуспальной кровати, застеленной чёрным грязным атласным покрывалом. Осветил картины в чёрных рамках, где на холстах изображена серая пустота. — Ну прямо Малевич. — Он решил выйти и не говорить Елизавете о детском трупике. И вообще, ему захотелось сжечь дом. Подорвать сотней килограммов тротила. Взорвать водородной бомбой. Разнести полным разрушением земли.

В холодильнике тонко хрустнуло, на пол потекла мутноватая жидкость. Солдат усмехнулся: лопнула банка с помидорами в кровавом томате и ботулизмом. Любопытство пересилило, он подошёл к дверце холодильника и осветил решётчатую полку. По стеклу колбы размером ведра скользнул блёклый свет, из тонкой трещины вытекало; внутри, прижав локти и колени к телу, заспиртован ребёнок. По спине Виктора пробежал холодок.

— О-о, здесь точно маньяки заседали.

Превозмогая отвращение, Солдат вытащил банку из холодильника, поставил на комод. Осветил сбоку фонариком и приблизил лицо. На него смотрели глаза мальчика, который раскрошился в его ладонях на качелях. Солдат вскрикнул, пинком разбил колбу и вылетел из «чёрной» спальни; сердце колотилось о стенки рёбер, готовое их пробить. Перед дверью из красного дерева Виктор помедлил, — чтобы не беспокоить Лизу, вдруг не спит, — привёл бешеное дыхание в спокойствие и вошёл. Постель пустовала. Из приоткрытой двери душевой доносилось женское пение и шелестящий шум воды.

— Лиз! Лиза! — позвал Солдат. — Лиза! — Не дождавшись ответа, он на носочках пересёк комнату, заглянул за белый наличник. На детской ванночке лежала женская одежда, матовое стекло кабины открыто. Елизавета стояла к нему спиной под струями душа и что-то невнятное напевала.

Солдат с удовольствием рассмотрел нагое женское тело, быстро, но тихо отошёл к кровати, сел; довольная улыбка расплылась на лице.

Ни о чём не хотелось думать, накатила тяжёлая усталость. В комнате стало тепло, будто включили мощный калорифер. Пение Лизы отдалялось, ресницы слипались. Будильник на полке над электрокамином показывал семь сорок, и Виктор подумал, что, когда сюда вошли в последний раз, стрелки показывали ровно восемь: неужели Елизавета отвела стрелки назад? Зачем?

1

Солдат разлепил веки, взглянул на часы: одна минута первого. Он как заснул сидя, так и проснулся, даже не свалился или не опрокинулся, будто тело изнутри держал остов из толстой проволоки или арматуры. Кровать пустая. А где же Лиза? Спальню оведала тишина, слабо подсвечиваемая ночной лампой с комода. За решёткой узкого высокого окна поселилась непроглядная темнота. Виктор повернул лицо в сторону душевой. Дверь плотно закрыта.

— Это ещё что? — Он вскочил на ноги и быстро прошёлся по ковровой дорожке. На дверной ручке и под ней разместился смазанный кровавый отпечаток. — Лиза! — Не дожидаясь ответа, открыл дверь, клубы пара нашли выход и сдвинулись в спальню. Елизавета стояла под выключенным душем, опустив подбородок на грудь, остатки воды под ступнями слегка окрасилась красным. На стекле кабинки выведено красным: «ПО ПЛОДАМ ИХ УЗНАЕТЕ ИХ». Виктор пробежался глазами по опущенным рукам Елизаветы, увидел слабый порез на левом запястье. — Ты зачем так? — Он подскочил к ней, повернул за плечи, ладонями приподнял лицо.

Однажды с автоматом в руках Солдат ворвался в комнату глиняного дома и чуть не заблудился в рое чёрных мух: настолько ими кишел воздух. В дальнем углу на табурете, прислонившись к стене, сидел молодой мужчина; его ладони придерживали на коленях собственные кишки: видно, распоролось осколком от реактивного снаряда, и он с надеждой спастись залез в этот дом. Его мёртвые глаза взирали безучастно на дверной проём. Глаза — словно осушили жаром, с желтоватыми белками; в них застыли невероятная тоска и бесконечная боль. Вот такие глаза были сейчас у Елизаветы. Неожиданно зрачки закатились под лоб, и Лиза, словно пребывая в трансе, закрутила головой; из приоткрытых губ потянулась хрипловатая мелодия каким-то неестественным голосом, не принадлежащим хозяйке.

— Что с тобой? Очнись! — Солдат слегка побил по щекам. Лиза обмякла, и он еле успел подхватить тело, отнёс на кровать. — И чем ты шмякнула себе по руке? — Он приподнял запястье и повнимательнее рассмотрел. Порез не глубокий, не опасный. Кровь, скорее всего, сначала пошла и сама быстро остановилась.

Солдат навис над голым женским телом, приблизив лицо к лицу, хотел как-то привести в чувство, но в этот момент Елизавета истошно закричала и начала бить, царапаться и брыкаться. Солдат отлетел к комоду будто лёгкий мячик, отбитый битой из-под мощной руки; затылок едва не разбил фасад ящика.

— Ты... — зашипела Лиза. — Ты правда хотел меня... ты хотел меня?.. — Казалось, она потеряла слово, часто заморгала непонимающими широкими глазами и заплакала. Села на край кровати, осмотрела себя. — Ты меня хотел убить? — Она вытянула вперёд руку, указывая на порез.

— Нет, конечно. Ничего я не резал... и не хотел. Ты сама. Я только тебя принёс из душа и хотел помочь.

Не скрывая свою наготу, Лиза вытерла ладонью слёзы и замерла, не отводя укоряющего взгляда от Виктора. Он не знал, что делать. Медленно поднялся на ноги и остался стоять возле электрокамина. Минут пятнадцать они пробыли в тишине, рассматривая друг друга.

Где-то далеко тоскливо завывала псына. Солдат перевёл взгляд на окно, успел подумать, что наконец-то хоть одна живая жизнь появилась. За решёткой что-то несколько раз сдвинулось и слабо прощуршалось, будто произошли электромагнитные помехи. Темнота сквозь стёкла ещё гуще вклинилась в комнату, и Виктор непроизвольно вспомнил слова: если долго всматриваться в бездну, то бездна начинает всматриваться в тебя.

— Кто-то из той бездны пожирает тебя своей ненавистью, — прошептал Солдат. — И от неё не жди пощады. — Он даже не услышал, как подошла Лиза. Хотел вновь что-то пролепетать в своё оправдание, но она закрыла его рот своими губами, рьяно потянула на себя. И уже через минуту одежда Солдата валялась по всей комнате, а их переплетённые и разгорячённые тела были накрыты чисто пахнущим одеялом: чтобы тьма не подсмотрела.

2

— Рассказывай. — Лиза закинула локоть за голову, запястье перевязано белой тряпочкой. — Как жестоко ты хотел меня обидеть.

— Вообще-то, я заснул. А когда проснулся, то увидел... В общем, ты сама всё с собой сделала. Я так и не нашёл, чем ты порезала руку. И твои глаза... Ты была не в себе. Будто одержимая.

Лиза повернулась на бок, лицом к Виктору, подпёрла голову ладонью:

— Ничего не помню. Только помню, как ты вышел... и ты уже в следующий момент надо мной, а я без одежды.

— А что сейчас произошло — помнишь?

Лиза ответила молчаливой улыбкой.

— А то потом скажешь... — Солдат поднялся с постели, чтобы собрать свою одежду.

— Нет, — заверила Лиза. — Не скажу. Просто что-то жутко нашло. И... Просто невероятно жутко как захотелось. Никогда такого не было... И... — Она увидела, как Виктор надевает штаны. — Подожди. Не одевайся. Там ночь. Мы весь дом обыскали, никого здесь нет. Давай в этой комнате закроемся и переночуем. А утром уедем. Ещё джип надо будет как-то поднять. И урагана, может быть, уже не будет.

Виктор подошёл к двери и задвинул позолоченную щеколду. Но, решив, что с голым торсом как-то неудобно оставаться в этом «демоническом» доме, всё же полностью оделся. Потом поднял с напольного ковра пистолет и обрез — не помнил, как и когда оказались на полу, — положил на кровать возле подушки. Елизавета с лёгкой улыбкой наблюдала за его действиями. Он это заметил и спросил:

— Что улыбаешься, *удостоверилась* что это всё не сон?

— Да уж... — хохотнула Лиза. — Это точно не сон. Но — я ещё не беременная. Так что твои шутки про беременность не прошли.

— Даром, — поправил Солдат.

Лиза засмеялась:

— И даром тоже.

Солдат, будто опомнившись, с огромным опозданием начал проверять комнату: заглянул под кровать, перетормошил все мягкие игрушки в детской кроватке, заглянул во все ящики, уголки и ниши, в некоторых местах осмотрел обои, провёл пальцем по лезвию огромного ножа на комод. Включил плазменную панель, но, кроме красно-белых помех, ничего на экране не появилось.

— Ты, прямо, детектив, — зевнула Лиза. — Падай на кровать, мы оба устали, надо выспаться. Неизвестно, что нам приготовит завтрашний день.

— Я ещё хотел плёнки посмотреть.

— Да *не нужно* нам это. Оставь. Ложись. Только свет на всякий случай не выключай.

— Ладно. Иду. — Солдат ещё раз осмотрел комнату, надеясь, что ничего страшного и неожиданно губительного не упустил, лёг на кровать со стороны детской кроватки. Лиза положила голову ему на грудь и сомкнула веки, слушая, как гулко бьётся мужское сердце и шумно доносит время будильник с белой полки, зависающей над электрическим камином.

— Ещё рано, только одиннадцать, — прошептала Лиза.

Солдат приподнял затылок и посмотрел на часы. Ничего не ответил, лишь покачал головой: ведь когда в последний раз смотрел — был первый час. Не делают же стрелки два шага вперёд и шаг назад? Хотя за последние два дня он увидел такое, что никак не укладывалось в голове. А ещё — некоторые вещи он сразу оттолкнул, отмёл, отбил невидимой гигантской кувалдой, в мыслях определив, что это *никак не возможно*, даже если *это* — находилось прямо перед его глазами.

Спать не хотелось. Некоторое время Солдат прислушивался к тишине, нарушаемую дуновением в ухо из ноздрей Елизаветы.

— Лизка, спишь?

— Пробую.

— Как попала в полицию? Вроде не женское это дело. Тем более ты такая хрупкая на вид, вся такая правильная, миниатюрная, красивая, слабая.

— Сам ты слабый. — Лиза перевернулась на спину, открыла глаза. — И не правильная я ни черта. Поэтому и попала, что решила себя исправить. Или... не то чтобы исправить, а, наверное, искупить.

— И чего же такого натворила, если не секрет?

Лиза тяжело вздохнула, рассматривая тень на потолке — *наверное* — от ночника, похожую на занесённую руку с огромным ножом.

— Да чего рассказывать. Мать пила, отца не было. Всё детство провела в интернате. Была у нас девочка, красивая до очертенения. На год или на два младше меня, не помню. Я с пацаном одним дружила... любила. Он держал всех в кулаке. Самый главный хулиган. Потом смотрю, то он ей цветок с клумбы сорвёт и подарит, то улыбкой одарит, то по волосам погладит. А до меня при всех стеснялся лишний раз дотронуться.

— Может, оберегал?

— Да ничего он не оберегал. Потом, *раз* при мне поцелует её в щёку, другой раз, а меня — *раз* при ней обзовёт, второй, что раньше никогда не делал. — Лиза ещё раз тяжело вздохнула. — А потом... я узнала, что они переспали. Я чуть с ума не сошла, не знала, что делать. Он от меня совсем отошёл, смотрел так презрительно, будто я какая-то грязь. А я была от него без ума, думала, мы поженимся. Тогда... я подговорила местную шпану, и её изнасиловали. А потом... потом она повесилась. Её спасли... — Лиза не заметила, как побелел и напрягся Виктор, стал похожим на каменную статую. — Но у неё случился выкидыш. Оказывается, она была беременная. Она сама этого не знала. На этой почве у неё потекла крыша. И она попала в психушку. А перед этим, не знаю, где достала, может, не её был, да и как узнала... в общем, она *это* принесла мне завёрнутое в платочке и ляпнула, что заставит меня... *это* родить заново. Конечно, всё это была глупость, прошло много времени, но то *это*, что она мне показала, приходило ко мне во сне каждую ночь и росло... взрослело.

По глубокому выдоху Елизаветы, Солдат понял, что рассказ окончен. Он сел на край кровати, и некоторое время молчал.

— А при чём здесь полиция? — спросил он.

— Не знаю. Чем взрослее становилась, тем больше ужасалась тому, что сделала. Захотелось стать хорошей. Как ты говоришь — правильной. — Лиза опустила ноги на пол, чтобы взять свою одежду в душевой и одеться. — И это всё случилось в глупом юношестве.

— Может, надо было в церковь ходить? Стать монашкой. Вдариться в веру...

— Сам верь.

— А как звали девушку?

— Варвара, — ответила Елизавета и скрылась за белой дверью.

— Барбара, — еле слышно произнёс Виктор, не веря тому, что женщина, с которой он был только что так близок, очень, и даже слишком очень знает его бывшую жену. Но — в такие случайности он никогда не верил. Остаётся только одно — что-то необъяснимое их привело вместе в это странное место. Или кто-то. Елизаветы подозрительно долго не было, и Солдат выкрикнул её имя.

— Иду! — ответила Лиза. — Не бойся, со мной всё нормально! Думаю то, что случилось, больше не повторится.

Виктор сомкнул веки, опрокинулся на спину и — снова открыл глаза. Вокруг царила глубокая тишина. За окном — или где? — затрещал сверчок: о, появилась вторая живая жизнь. По стенам бегали туманные тени, было непонятно отчего происходили. В спальне стало холодно и Солдат взглянул на окно: возможно, на улице похолодало и нужно прикрыть рамы. Да какие рамы? Окно с обеих сторон обнесено решётками. Густая темнота проникала сквозь стёкла, стелилась чёрным туманом по полу, медленно ползла к кровати. Создавалось ощущение, что что-то неисправимо изменилось. В воздухе витало психическое напряжение, от которого хотелось разжаться как стиснутой пружине, взметнуться с кровати и убежать.

Что-то Лизки нет. Как бы снова с ней не произошло.

Солдат приподнялся с постели, чтобы пойти в душевую комнату и замер. Елизавета сидела на краю кровати лицом к электрокамину, на табуретке, принесённой из душевой, разместился кинопроектор, крутились катушки с плёнкой. На стене под полками светился желтоватый экран, иногда становился цветом сожжённого; мелькали разные загогулины, полоски, точки; во всю ширину по центру слегка мерцала надпись: «ПОХОРОНИТЕ НАДЕЖДЫ В СОБСТВЕННУЮ БЛЕВОТИНУ. ВАШИ БОГИ НИКОГДА ВОСКРЕСТНУТ», — это всё, что держала в себе плёнка.

— Ох, нет, — полушёпотом произнёс Солдат, поняв, что Лизка снова впала в этот непонятный грёбаный транс. Взглянул на часы: пять сорок. «Ведь я же не проваливался в сон! Снова скачок во времени?!» Он тихо позвал её имя. Елизавета повернула лицо, на губах светилась счастливая улыбка. — Фу, я уж думал, что ты снова ушла в себя.

Лиза стянула с себя водолазку, оголив груди. Виктор улыбнулся, решил, что она с ним заигрывает: проснулось вновь кипучее похотливое желание. Он внимательно осмотрел её красоту, а точнее — красивые налитые груди. Провёл взглядом по грациозно выгибающейся спине. И хотел сказать, что она может кинуться к нему в объятия. Но когда заглянул в лицо, то понял, что она его не видит. Она смотрела ближе, прямо перед ним, будто видела нечто, подобное призраку. По её слабо движущимся губам Виктор понял, что она с кем-то беззвучно разговаривает. На её лице появлялись то улыбка, то печаль, то уныние, то страдание и боль. Несколько раз глаза становились умоляющими, заискивающими, затравленными.

Солдат шелохнулся. Реакция Елизаветы была сумасшедшей; она взвизгнула,

встрепенулась, забегала глазами, ища потерявшееся видение. Глаза и рот искажались в злобной ярости. Она трясла лицом, скрежеща зубами и брызгая слюной. Из её уст вырвался душераздирающий вопль. Шея неестественно изогнулась, подбородок дёргался и медленно уходил в сторону, пока глаза не наткнулись на Виктора. По его спине пробежались полчища ледяных мурашек. Словно зачарованный злом, он не мог оторваться от сумасшествия Елизаветы. В чертах её лица не осталось ничего человеческого. На несколько секунд они застыли взглядами. Лиза встала коленями на край кровати, правая рука положила на одеяло громадный нож, который до этого покоился в мизерной подставке на дальнем комод.

— А-а-а, ха-ха-ха, ха, ха! — завизжала Лиза, подняв лицо к потолку. Левая ладонь сжала левую грудь так, что под вонзившимися в плоть пальцами лопнула кожа. Лиза оттянула грудь и снизу вонзила нож. По лезвию вниз ринулась кровь, орошая крупными каплями белую материю одеяла.

Солдат подскочил на месте, сел на корточки и прижался спиной к стене, не зная, что предпринять.

Двумя широкими ударами Лиза отсекла себе грудь, несколько раз ею махнула перед лицом Виктора, словно окропляла святой водой. Лицо Солдата покрылось горячими кровавыми каплями.

— А-а-а-а! — заорала Лиза визжащим голосом, швырнула отрезанную грудь Виктору в лицо. Он успел отбить рукой и проследить глазами, куда шмякнулся кровавый кусок. И в следующий миг она высоко подпрыгнула, схватив нож обеими руками, размахнулась и нанесла удар. Солдат рванулся в сторону к детской кроватке, успел на ходу схватить обрез. Пистолет грохнулся на пол и отлетел под детскую кровать. В то место, где секундой раньше была ступня Виктора, рубанул нож, глубоко рассёк матрас. С новым ведьминым визгом и широким ударом ножа в сторону, Лиза попыталась достать спину Солдата; лезвие со свистом рассекло воздух, кончиком полоснуло по свитеру. В бешеной спешке Виктор запнулся ногой об ногу, упал на карачки и быстро прополз к красной двери. Он всё ещё не решался выстрелить в Елизавету. Он всё ещё не верил тому, что видел, не хотел думать, что если сейчас ей не оказать быструю медицинскую помощь, то она истечёт кровью.

Подпрыгнув почти до потолка, с ещё больше визжащей яростью Лиза ринулась на Солдата. Он перевернулся на спину, затылок коснулся табурета. Широко открытые глаза Лизы, наполненные безумием, и до невозможности открытый рот с воплем, молниеносно приближались; занесённый над головой нож рассекал в падении воздух, а пятки, казалось, сейчас раздавят голову Солдата как хрупкое яйцо. Виктор увернулся, откатился к комоду. Нож в руках Елизаветы разрубил табурет надвое. В визжащем гневе она схватила половинку и откинула в сторону с такой силой, что Солдат даже не заметил полёт; от удара в лоб он опрокинулся и чуть не потерял сознание, комната перед глазами поплыла, стала колыхаться волной. В мутном зрении он видел, как Лиза одной ногой оттолкнулась от края кровати, потом второй ногой оттолкнулась от комода и размахнувшись летела на него из-под потолка, чтобы ножом раскроить надвое уже не табурет, а его несчастную голову. И если он ничего не предпримет, то через мгновение так оно и будет. Солдат вскинул перед собой обрез и спустил курки. Выстрела — не последовало. В ужасе он понял, что не зарядил обрез двустволки. Он поднял обе ноги, и что есть силы ткнул навстречу Елизавете. Казалось, берцы проломили женские рёбра и вошли в грудь. От удара в акробатическом исполнении Лиза спиной перевернулась через голову и упала на колени и локти, издав невероятный хруст. Нож отлетел за кровать к дальней стене. В голове Виктора скользнула мысль, что

Лиза себе что-то сломала. Ему всё ещё было её жалко.

Но сумасшествие Елизаветы не собиралось успокаиваться. Она схватила комод, наполненный всякими вещами, и метнула в Солдата, но промахнулась. В долю секунды она оказалась рядом с ним, схватила за кожу на груди — Виктор подумал, что сейчас ему вырвут грудную клетку, а сердце остановится от невыносимой боли — и с визжащей яростью швырнула в красную дверь. Солдат ударился плащмя спиной и вниз головой и понял, что ему сейчас крепко повезло: от таких ударов живыми не остаются, но у него лишь выбило дыхание и полностью потемнело в глазах. Он понимал, что пока придёт в себя, Лиза его добьёт; ладонь нащупала ножку табурета, пальцы сжались. Виктор тряхнул головой, широко открытые глаза невидяще бегали по комнате, зрение медленно возвращалось. Наконец он смог вдохнуть. Боль в спине говорила, что сломаны рёбра. Опомнившись, Солдат занёс ножку от табурета над плечом, готовый в любой момент нанести удар. Лиза притихла в странной позе: согнувшись, расставив руки и ноги, будто притаилась перед нападением. Глаза уставились в одну точку прямо перед собой.

Виктор, не понимая, что происходит, помедлил.

— Она меня не видит, — прошептал он. Хотел подняться на ноги — тело пронзило миллионами ножей. Чуть не вскрикнул, прикрыл ладонью рот. Лиза дёрнула головой и вновь замерла. Виктор перевёл дыхание, преодолевая боль во всём теле, вытянулся в полный рост, как можно тише повернул ручку двери и вышел из комнаты.

Хромая, щупая ладонями стены, Солдат спешил выйти из этого дома, из этой поглощающей темноты. Подальше удалиться от... он даже не знал, как назвать Елизавету, не понимал, что с ней стало и откуда в ней взялись такие сила и прыть. И живучесть.

— Это всё нереально, — шептал Виктор. — Это нереально. Это в грёбанной степени нереально. Такого не может быть, потому что — просто не может быть. — Он пересёк зал, напичканный картинами с Бафометом и зеркалами, прошёл прихожую и вышел в дверь.

Свежесть ночного воздуха приятно встретила навстречу. Виктор вдохнул полной грудью и даже стало как-то полегче, боль во всём теле отступила, лишь отдавала в рёбрах спины и в правом колене.

— Нефига балдеть. Валить нужно отсюда. — Он осмотрел тёмное небо, заросли, которые выделялись чёрной стеной и ступил на ступень лестницы. — А я думал, что уже светать должно. Значит, снова какая-то аномалия со временем.

За спиной нарастала визжащая, клокочущая ярость; топот ног создал ассоциации с буйством носорога. Солдат даже не успел подумать, дверь входа с грохотом распахнулась и в спину так мощно ударило, что пришлось перелететь все восемнадцать ступеней и кубарем катиться по влажной траве. Разлёживаться было некогда, Виктор вскочил на ноги, подхватил ножку табурета и побежал к воротам. Наверное, шестым чувством он ощутил полёт за спиной, повернулся и наотмашь ударил ножкой. Лиза в высоком прыжке встретила лицом мощнейший удар, шея хрустнула, голова свалилась набок. Пролетев по инерции, тело рухнуло, проскользило боком по земле.

— Прости, Лизка, — прошептал Солдат, тяжело дыша. Он подошёл, осматривая Елизавету в надежде, что больше не встанет. Её голова неестественно вывернулась через правое плечо, глаза почти в упор смотрели на левое плечо со спины.

Лиза медленно поднялась, ладонями повернула голову, будто вставила вылетевший сустав на место. Её глаза искали. Виктор размахнулся табуретной ножкой, хотел ударить, но пожалел, не стал. Он присел и на полусогнутых ногах побежал, стараясь не шуметь. И через

секунду уже пожалел, что не ударил, не добил и теперь мчался во всю оставшуюся прыть. Лиза, рыча и размахивая руками, бежала следом, рвала, хлестала ногтями его спину. Солдат ворвался в ворота; его встретил невероятно плотный, вязкий зеленоватый воздух, будто попал в смолянистое болото. Превозмогая немыслимое сопротивление, он рвался вперёд, получая от Елизаветы удары, рвущие плоть спины. Она полосовала и полосовала его спину, рычала, визжала, орала: немилосердно свирепствовала.

Солдат почувствовал, как силы его покидают.

— Лиза, перестань! Я больше не могу! — Из последних сил он рванулся головой вперёд, стараясь ладонями убрать невидимую густоту. Его втянуло, со всхлипом пронесло и выплюнуло.

1

Солдат — кажется, потерял сознание — очнулся на дороге. В живот упирался валун, под ладонями собрались острые камушки, между пальцев — пыль с песком. Далеко впереди в ночи колыхалась лёгкая синева или даже лазурь с примесью зелёного. «Наверное, там вода сошлась с растительностью» — подумал Виктор. На полях присутствовал бардак: вся техника, какая стояла раньше, перевёрнута. Стога и снопы разбросаны, присутствовало столько мусора, что невольно навевало на мысль: сюда собрали все ближайшие свалки. Ураган прекратился, царило полное безмолвие, обдуваемое лёгким ветерком. Зато доносимая вонь со стороны севера сводила пищевод, желудок, кишечник. Обжигало горло, слезились глаза, и, казалось, вместо слёз вытекает кислота, щипающая кожу на щеках. Виктор приподнял голову и обернулся. Особняк находился в ста метрах. Его почти не было видно, вокруг забора собралась непроницаемая темнота, над которой возвышался конёк крыши и кирпичная труба с гнездом.

«Особняк будто запечатанный тьмой», — подумал Солдат. Он ещё раз осмотрелся, не мог вспомнить, как отошёл так далеко от ворот. А может, его выплюнуло метров на сто, или прокатился кубарем, звезданулся головой об камень и всё позабыл? Сморщив лоб от боли, он привстал на колено. Дыхание спёрло — видно, всё-таки рёбра сломаны или трещина. Такое с ним уже случалось. Сидел на бронетранспортёре, под колёсами произошёл взрыв, и он на всей скорости — будто «бэтээр» выбило из-под задницы — пролетел и грохнулся спиной на камни. В итоге — контузия, скальп на затылке чуть не срезало острым плоским камнем, а вздохнуть — словно в лёгкие воткнули ножи: было сломано шесть рёбер. Вот и сейчас — что-то похожее.

Виктор перевёл дыхание, выгнул в коленях ноги, расправил плечи и поднёс лицо к тёплому обдувавшему ветерку. В глазах промчались тёмные круги, пошатнуло. Он ещё раз посмотрел на особняк, обнесённый вязкой темнотой. Ему невыносимо как было жалко Лизу. Он с сожалением покивал, руками овил тело. Сгорбившись, пошёл прочь — подальше от этого проклятого места. Рваные раны на спине будто располосованные ножами и торчавшие сквозь разодранную толстовку, вывернули наружу мясо и саднили так, что, казалось, их поливают соляным раствором, размешанным со стеклом. А в голове пробежала неутешительная мысль: «Наверное, и голые рёбра видно».

— Папа, — за спиной прошептал детский голос.

— Нет, — покачал головой Солдат.

— Папа, — прошептало ещё раз.

— Не-ет...

— Папа...

— Не-е-ет! Не-е-ет! — заорал Солдат, раздирая голосовые связки. — Не-е-ет! — Он прихрамывая, побежал. Его ещё раз позвал детский шёпот. — Не-е-ет! — Ладони прижали уши, тело уже не чувствовало боли, лишь стремилось подальше удалиться. — Не-е-ет! — Виктор набирал скорость. — Не-е-ет! — орал он. Он бежал и бежал, иногда спотыкался и падал, перепрыгивал наваленные ураганом брёвна, стволы деревьев, камни, валуны. Не заметил, как свернул с дороги и уже мчался по полю, углубился в чащу деревьев, сначала молодых и с тонкими стволами, потом перешедших в искривлённые толстые с

обнажившимися корнями, где на старых стволах загрубелая морщинистая кора напоминала каменные панцири. Он выбежал на тропу, поднимающуюся к небу, и опомнился, когда рухнул с отвесного утёса. Отбивая локти, колени, почки он катился по земляным заскорузлым бороздам, кувыркался через голову до самого подножия, перелетел серый узкий каменистый берег и шлёпнулся в ледяную воду. Горная река понесла его, била о камни, переворачивала, перекидывала через пороги, топила и скинула с водопада. Он летел в шумной воде, дух захватило, а руки махали, словно желали помочь — не дать упасть, но взлететь.

Солдат упал в ещё более ледяную воду тёмной лагуны, дыхание сбило, изо рта и ноздрей вырвались пузыри. Берцы коснулись каменистого дна. Виктор оттолкнулся ногами и постарался скорее всплыть, воздуха в лёгких катастрофически не хватало.

Над головой светили немигающие звёзды, серебряная луна наблюдала своим холодным взглядом. За пару минут Виктор успел околеть, зуб на зуб не попадал, а когда попадал, то готов был раскрошить и раскрошиться сам. Солдат осмотрелся. Вокруг возвышались высокие отвесные берега с покосившимися бетонными столбами и колючей проволокой. «Может, там ещё и ток пропущен?» — скользнула мысль в голове. Пришлось плыть очень долго — возможно, от усталости и ран на спине ему только казалось. Солдат очень удивился, когда справа в метрах двадцати появилась водонапорная башня, бочка которой наполовину высывалась из воды. Потом со множеством дыр пошли черепичные крыши затопленных домов. Виктор проплыл между двух крыш. От холода начало сводить икры ног. Впереди замаячили окна и дощатые стены, по которым он определил, что у дома есть ещё первый этаж, а возможно, больше. Через пятьдесят метров появился покосившийся деревянный столб электропередачи, с одной стороны траверсы в воду опускались три провода.

«Не долбанёт?» — в мыслях спросил Солдат. Опасаясь электричества, он замер на месте, дрожа всем телом. «Да нет. Уже бы насадило так, что глаза бы выскочили и в припляс, обгоняя друг друга, помчались по водной глади, фига с два догонишь». Виктор подплыл и осторожно потрогал пальцами один за другим фарфоровые изоляторы с намотанными металлическими проводами: как если бы почувствовал ток, то не поплыл вперёд, а повернул назад и что есть силы погрёб руками и ногами, изображая гребные винты самого быстрого катера, чтобы не убило. Он осмотрелся, отгоняя пальцами мелкую зелёную тину, так и норовившую влезть в рот или ноздри: берегов не видно. Увидел второй столб, к которому, скорее всего, от этого, поднимались провода и дальше тянулись к следующему, и к следующему, и, чем заканчивались — в сизой дымке было не увидеть. Виктор решил плыть вдоль проводов и столбов, а то будет вечность кружить на одном месте, пока сердце не остановится от холодной воды.

Терпеть ледяную воду уже было не вмоготу, да ещё тормозили водоросли, постоянно цепляющиеся за ноги. Уже проплыл десять столбов, а конца края — начала берега — не видно. Губы, казалось, окаменели; пальцы ладоней отказывались сгибаться.

— Ну и где белая полоса после чёрной? — спросил Солдат, выплюнув вонючие чешуйки тины. — Или моя зебра-жизнь состоит только из чёрных полос? Ну тогда это уже не жизнь, а вечный мрак, где лучший исход — утопиться.

Слева издалека донёсся металлический лязг и, как показалось, пёсий визг. Солдат долго всматривался в темноту, плохо подсвечиваемую луной и звёздами, и наконец различил очертания берега.

— А-га, вот куда мне надо. Вот где белая полоса запряталась. И не желает, чтобы я её

нашёл. Но Солдата — не проведёшь. Ведь я не свой, — радостно закричал Виктор, — я божий!

Долго пришлось искать место, где можно было забраться на сушу. Рваный берег полметра высотой, сверху покрытый густой травой всё время обрушивался, как только ладони старались уцепиться пальцами за край. Место, где можно было вылезти, нашлось через километр, справа от того места, куда Солдат подплыл. Неимоверно уставший, облепленный тиной и водорослями, дрожащий как отбойный молоток, он опустил колени на траву и тихо засмеялся. Вытянул перед собой руку с выставленным указательным пальцем и произвёл голосом «пуф» — этим показывая миру, что он не лыком сшитый и за жизнь — ещё как поборется.

— Ха-ха-ха, вот так вот, грёбаная романтика этого пришибленного мира, вечно незнающего покоя и не дававшего другим. — Виктор радостно воскликнул, увидев в двадцати метрах кострище, окружённое брёвнами, сиденьями от машин, сумками и всяким хламом. Обрадовался тому, что, может быть, найдёт что-то полезное в разбросанных вещах, ведь у него ничего не осталось кроме огнива. Ладони пбили по накладным карманам, пальцы нащупали продолговатую форму: и ещё старый мобильник, который после воды вряд ли «заведётся». И пока не согреется — о сне не могло быть и речи, хотя усталость одолевала так, что было желание рухнуть на траву и сразу отключиться, отбросив ноги. Но можно заболеть, а что ждёт впереди, какие ещё передрыги встретятся, перед тем как поймёт, что делать дальше, неизвестно: ведь он будет идти и идти, пока что-нибудь не изменится; если надо — будет озверело биться и всё менять сам.

— Пока не устрою свою жизнь. Или не сгину.

Солдат перевернул все сумки, полиэтиленовые пакеты. Кроме вонючего тряпья и серой грязной ваты ничего полезного не нашёл. Наверное, место каких-то бомжей, очистивших всю округу и собравших здесь свой секонд-хенд и библиотеку: старых книг — здесь тоже валом.

— Ладно. Я сам теперь почти как бомж.

Зато приготовлены дрова, наструганы щепы, из которых с помощью огнива и выданных листов из книг Солдат развёл огромный костёр. Пламя достигало его роста, весёлые искры взметались к небу. Из-за жара пришлось подальше отойти. Огонь отбрасывал в ночь причудливые тени, плясал по лицу, создавал в темноте светящийся островок, накрытый мерцающим куполом света. Виктор снял берцы, пододвинул ближе к костру. Остальную сырую одежду снимать не стал. Ночь тёплая — с тёплым ветерком и жарким огнём: всё высохнет прямо на теле. От усталости не хотелось ломать голову о происходящем — тревожиться и переживать. Солдат улёгся на траве с наветренной стороны от костра, чтобы «во сне не хлебать умиротворённым хлебалом дым», и под треск дров от огня мгновенно уснул.

Единственная мысль, которая поселила на мгновение: «Когда плыл, кажется, боковым зрением увидел на крыше дома человека в чёрном резиновом костюме. Как водолаз. Но это... кажется».

Костёр постепенно утихал, горел медленным, ровным пламенем. Утихал и ветер, слабо обдувал теплом, пока полностью не остановил своё дыхание. Лишь чья-то ненависть взирала из ниоткуда и разгоралась всё большим пламенем и безудержным неистовством. Солдат часто вздрагивал, иногда стонал.

— Папа, — прошептал детский голос.

Виктор поморщился от солнечного света, ворвавшегося в приоткрытые ресницы. Было непонятно — спину больно или приятно щекотало. Чьё-то дыхание коснулось слуха, чьи-то ноги или лапы шуршали сзади по траве. Солдат внутренне напрягся, но бить наотмашь кулаком не спешил: вдруг там кто-то рядом трётся с добром. Он медленно-медленно повернул голову. Собачьи глаза прищурились от удовольствия, а длинный язык зализывал ему раны на спине или — слизывал кровь.

«Ну вот, а если заразу занесёт?»

Солдат кашлянул. Пронзительный визг метнулся к небу, пёс высоко подпрыгнул на месте и стремительно понёсся к кустам и деревьям, растянувшимся густой зелёной полосой на западе в двести метров отсюда.

— Это не пёс, — произнёс Виктор и сел, потирая сонные глаза. — Это какое-то уродство. — Некоторое время он смотрел за убегающим существом, которое принял за пса. Голова действительно принадлежала псине, где наверх вылез оголившийся мозг, сидел как расплывшаяся шляпа гнилого гриба. Горбатое тело без шерсти напоминало гиену, а длинный чёрный хвост, торчавший стрелой, будто приделан от гигантской крысы.

Костёр давно погас, солнце парило, приятно согревало после холодного утра. Солдат потянулся, косточки всего тела хрустнули. Странно, вчера спина болела невыносимо больно, и сегодня должна вообще не давать двигаться без вскрика и сморщивания лица, но нет — было ощущение, что раны не начали подгнивать, или даже затянулись.

Солдат поднял берцы с земли и потёр пальцами внутри. «Надо же, высохли, лишь в стыках влажные, и чуть-чуть в носках». Он сел на автомобильное кресло, натянул армейский ботинок и стал затягивать шнурки. Вспомнил, как один раз в пустыне набрали на островок с растительностью. Двое раненых товарищей остались лежать под тенью глиняной стены одного из трёх заброшенных домов, а он пошёл искать воду. Через тридцать метров пряталось в низине небольшое полувысохшее озерцо в окружении деревьев. Он забыл взять флягу, а возвращаться пустым под нещадно палящим солнцем не хотелось. Пришлось снять ботинок, черпнуть воды и быстрее нестись к друзьям, чтобы с радостью оповестить, что от жажды не помрут и могут с жадностью напиться. Солдат качнул головой и улыбнулся: они ему этим ботинком чуть по голове не настучали.

Ох как сейчас хотелось пить. Наверное, осушил бы целую цистерну. Глаза забегали по разбросанным вещам: где-то ночью валялась пластиковая белая фляжка, сразу было лень за ней нагибаться.

Солдат обулся и встал на ноги. Внимательно оглядел разбросанный «бомжатский секонд-хенд» вокруг огромного пепелища. Походил и попинал вещи. Фляжка куда-то запропастилась. Может, пока спал, кто-то приходил и унёс всё, что есть полезное? Как назло, желание заправить своё пузо водичкой непомерно возросло. Виктор попробовал сглотнуть слюни, сухой язык прицепился к пересохшему нёбу. Чёрт с ней — с этой фляжкой. Он направился к озеру. Перед взором предстала картина большого затопленного города; сотни, или даже тысячи крыш расположились над водной гладью, затянутой мелкой водорослью. Некоторые дома выглядывали из воды на пол-этажа. Всё это когда-то был частный сектор. Солдат представил, как ночью произошёл провал целого города и спавшие люди больше не проснулись. Хотя, конечно, кто-то и спасся.

— Там, наверное, полно утопленников. — Виктор с грустью вздохнул: что называется — попил сухой водички. Он вскинул глаза и устремил пронзительный взгляд вдаль. Ему

снова показалось, что на одной из очень дальних крыш метнулась человеческая фигура. Он усердно всматривался, стараясь различить хоть какое-то движение, но половина озера накрыто плотными облаками вперемежку с тучами, и вся южная сторона тонула в тёмно-серой мгле. Солдат выругался и назвал сторбившееся существо, которое ему показалось, «грёбаным ниндзя в водолазном костюме». — Он за мной следит. — Виктор усмехнулся. — Бред. Если бы это был омовец, то хрен ли ему по крышам, как горному козлу скакать. Уже давно бы мне завернули лапы, тем более, когда спал.

Вчера, когда плыл и слышал лязг металла с собачьим визгом, а потом свернул к берегу; в том месте, где не смог забраться на крутой берег, — видел разбитый дом. Вот туда нужно идти. Здесь в округе одни пустоши, заканчивающиеся посадками или, возможно, лесами. Конечно, если будет время, то обязательно всё осмотрит.

Солдат похлопал ладонями по всем карманам, проверяя свои вещи, хотя прекрасно знал, что кроме старой «мобилы» и огнива — разве что призраки моли затесались. И теперь бухают на радостях, что нашли приют.

Виктор пошёл по траве, достигавшей колен и бегущей волной по густому зелёному ковру. Вдоль берега не пошёл: а то ещё рухнет в воду вместе с обвалом — вчерашние восхождения к суше ещё грелись в памяти. Раны на спине начали саднить, пульсировать. Не дай бог, покроются гноем. Он вспомнил, когда ещё был совсем маленьким, как отец пришёл со рваной раной на лбу после драки. И вроде бы промыли, и вроде бы всё затянулось, а батя всё жаловался на боль. Потом, когда лоб раздулся как надувной матрас, ему вскрыли заживший шрам, а оттуда, как из мясорубки фарш, посыпались опарыши.

— Нужно бы чем-то обеззаразить.

Ноги вынесли к земляной дороге. Глубокие засохшие следы от траков пролегли от дальних посадок к наметившимся крышам домов, куда и держал путь Солдат.

— Неужели от танка? — Виктор присел на одно колено, провёл пальцами по рифлёному широкому следу. Он хоть и воевал, но не мог различить — танк это проехался или бульдозер. — Да нет, зачем здесь танки? — Правда, в мыслях пронеслось, что зона, куда он попал, очень странная. Вспомнились бетонные столбы с натянутой колючей проволокой на берегах, возвышающихся вдоль реки или канала, по которому он плыл. И опять же — ни единого человека, а то чудище с мордой пса говорило, что здесь — всё слишком не так. Всё — слишком не так. Это уже гениальная манипуляция. Или, быть может... Нет, в нападки inferнальных существ он не верил, во всяких там суккубов и инкубов, типа, с помощью которых, в средневековом мире начиная с ночи Сварога всё заплонили химеры.

И — Елизавета.

Ещё издали Солдат различил двухэтажные дома с разбитыми окнами, расположившиеся с обеих сторон дороги. Он даже не мог определить — почему так решил, но сразу понял, что здесь воцарилось запустение. Жизнь давно ушла, покинула собственные жилища. Или её попросту с помощью меча и атома вежливо попросили погибнуть.

Вдоль дороги стояли фонарные столбы; их свет давно угас, лишь навеки поселился в чьей-то мёртвой памяти. Ветер поднял пыль и мусор, завертел, поднял извивающейся тонкой воронкой и где-то на уровне разбитого фонаря всё рассыпал, забросив микроскопические частички в глаза подходившему путнику.

— Ну я же вам ещё здравств не сказал, а вы уже истерично кидаетесь и требуете алиментов. — Солдат остановился, чтобы освободить заслезившиеся глаза от пыли. Перед тем как ресницы сомкнулись, зрачок успел уловить короткий блеск, как если бы солнечный

луч отразился в стекле. Но Виктор не придумал этому значения. Отерев слегка воспалившиеся веки, он окинул широким взглядом посёлок. Или, скорее всего, выселок, когда-то принадлежащий к затопленному городу. На пригорке, к которому он поднялся, начиналась асфальтированная дорога. Виктор повернулся, чтобы оценить пройденный путь, и пожал плечами.

— А сюда асфальта, значит, не хватило? — Солдат покачал головой. «Сдали на металлолом. И по фигу что не металл, лишь бы денег нахапать и в бумагах написать, что слишком поржавело. В этом мире никто не замечает — что поржавели сами: их совести, сердца и души». — Зато светофор поставили. Для пробегающих через дорогу зайцев?

Солдат насчитал десять дворов — по пять с каждой стороны. Возможно, вдалеке, там, где за деревьями дорога раздваивается вправо и влево и по центру расположилась заправка, приютились ещё дома. Над крышей заправочной станции возвышалась кирпичная пожарная каланча, больше походившая на маяк. Повсюду валялся мусор, иногда гоняемый ветром. В щели разбитых тротуаров пробилась трава. Низкие изгороди прикрылись густыми кустарниками, в листве которых разные цветы пробовали украсить этот заброшенный мирок. Их поддерживали золото солнца и синева безоблачного неба. Но не помогало. Немое уныние здесь перехлёстывало через край. Ни одной пчёлки или бабочки, ни одной певчей птички, ни одной вопящей вороны. «Возможно, уныние только в моей голове, а миру — всё прекрасно».

На правой стороне возле второго ближнего дома припаркована легковая машина. Цвет и какой марки — невозможно определить. Автомобиль настолько грязный, что Солдат представил, как подъехал «гряземёт» с цистерной и начал обдавать чернильной жидкостью из гофрированного шланга, а после, когда подсохло, заполировал серой пылью.

Виктор раздумывал — с какого дома начать шмон или — как он сам называл обычное мародёрство — «сталкерствовать». Глаза разбегались: столько домов без хозяев! Заходи в любой и бери всё, что найдёшь — бесплатно. Правда, если хозяева невзначай нагрянут, то всё же придётся заплатить — пропустить пулю из их оружия через свою башку. Но — как говорится, риск — благородное дело. Правда, если этот риск оправданный. А оправданный ли сейчас риск?

— Да я сейчас от жажды засохну! — крикнул Солдат и широкими быстрыми шагами направился к автомобилю: салон машины быстрее осмотреть, чем дом, и вдруг ещё заведётся. Конечно, наверняка здесь уже поработали ушлые ребятки, но — кто его знает, кто знает.

Холодный порыв ветра задул уши, завыл в трубе какого-то дома. От неожиданной и резкой прохлады по телу промчались мурашки. И всё же слух уловил длинное с эхом «сциф-ф-ф». Солдат замер как закаменелый, разведя руки и не веря своим ушам. «Это же пуля? Это же пуля просвистела!» В тишине, освободившейся от ветра, издалека принёсся новый выстрел, фонтанчик пыли взметнулся возле берца. «Это же снайпер стреляет! По ногам, собака, метит!»

Виктор, не добегая машины, прыгнул под передний бампер, едва не попал под следующую пулю, которая пробила и заднее, и переднее стекло, почти чиркнула по макушке. Виктор громко выругался — в ладонь воткнулись разбитые стёкла от бутылки, когда-то кем-то разбитой. Он вжался к переднему автомобилю, осматриваясь: нет ли других, подончато его окружавших. Но кроме унылых домов с разбитыми стёклами окон лишь слабый ветерок гнал по асфальту скомканный бумажный лист. Измятый шарик подкатился к ногам и

остановился, уперевшись в армейский ботинок.

— Спасибо, но я пока ещё не обдристался со страху.

Новый порыв ветра принёс новый звук выстрела и вонзившуюся пулю в крышку капота где-то в районе фары. Это — уже заслали смерть сверху. Значит, стрелков несколько?

— Я вам глотки перегрызу, — прорычал Солдат. Сердце колотилось в груди, но ярость клокотала несоизмеримо больше. Виктор перевёл дыхание, вытянул из ладони три мелких стеклянных осколка. Только он подумал, что всё, обстрел невидимой цели закончился, и хотел подглядеть за обстановкой, как пуля пролетела перед «мордой», чуть не задев нос, и воткнулась в асфальт возле носа берца. «Мои мысли читает, знает, что хочу на миг высунуть глаз?» Ладонь стёрла пот со лба. Солдат посмотрел на другую сторону: там дом совсем рядом и туда легче проскочить и остаться живым. Он подлез на четвереньках к другому краю передка автомобиля, нагнул голову под капот, почти касаясь щекой дороги, и собрался выглянуть. Но ему снова не дали, вонзив следующую пулю прямо перед лбом.

— Тварь! — закричал Солдат, брызнув слюной, заскрежетал зубами. — У тебя там, собака, тепловизор имеется что ли? Я тебе в жопу его запихну, будешь *оттуда* тепло рассматривать.

В накладном кармане возле коленки задрезжало. Виктор удивлённо вскинул брови, пальцы потянули отворот кармана, затрещали липучки. Через секунду глаза Солдата в ещё большем недоумении взирали на дисплей старого мобильника, батарея которого не заряжалась вечно. Большой палец правой руки осторожно надавил кнопку с рисунком зелёного телефона. Подносить к уху не понадобилось, из динамика громким шёпотом донеслось: «Я подсказываю». Это был женский голос, сильно чей-то напоминавший. Солдат поднёс мобильник к уху.

— Лиза, это ты?

1

В ответ зашуршало. Потом посыпались клокочущие звуки — и где-то далеко, очень далеко тихо плакал ребёнок, лязгали тяжёлые цепи и ковался металл. Перед глазами Виктора проплыло видение: по конвейеру в виде двутавров с мощными подшипниками двигались массивные цепи, на чьих крюках свисали мёртвые младенцы. И все эти младенцы — были его сыном, Илюшкой.

— Не пойму, почему так?.. — вздрогнул Солдат.

— Я!.. Подсказываю!.. — вырвалась яростная ненависть в виде хриплого женского голоса. А потом выплюнулся визгливый смех — настолько мерзкий, отталкивающий, какой-то разнузданный, долгий, что Виктору подумалось — мир безнадежно утонул в блевотных слюнях из гнилого чрева с редкими пожелтевшими зубами и ведьминой вакханалии. Он коротко размахнулся, чтобы швырнуть мобильник в кусты, но из динамика быстро и громко посоветовали — такое не творить, ибо потеряет связь с Богом, который ещё раздумывает — оставить его в живых или нет. Солдат вспомнил, как айфон Елизаветы отвечал даже на их мысли, в бешенстве вскочил на ноги, размахнулся и зашвырнул мобильник через крышу двухэтажного дома. Боковое зрение уловило вспышку выстрела из самого верхнего окна каланчи: как же так — он не смог умерить зlobу и увлёкся мстью к говорившему мобильнику, напрочь позабыв о снайпере?! Солдат лишь обречённо повернул голову навстречу смерти, понимая, что пуля в следующее мгновение вылетит из затылка. Боль исполинской бейсбольной битой со стальными шипами ударила в лоб, мир остановился, потонул в глухоте.

Солдат завёл глаза под брови; он увидел застывшую пулю на доли миллиметра вошедшую своим смертоносным остриём в кость лба, увидел её тепловой след в колыхающемся кольцами воздухе. Он подумал, что, наверное, когда все погибают, то проживают если не целую вечность, то целую жизнь в невыносимой агонии от болевого шока. Последняя жизнь, которой осталось доли секунды — для них растягивается в годы, если вообще не застывает на века. Может, это и есть — чистилище, очищение болью, после которой следует новое перерождение? Солдат вспомнил анекдот и тут же на себя разозлился: тут сейчас башка как гнилой арбуз разлетится, а ты «ха-ха» поймал! А потом подумалось: «А если отодвинуть голову от пули — всё равно замерла — и увернуться?» Солдат так и сделал.

В следующее мгновение Виктор увидел вспышку, услышал звук выстрела — прошлое отступило на миг! — и успел нырнуть под бампер автомобиля. Свист пули рассёк воздух над самой головой. Солдат прислонился спиной к бамперу, не веря тому, что сейчас случилось и тому, что остался жив. Значит — когда произошло пять лет назад — это ему не показалось, а была реальность. Однажды, на войне, их колонна попала в засаду, когда проезжали населённый пункт по ухабистой дороге, пролегающей между глиняных домов. Кроме зелёного флага, болтающегося на рее над одним из домов, и тёмных провалов окон без рам и стёкол — к ним навстречу катилась сухая верблюжья колючка. Виктор сидел на броне бронетранспортёра, щерил лицо от слепящего солнца и слушал музыку через воткнутые в уши наушники. Рядом с ним сидело ещё трое. Коха, с которым он пришёл в один день в одну часть, толкнул его в плечо и указал на приближавшееся перекаати-поле и сказал:

— Смотри, сейчас нас подорвёт.

В следующий миг верхнюю часть головы Кохи снесло, обдав лицо Виктора кусками мозга и косточками черепа. Со всех сторон поднялась невообразимая стрельба. На решение, чтобы что-то предпринять было не больше секунды. Солдат увидел кучу пуль, как мчащийся рой, приближающийся в его сторону. Он тогда подумал, что разве можно увидеть летящие пули, да ещё бешено рассекающие воздух к тебе навстречу, — пули летели очень медленно, как в замедленной съёмке. Виктор спрыгнул на землю, и в то место, где мгновение назад сидело его тело, врубился стальной горох, простучавший как по стальному барабану. А потом, когда проанализировал тот эпизод, он решил, что не видел никаких пуль, просто сам спрыгнул за мгновение до смерти, вонзившейся в стальную плоть «бэтээра».

Новый выстрел и, пробившая крышку капота, пуля, из-за которой перебило и выгнуло радиаторную решётку над плечом, вывели Солдата из воспоминаний. Женский голос в голове хохотнул: «Как ничтожны решения глупца. Зря ты выкинул вещицу. Ха-ха-ха. Из гроба выхода нет».

— Я ещё не в гробу, — пробурчал Солдат. Новый гнев охватил так, что хотелось поднять машину над головой, швырнуть и раскрошить кирпичи каланчи до мельчайших частичек, да только силишек очень не хватало такое сотворить. А снайпера — достать прямо отсюда и вдолбить его в асфальт вниз головой по самые щиколотки. И потом пощекотать пятки паяльной лампой.

Порыв ветра принёс — но только не звук выстрела — тяжёлый шёпот, будто его хозяин принадлежит роду великанов, держащих в ладонях землю как бейсбольный мячик.

— Всё в руках твоих. Главное — смотри, чтобы в твоих ладонях моль не станцевала вальс. Ха-ха-ха!.. Ха!.. Ха!.. Ха!

— Я не знаю кто ты, — сказал Солдат тихим голосом, — но только смотри, чтобы однажды в твоих ладонях не оказался мой презрительный плевок. Могу ещё сморкнуться.

Солдат прислушался, ожидая отклика низкого утробного голоса. Но в ответ — немного усилился ветер и загудел по очереди во всех трубах домов, будто выдувая во флейтах свой, только ему известный, замысел.

Через минуту таинственный снайпер открыл такой огонь по автомобилю, что Виктор понял, если будет тянуть, то через определённое время будет светиться снайперскому глазу, как через дырки дуршлага. Или сам станет дуршлагом.

Лопались стёкла, гремел металл, вспыхивали фонтанчики пыли на асфальте. Несколько раз Солдат подсчитывал выстрелы, чтобы улучшить момент перезарядки винтовки. Но только соберётся выскочить из-за бампера автомобиля, сразу туда прилетала пуля.

Целую минуту звенела тишина, и Виктор понял — если не сейчас, то — никогда. Он поднялся на колени, как если бы ждал старта перед спортивным забегом от линии, несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул и выскочил из-за машины, стремительно помчался к заборчику ближайшего дома, ловя ушами звук выстрела. Снайпер, наверное, на что-то отвлёкся — может, мошка в глаз залетела — и проглядел, послал выстрел, когда Солдат пробил головой стену зелёного кустарника и мчался на карачках, как арабский скакун, к углу дома, прикрытый невысокой, но достаточной высоты, чтобы укрыться, деревянной изгородью.

Виктор истерично рассмеялся, посылая стрелку обзывания, угрозы и очень недобрые проклятия. Он сел на отмостку, прислонил затылок к стене и немного посидел, осаждая нервное перевозбуждение. Сначала хотел залезть в окно дома и поискать что-нибудь

нужное. Но потом подумал, что снайпер, возможно, не один, и пока он будет рыскать, перелопачивая хлам, могут нагрянуть гости, а у него из пистолетов — два указательных пальца и вместо выстрелов — выдох из губ в виде «паф, паф». Да и пить так хотелось, что он готов испить из того «болота», по которому приплыл на эту землю.

— Ладно, стрелок, возможно, я ещё прибуду к тебе в гости. Жди в оба глаза и в оба уха и постарайся не уснуть. Солдат не злой — но мстить умеет. — Виктор вскочил на ноги, перелез забор на восточной стороне двора и, пробираясь сквозь заросли, вышел под склон к земляной дороге и поспешил к месту «бомжацкого секунд-хенда».

На горизонте, где густота растительности — наверное, леса, — соединялась с небом, надвинулись облака. Их цвета удивляли воображение — густые клубы, внутри которых происходили бурные процессы, перемешались всеми оттенками красного.

— Ещё не хватало кровавого дождя, — сказал Солдат, подходя к уже знакомому кострищу. А что? Когда с Елизаветой ехали в её «вранглере» — дорога была покрыта красными пятнами. И это точно была кровь. Издалека глаза Солдата увидели на куче рваного тряпья ту самую белую фляжку. «Как же я мог её просмотреть?» — подумал он.

В этом же хламе Виктор нашёл небольшую кастрюльку, также удивляясь, что вчера ничего не заметил: списал на ночь и темноту. Развёл костёр, набрал и вскипятил воду, и наконец-то утолил жажду, от нетерпения обжёг губы, язык, нёбо и даже кончик носа. Порылся ещё немного в сумках, в старых вещах, так ничего путного не приобрёл. Разве что сумка из кожзаменителя размером обычной тетрадки пригодилась, вся растрескавшаяся и со сломанной молнией, но зато есть ляжка и можно перекинуть через плечо. Туда положил фляжку с водой.

Теперь захотелось есть.

Солдат взглянул на пригорок: отсюда, наверное, целый километр, может, чуть больше. Домов не видно, а вот крыша каланчи, похожая на зонтик, маячила на горизонте дороги. Раньше он её не видел, а теперь знал, что она там есть, и теперь этот кирпичного цвета «зонтик» мозолил глаза. А ещё там снайпер злой. А может, ещё и не один. Конечно, хотелось по башке ему — или им — насовать, но, наверное, пока не стоит ввязываться в драку. Какой смысл? Лучше обойти. Разве мира мало и дорог? Да и нечем ему агрессию разводить, даже хиленького ножичка нет.

Виктор посмотрел в сторону лесополосы, куда убежал пёс-мутант и решил пойти туда. Нужно спешить. Возможно, за зелёными насаждениями попадётся населённый пункт. Ночи пока тёплые, но ведь может резко похолодать или могут начаться дожди, а на нём одна толстовка, разодранная на спине. Солдат пошевелил плечами и лопатками: странно, после того как пёс зализывал ему раны, ни разу не заболело. Он обернулся и взглянул на озеро, потом на дорогу, ведущую к злому стрелку, и уже не сомневаясь направился к зелёной дуге деревьев, простирающихся от севера к востоку.

2

Прошло уже целых четыре дня. Солдат так ни разу ещё не поел. Воду набирал в чистейших ручьях и один раз из родника. Интересно было, что родниковая вода вытекала из дыры, будто кем-то просверлённой, в центре огромного камня. Камень стоял на трёх камнях поменьше как на трёх ножках, а под ним — пустота. Так и непонятно было, откуда бралась вода: не из воздуха же собиралась? Солдат то проходил бескрайние пустоши на запад, то лез через непроходимые дебри на север, то едва не утонул в болоте, когда шёл на восток и каждый раз выходил к озеру. Возможно, это были другие озёра. Но к Солдату забрались

смутные сомнения. Перед озёрами простилалась земляная дорога, по которой непременно шёл отпечаток траков.

Несколько раз он встречал небольшие брошенные поселения. Но это были простые деревянные или бревенчатые коробки без крыш, без стёкол и рам, без мебели. Уже кто-то давно зачистил и подчистил территорию, не оставив даже мусора. Один раз он наткнулся на могильный крест. Он не просто не стал читать эпитафию — он ринулся от могилы, собираясь обогнать поднявшийся ветер: был бы ураган — и её обогнал.

Все ночи Виктор не спал — спал только утром. За ним следил пёс-мутант, или даже, лучше сказать, пёс-монстр. Пёс настолько обнаглел, что хотел прокусить лодыжку, пока ещё он не заснул. Получилась настоящая маленькая битва. Дубиной и пинками Солдат гонял этого уroda, а тот бешено кружил вокруг, скулил, верещал, рычал, подскакивал к ноге со спины и каждый раз непременно его зубы — не зубы, а целые ножи снятые с перчатки Фредди Крюгера — щёлкали в миллиметре от пятки. Утром, когда солнце достаточно поднималось на небо — пёс-мутант исчезал.

Солдат ожидал ночью дожди или холод, но всё оказалось наоборот — после изнуряющей дневной духоты оставалась та же изнуряющая духота, только прибавлялись полчища взбесившихся комаров. Перед последней ночью он, кажется, далеко ушёл от озера, чему обрадовался: наконец-то нашёл верный путь. Но теперь — берцы плелись по высокой траве и заплетались друг об друга, тело было готово расплыться как растаявшая медуза по камням и ещё на нём можно было поджаривать яичницу: как назло, уже почти целые сутки он не встретил ни одного ручья или крохотной речушки, а фляжка давно опустела. Ах да, дыхание — будет уже не его дыхание, а дракона.

Тыльной стороной ладони Виктор стёр капли пота со лба. Духота изнурила его, веки немного слипались — хотелось спать. Он всё ждал пса-мутанта, но тот сегодня не появился. Солнце давно выплыло из-за горизонта. Даже не было утренней прохлады. Или не ощутил, настолько тело пылало жаром, и теперь желалось вновь встретиться с озером: искупаться, а потом выпить его до дна. Впереди растелилось поле, покрытое тонкой зелёной травкой. А за ним, кажется, маячила ещё одна лесополоса или небольшой лесок. Хотя, может быть, и огромный лес: в одном таком он чуть не заблудился и чуть не погиб, провалившись в узкую дыру с грязью и тиной, что-то похожее на мочажину. Из болота он, конечно, не пил, зато там было много мха с длинными корнями, который он отделял от земли, выжимал из него живительную влагу и вдоволь напивался почти чистой водой. Он еле вышел на дорогу и больше в этот лес не заходил, постарался от него удалиться: это были просто непроходимые дебри. Хотя почему-то ему казалось, что именно там — за лесом — он найдёт выход с этой земли. Но без еды, без оружия, без снаряжения и главное — без воды переходить дремучий лес он поостерёгся. Если что, оставил на потом.

Солдат сел на крупный камень, открутил крышку фляжки. Грустными глазами постарался заглянуть в отверстие и найти на дне хоть одну каплю. Усмехнулся какому-то воспоминанию, вытянул язык, поставил на него горлышко фляжки и замер.

Первая пуля пролетела над головой, издав всё тот же звук подобный длинному «сциф-ф-ф», тут же вторая пуля пробила и выбила из пальцев фляжку. Виктор упал за камень осматриваясь, не понимая, откуда произвели выстрел: а то получится — он прячется от пули, но она примчится к затылку и перед тем, как раздербанить мозги — ещё и похочет. Он осторожно выглянул из-за камня. За земляной каёмкой оврага — отсюда шёл спуск и было хорошо видно — между холмами внизу простиралась долина, блестела река, а за ней на

возвышенности параллельно пролегалла дорога с вдоль идущими домиками и уже за дорогой торчала — каланча.

— Получается, я снова на это место причапал? — прошептал Солдат. — Или — другая башня с другим стрелком? — И снова не было желания идти в столкновение со снайпером. Ну не указательными же пальцами он будет воевать. Хотя — четверо суток дороги так изморили, что и уходить отсюда тоже не было никакого желания. «Наверное, — подумал Виктор, — та река впадает в то озеро, поглотившее город. Что если пройти вдоль по реке от озера: возможно, что-либо путное появится. Он ещё раз быстро выглянул из-за камня: «Это что же у него за ружьё такое, что точно садит на такое расстояние?»

Как-то стало тоскливо. Он всё отталкивал внутренний диалог с самим собой, что с ним происходит. Потому что рационального объяснения этому не находил. Он понимал, что с убитой бывшей женой — его подставили. Но вот потом: полчище гиен во главе с каким-то «человекомонстром», Лиза, особняк, пёс-мутант и этот снайпер. Да и с омовцами какая-то лабуда получается. Один вылетел из окна, другой его отпустил. И главное — нет поселений с живыми людьми. Вообще — ни с какими. Земля — вымерших и испарившихся.

А ещё — у него обнаружился дар.

Солдат подумал: а что, если воспользоваться этим даром? Сорвать крепкую ветку и пойти направо. Всего лишь нужно несколько раз вернуть прошлое и уйти от выстрелов. А там... уже сломать шею назойливому стрелку. Но, вдруг этот дар у него ещё плохой, не получится вернуть время на секунду раньше, или этой секунды не хватит, чтобы успеть увернуться и спрятаться? Тогда ликование победителя воцарится в голове снайпера, а такой радости Солдат предоставлять никогда никому не собирался.

— Лучше сто раз умереть, чем один раз испугаться! — закричал Виктор в сторону снайпера. — Ведь я не свой — я божий! — Он вскочил на ноги и побежал к холму — пуля за спиной выбила осколки из камня, — чтобы выбежать к озеру, обойди посёлок, выйти к огромному кострищу с «секонд-хендом бомжей» и уже оттуда, со стороны той дороги — а здесь он как на ладони — начать штурм каланчи с затаившимся в ней снайпером.

А ещё — а ещё воды напиться!

Пока он добежал до холма — пули пять раз просвистели возле головы и столько же ударились под ногами. Он спрыгнул с пологого утёса и проехался спиной по глине. Вдалеке перед глазами расстилалось озеро, и Виктор очень этому обрадовался. Он почувствовал бешеный прилив сил; он был готов на лету пройти сквозь пожирающий огонь, проплыть по жидкому металлу, лишь бы плюхнуться в воду и застыть там утопленником, пока от переохладения не посинеет как утопленник. Солдат сел в подножии пригорка. Глазу снайпера отсюда он не виден. До озера и деревьев нужно преодолеть пустошь, но вряд ли оружие стрелка туда дотянет. Через тридцать метров появилась извилистая земляная дорога — и здесь на ней протоптались следы механических гусениц.

Собираясь перейти дорогу — в этом месте она почему-то была в три раза шире, — Виктор посмотрел в сторону, где примерно находилось поселение с каланчой: да, здесь снайперской пуле не достать, да и самой башни не видно. Потом взглянул в другую сторону, будто стерёгся попасть под колёса непрерываемого потока машин. Метров через пятьдесят немного в склон дорога заканчивалась и делала разворот в саму себя, создавая петлю. На этом пятачке, уткнув гусеницы в невысокий земляной вал, с немного опущенной пушкой стоял танк «Тигр» времён Второй мировой войны. Солдат даже позабыл, что безумно хотел пить. Глаза произвольно опустились и проследили путь отпечатков гусениц, потом

вернулись к башне «тигра», где, будто нарисованный свежей краской, красовался крест — балкенкройц.

1

Солдат присел на корточки. Если следы от танка свежие, значит, и люди там могут быть. И вряд ли они встретят с распростёртыми объятиями. Хотя — может, их снайпер всех перевалил. Виктор повнимательнее осмотрел округу, ничего опасного не приметил, согнувшись, побежал к «тигру». На полпути замедлился, увидев примятую полянку в густоте ковыля. «Что, если за танком чувачки растелились и пьянку пьянствуют?» Виктор присел под пушкой, вслушался; его висок смотрел на пулемёт, невольная мысль пробежалась: «Как бы... стальная очередь из моей головы не сотворила сито».

Ветер своим мягким прикосновением шуршал в стеблях высокой травы, тишина обволакивала миром. Запасные траки на нижнем лобовом листе — как новые, покрашены чёрной краской. И вообще — весь танк будто вчера сошёл с конвейера.

Солдат выглянул из-за гусеницы, чуть не вскрикнул от неожиданности и не всадил кулаком. Прислонившись на каток, в двадцати сантиметрах от него сидел на траве худой человек в чёрной форме. Его череп с отвалившейся нижней челюстью взирал пустыми глазницами на Виктора. Пилотка немного насадала на лоб, упиралась в переносицу. Из левой глазницы торчал букетик ромашек.

— Слышь, приятель, — нервно хохотнул Солдат, — я тебя чуть в нокаут не отправил. Хорошо ты такой тихий и мирный. Уважаю, не устраиваешь проблемы. — Виктор вытянул шею, чтобы лицезреть: а что там дальше? А дальше валялось ещё трое. Лежали на спинах и своими лицами-черепами обращались к небу. — Да, такие вы мне нравятся больше. — Солдат вытянулся в полный рост и шагнул на полянку созданной в примятой траве. Он подошёл к троице, которая своими телами создавала треугольник. Один из острых углов упирался в берцы. В центре этой фигуры находилась голова барана. Его открытые глаза смотрели синюшной мутью. От этой картины по спине Виктора пробежал холодок. Он нервно зевнул и подумал, что эти бараны его уже достали. Или снова что-то назревает? Солдат внимательно осмотрел скелеты, будто до бела отшлифованные, в чёрной форме, и покачал головой и подумал: «Ну не они же ещё недавно управляли это машиной? Тогда зачем их здесь разложили? И что за маскарад в фашистской униформе? Да ещё со скелетами». Недолго думая, Виктор обыскал карманы: ему нужен хотя бы небольшой ножичек. Но, естественно, как он и ожидал — ничего не нашёл. Если только стянуть с кого-нибудь ремень и сделать пращу?

Под одним на примятой траве он увидел кровь. И что это значит? Пальцы ладони потёрли лужицу.

— Чёрт, а кровь-то свежая. — Солдат ещё раз внимательно прислушался, глазами бегая по полянке. Взгляд упёрся на стреляные гильзы, расположившиеся россыпью на границе, где начиналась приминаться трава. Неизвестные ему белые луговые цветы окроплены кровью. Виктор поднял одну гильзу и понюхал: сильно пахло порохом. Но недавно стреляли или нет — определить по запаху он, конечно, не мог. Зато по свежей крови было понятно, что ещё паров часов назад — или несколько минут? — здесь произошёл бой. Тогда почему не было слышно выстрелов? Сразу как-то не обратил внимания, но теперь вырисовывались дырки в чёрной форме танкистов.

Солдат невесело усмехнулся:

— А кто убитый? Эти? — Он развёл в недоумении руки. — Черепа да кости? — Вопросов было столько! Но ответов — ноль. — Или друзья снайпера постарались? А потом всё подчистили?

Солдат обошёл танк. Залез со стороны большого люка на смотровой башенке. Он едва не слетел с танка, когда люк резко открылся, крышка будто изнутри отпружинила. Виктор увидел, и даже ощутил тепло дрожащего испарения, взметнувшегося из дыры. И не только колыхающееся марево вылетело изнутри «тигра», но и очень тихий женский смешок.

— Фу, блин. — Солдат закрыл на мгновение глаза, стараясь себя обмануть, что ничего не слышал: это померещилось. — Чуть мне хлебало не снесло. — Он наклонился к темноте открытого люка. — Э, там живые существуют? — Виктор замер, глаза различили современную синюю камуфляжную форму, на голове — шлем с забралом. Это же омовец! Мёртвый? И что теперь? А если живой? Несколько минут Солдат не двигался, решал, что предпринять — быстро ретироваться или, если живой, помочь. «Ох и осёл же я», — в мыслях произнёс Виктор и полез помогать человеку, ладонь осторожно толкнула в плечо. — Э, ты живой? Я тебе помогу, если живой. Только смотри не стрельни. — Но никто ему не ответил. Ладонь сильнее толкнула плечо в камуфляжной форме. Омовец немного завалился на бок. Солдат отёр ладонью лицо, нервничая, потолкал сильнее. Поняв, что перед ним труп — а ещё поняв, что нужно быстрее отсюда уходить, — полез во второй люк, чтобы всё как следует обыскать. Возможно, найдёт оружие.

Перед омовцем внизу сидел ещё один скелет в чёрной германской форме. Его голова без головного убора завалена вперёд.

Солдат обыскал всё, перелезая из одного люка в другой. Его счастьем не было предела, когда он нашёл в отсеке водителя пистолет Люгера. Но радость погасла, когда в обойме обнаружился всего один патрон. Он даже не знал — пригоден пистолет или нет. А попробовать отстрелить один единственный патрон — тогда какой смысл вообще пробовать, лучше сразу выбросить. Ещё один патрон нашёлся в нагрудном кармане омовца. Вот только зачем был нужен оставленный патрон от СВД? На войне, чтобы не попасть в плен, дабы потом живому не отрезали яйца и голову, у Виктора тоже держался один патрон от «калаша» в нагрудном кармане — для себя. Но чтобы стрелять себе в башку из снайперской винтовки: это чтобы не промахнуться?

Солдат вылез из люка, под которым должен находиться заряжающий. Солнце палило нещадно, нагрело броню, что даже обжигало. Перед взором выделялся треугольник из скелетов в чёрной униформе и с бараньей головой по центру.

Зачем?

Виктор перелез к башенке командира. Его донимал вопрос: почему здесь мёртвый омовец — один? Ладно этих скелетов зачем-то разложили. Но если был какой-то бой, и омовцы проиграли, то, где остальные тела? А если выиграли — то почему своего не забрали? Солдат на половину тела нырнул в большой люк и обеими руками стянул шлем с омовца: отражая свет солнца, на него смотрели безжизненные синие глаза. «Да куда же я попал?!» Виктор слетел с брони, сильно ударился бедром об угол брони над гусеницей. Он никак, никак не мог в это поверить: это тот омовец, который его не тронул перед входом в подземный склад.

За спиной что-то осыпалось, Солдат резко повернул голову и успел увидеть мужскую фигуру в чёрном костюме водолаза — или, лучше сказать, дайвера, — скрывшегося за краем крутого склона.

— Это что за смотрящий? Он скачет за мной с тех крыш затопленных домов. — Виктор подождал, но прыгучий дайвер больше не показался. — К чёрту, к чёрту это всё. — Он достал и снова положил «люгер» в боковой карман штанов, зафиксировал отворот на липучки, и побежал через пустошь к озеру.

2

Солдат не вылезал из озера до тех пор, пока не замёрз. Перед этим он вскипятил воду и напился вдоволь. Сырую воду с тиной он не рискнул пить. Пришлось помучаться, пока первые пузырьки не появились на поверхности чуть серой воды. И теперь на нёбе и под губами отделялись ошмётки после ожогов кипятком. И всё-таки — мир сейчас был прекрасным. Виктор начхал на безопасность, несколько раз вылезал на берег и с разбега нырял головой, проплывал под водой среди колыхающихся водорослей, пока хватало воздуха. Один раз проскользнула мысль, чтобы сплавать к крыше первого к нему затопленного дома и там понырять, и полюбопытствовать, что там есть на дне. И чуть не поддался искушению: ведь мир сейчас такой спокойный, летний, солнечный, зелёный от растительности и почти безветренный. Ещё бы щебет птиц — и почти рай. Но всё-таки — он опасался остаться без одежды. И главное — без огня. Раны на спине, кажется, полностью зажили. Невероятно! Но, наверное, слюна пса-монстра — пса-мутанта — имеет какие-то невероятные лечебные свойства.

Виктор вылез на берег и улыбаясь подходил к огромному кругу из пепла, золы, брёвен, сидений от машин и «секонд-хенда бомжей». Надел штаны, ладонь машинально побила по карманам, проверяя, всё ли на месте. Потом обулся и натянул рваную толстовку. Широко зевнул: можно немного прикорнуть.

— Эх, это место уже чуть ли не родное. — Он попрыгал на одной ноге, выбивая ладонью из уха воду. — Пожрать бы теперь.

Длинный свист пули над головой заставил упасть, проползти к сиденью автомобиля и за ним укрыться. Вторая пуля прошила верхний правый уголок спинки сиденья, едва не чиркнула по волосам. Откуда он стреляет? Неужели вышел из башни? Или... Отсюда виден только конёк крыши. Возможно, забрался на самый верх. Или другие, его друзья? Виктор прижался подбородком к земле и выглянул из травы. Никого. Значит — с самого верха мочит.

— Как-то мне командир сказал, если пуля хочет тебя убить, то — иди и отними эту пулю у того, кто хотел её послать к тебе, и убей его этой пулей. Это всё... снайпер. Это всё. Или ты... или я. Ничто меня уже не повернёт от тебя.

Солдат вскочил на ноги и помчался к дороге, кустам и деревьям. Там он продерётся незамеченным сквозь плотную растительность к посёлку, оттуда пробьётся к каланче и оторвёт назойливому стрелку башку. А если их там несколько — значит, оторвёт несколькими. Всем!

Пуля вонзилась в ствол дерева перед самым лицом. Виктор нагнулся, прыгнул руками вперёд и покатился кубарем на дно небольшой ямы, отбивая тело об всякие камушки, коряги и корни. В ляжку воткнулся стеклянный осколок.

— Ах ты! — вскрикнул Виктор, наморщив лоб, двумя пальцами вытянул окровавленный осколок и отшвырнул. В яму, наверное, когда-то сваливали мусор. Здесь валялись ржавые грабли без древка, банки от красок и две засохшие кисточки. Разные стеклянные бутылки, несколько полиэтиленовых чёрных пакетов, набитых всякой помойкой, изогнутые листы грязного линолеума. Виктор брезгливо вздрогнул, собрался выскочить из ямы, но ему

показалось, что в одном из пакетов торчит кисть человеческой руки. Он ткнул подошвой берца, пакет опрокинулся и оттуда выкатилась человеческая голова. Но Солдата это уже не смутило. За последние несколько дней — успел перевидать разного и понять, что вляпался во что-то слишком неординарное. Он с сожалением вспомнил Лизу, кем она стала. Непонятно только — это с ней приключилась такая болезнь или что-то ещё — необъяснимое.

Голова ещё не успела загнить: значит, выкинули недавно. Не было скальпа, отрезан нос и уши. Поэтому невозможно определить — мужчина или женщина. Виктор сильно ударил ногой по пакету. Вместе с ним отлетела ветка с листвой, оголила белые кости. Виктор ещё несколько раз побил каблуком армейского ботинка по мусору и присвистнул. Взору открылись белые кости. Солдат сразу определил, что это человеческие рёбра и раздробленный таз.

— Да тут, наверное, подо мной братская могила.

Что-то блеснуло под сухой веткой облепихи. Носок берца подковырнул и глазам предстал острый край полотна сапёрной лопатки.

— Ух ты, — обрадовался Виктор и выковырнул из земли всю лопатку. — Да это же просто отлично. — Он отёр ручку от влажной земли, покрутил, как нунчаками и вонзил остриём в ствол канадского клёна. — Отлично. Я теперь при оружии. Даже затачивать не нужно.

На стыке полотна и черенка выдавлена надпись на пластинке: «УБИВАЯ — УБИВАЙ!» «Странно, — подумал Солдат, — ведь это же всего лишь лопатка. А выгравировано, будто изначально предполагалась для убийства. И что значит: убивая — убивай? То есть — не жалеи?»

Солдат потёр ногу. В том месте, куда воткнулся стеклянный осколок, о себе напомнила боль, и он подумал, что неплохо бы сюда того пса-мутанта. Дать ему попробовать вкуса своей крови, пусть прикайфует, заодно рана затянется. А что? Возможно, полезная животинка. Может, приучить? Правда, зубы — как ножи, а в глазах плещет безумие. Немудрено — ведь зверь. Но можно, наверное, где-нибудь добыть щенка?

Виктор ещё раз потёр бедро, указательный палец влез в прорезь. «Штаны жалко, новые — уже не новые. Хорошо стекло неглубоко вошло». Он вылез из ямы и, стараясь не шуметь ветвями кустов и сухими сучьями под ногами, двинул пробираться к домам сквозь густую зелень под тенью крон высоких деревьев. Шёл медленно, часто прислушивался, остерегался попасть в засаду: вдруг всё-таки снайпер не один.

Между веток начали просматриваться доски забора. Появился левый угол дома и угол крыши, где по центру над коньком возвышался и крутился ветрячок, загребая воздух лопастями-ложками, иногда поскрипывая. Неожиданно вертушка резко остановилась. Наступила необычайная тишина, от которой Солдату показалось, что он оглох. Со стороны бензоколонки над крышами завибрировал воздух, сжимаясь в мутную густоту.

«Что происходит?» Виктора осенило. Он рухнул на землю, пуля разнесла ветку, где только что находилась его грудь; по-пластунски ринулся к ограде. Он не знал — каким образом его видит стрелок, но пуля винтовки прошьёт деревяшки забора почти как бумагу. Поэтому, не дожидаясь следующего выстрела, он переметнулся во двор дома и на полусогнутых ногах подбежал к стене: здесь уже вряд ли пуля его достанет, если, конечно, пуля не какая-нибудь кумулятивная или с ядерной начинкой. Но таких вроде бы ещё не создали.

Солдат сел, прислонился затылком к стене и согнул колени. Всё это, конечно, увлекательно, и даже весело. Но что это было, когда увернулся от пули? Какая-то обострённая интуиция? Тем не менее — это лучше, чем сначала словить сталь в башку, потом подумать — а стоит ли умирать, вернуть прошлое и успеть за миг до выстрела куда-нибудь сигануть. Интересно — а если не успеешь? Второй шанс дастся? А ещё Виктор вспомнил, что древние Славяне умели сигать. А в одной секунде — 300244992 сига. И если даже сиг — это один шаг, то столько сделать шагов в секунду — никакие пули, снаряды и ракеты не догонят. Вот бы так научиться. С такой скоростью можно воевать с одним большим ножом. Пока мир прощёлкает хлебалом — все останутся без голов.

Солдат крепче сжал ручку сапёрной лопатки, вскочил на ноги, добил стёкла в окне и перелез в дом. Из солнечного дня да в полутьму — глаза ничего не видели, лишь тёмно-серая пелена. Пришлось ждать, пока привыкнут. Виктор осмотрелся. Это оказалась детская комната. Выцветшие синие обои с игрушечными динозавриками, кровать с двумя ящиками — оба выдвинуты, письменный стол. На белом и очень грязном ковровом покрытии разбросаны машинки, солдаттики в касках, рыцари. На люстре висела — повешенная — кукла с выколотыми глазами, её одежда напоминала скомороха. Кажется, где-то такое видел. Не продолжение ли сути тех полей перед особняком. И ещё...

Виктор подошёл к письменному столу. Под изогнутой ножкой ночника лежала раскрытая тетрадка. В небольшом глобусе, примкнутом к стене, зияла дыра. В ней — две пластиковые красные розы. На шипе — записка. Чернила почти полностью выцвели, но всё же можно разобрать, что написано: «ПРОСТИ, МАМА, ЧТО МЫ СЪЕЛИ ТЕБЯ». Солдат её раз прочитал: может, чего-то не так понял? Ладонью стряхнул пыль с тетрадки. Глаза побежали по строчкам:

«Мы уже давно умерли, а нам всё ещё дают эти таблетки. Всё время хочется кушать. А как только покушаем — начинает рвать. А как только вырвет — невозможно как хочется есть. А как только поедим — снова рвёт... Очень хочется есть, а нечего. Мама умерла. Мы с братом решили её съесть... Когда мы её ели — она плакала. Но как, она же умерла? Или мы плакали. Но кто-то плакал...»

Солдат наотмашь ударил ладонью по тетради, проследил за её полётом, приподнял лицо и закрыл глаза.

— Не понял, — прошептал он, — я в аду? Но я вроде не умирал. — Он вспомнил лодку, на которой уплывал подальше от выхода из подземного склада. На её боку было написано: «ПУТЬ В АД». — Значит, я в аду. Нет. Где же черти, сковородки, вонь серы?

«А вонь серы была», — вспомнила мысль.

— Но ведь я же не умирал, — прошептал Солдат. — Или, быть может, омоновцы меня убили? И я теперь в чистилище? Нет, нет, конечно, всё не так. Здесь что-то другое. Возможно, чьи-то опыты. Создание зоны, где... — Он вспомнил, что уже создано оружие, от которого возникают сильнейшие галлюцинации. Человек полностью перестаёт понимать реальность, психика создаёт свои физические законы, от которых человек постепенно гибнет. Ну, или что-то подобное — типа аватара. Или — с помощью чипа отключают сознание и полностью подчиняют своим действиям. А когда человек приходит в себя — он знает, что вчера пришёл с работы в шесть часов, попил пива и рано лёг спать; позавчера ездил с друзьями на рыбалку, а ещё перед этим участвовал в соревнованиях «Формула –1», но на самом деле — за эти дни убил несколько сотен человек.

Солдат вышел из комнаты. По этой стороне располагалась ещё одна дверь. Но Виктор

не собирался сейчас обыскивать дом, прошёл небольшой холл и вошёл в другую дверь. Комната — пуста от мебели, зато мусора и старой одежды — по колени. На передней стене размашисто написано кровью: «МЫ БЫ РАДЫ СМЕРТИ, НО НАМ НЕ ДАЮТ. ПРОСЬ НАС, БОГ».

«Интересно, — подумал Виктор, — это всё военные творили? Или творения по приказу правительства? Или творения тех, кто стоит над правительством? И не знаешь: то ли учёным радоваться — то ли их убивать».

Солдат зачем-то прикрыл за собой дверь, не двигался с места, размышляя, если подойдёт ближе к окну — увидит стрелок или нет. Но стрелок сам не дал долго размышлять, из-под потолка левого угла брызнула штукатурка, образовалась дырка размером апельсина, пуля ударила в стену на уровне колен между ног Солдата.

— Да здесь что, стены фанерные?! — вскрикнул он и бросился к окну, в прыжке головой разбил стекло. Боковым зрением успел увидеть вспышку выстрела, правда, не понял — где, и пуля, скорее всего, прошла в оконный проём не зацепив. Перелетел через голову, прокатился по траве, вскочил на ноги и ринулся к следующему забору. Он слышал эхо выстрелов и свист пуль, но не дёргался в сторону, не падал на землю и не скрывался за деревьями, а лишь набирал скорость, чтобы на одном дыхании проскочить в следующий дом.

Солдат влетел в разбитое окно, долетел до стены и воткнулся лбом. И нервно рассмеялся. Расселся на полу в окружении мелких стёкол, осмотрелся: эта комната — тоже детская.

— У этой гниды — точно есть тепловизор! И ружьё, наверное, как пушка. А у меня... — Ладонь покрутила перед глазами сапёрную лопатку. — И один патрон в пистолете... который, возможно, и не стреляет. — Виктор отдышался. Перед тем как делать забег к следующему дому, решил порыскать в комнате и что-нибудь полезного найти. Он пролазил на карачках минут двадцать. Старался не поднимать голову выше окон, надеясь, что крыша следующего дома как-то защищает — хотя, башня высокая и, скорее всего, все домики как на ладони. Виктор, конечно, больше надеялся — что не может пуля снайпера пробить несколько стен и крышу с потолком, но кто его знает, что за техническое новшество в руках убийцы. Так ничего не найдя, что и следовало ожидать, — лишь нацеплял на потное лицо кучу паутин, — он взял листы, скреплённые степлером с детской кровати, и вернулся сесть на прежнее место.

Начал читать:

«Когда мы пришли, мой брат сказал, что не помнит меня, а я ещё подумал, что, и правда, какой-то он другой, хоть и похож на меня как две капли воды. У него не было родинок, а до этого было очень много. И лицо стало морщинистое, как у взрослого дядьки. Нас часто тошнит и рвёт, мы всегда хотим есть. Он сидел, сидел, скулил, скулил, плакался, что умирает с голоду, а потом откусил у себя палец и начал с удовольствием им хрустеть.

И я тоже...

Мне кажется, что нас куда-то водят и мы часто кого-то едим, но не помним. И никак не можем насытиться. Наверное, потому что нам дают эти сильно сладкие таблетки.

Сегодня никого не было. Все куда-то делись. Я доел брата. Но потом явился другой. Я и его съел. А потом ещё один явился. Мы вместе с ним съели его. А перед этим, вчера, нам сказали, что у них что-то случилось. В наш мир кто-то явился, вторгся.

Кто-то мне шепчет, чтобы я сделал... Но я никого не вижу.

Ха-ха. Теперь я ем себя. И даже не больно. Какой же я голодный! И какой же я

вкусный! А этот, который во мне, говорит, что скоро станет мной».

Мм, получается, здесь держали детей — детский посёлок. И что-то с ними творили. Все они вели дневники. И судя по прочтённому и ещё по псу-мутанту — догадаться, примерно, несложно, чем здесь занимались. Но потом, как здесь написано: *в наш мир кто-то вторгся*. Но — только посёлок: обычные домики. А где же типа лаборатории — само здание? Под землёй?

Солдат положил листы на пол, покрытый сантиметровым слоем бетонной пыли. Неизвестно почему он вспомнил мальчика, шедшего к нему по минному полю. Подступы к своей точке минировали они сами. Семилетний кареглазый темноволосый мальчишка улыбался и радостно махал ему рукой. Виктор умывался под уличным умывальником, по шпоку которого нужно бить ладонью, чтобы текла вода. Он замер не в силах оторваться, гадая, напорется мальчишка на мину или нет: нет бы крикнуть, предостеречь, чтобы остановился и стоял как вкопанный, не шевелился ни на один сраный миллиметр. Но это было так неожиданно, и — взрыв, естественно, произошёл. Осколки пролетели над самой головой, а кисть мальчика, перелетев колючую проволоку, шмякнулась возле ботинок. Потом этот мальчик долго приходил к нему во сне. И его сияющая улыбка — иногда выдавливала слезу из-под закрытых ресниц спящих глаз Солдата.

«Твой сын умер в отместку этого мальчишки», — пронеслась мысль.

— Дебильная, дебильная мысль! — вскочил Виктор на ноги и начал крушить всю оставшуюся мебель лезвием сапёрной лопатки. — Дебильная, дебильная!.. Сука!.. Сука, дебильная!.. — Он упал на колени и беззвучно бесслёзно заплакал, а потом громко рассмеялся, задрал лицо к потолку. В дыре размером футбольного мяча кто-то — или что-то — промелькнул.

Солдат взметнулся с колен, не дожидаясь сверху пули в голову, вышиб ногой дверь детской, промчался к следующей двери. Не стал медлить, как и в предыдущем доме — в пустой комнате перемахнул через раму разбитого окна и под огнём неуёмного стрелка помчался преодолевать следующую полосу неудавшейся, пока ещё молодой, жизни.

Когда Солдат в первый раз поднялся по пригорку дороги к посёлку — насчитал пять домов с одной стороны и пять с другой. Но теперь, оказалось, их было шесть слева и восемь — где он сейчас — справа. А это — шестьдесят восемь: число начала войн.

— Значит, это моя война, — прошептал Солдат, перепрыгивая следующий забор последнего дома. — И я — не отступлю. — Пуля обожгла плечо, разметав волокна толстовки. «Да и фиг с ней, — подумал Виктор, смеясь во всё горло в беззвучном смехе. — Когда снайпера одолею, сниму с него футболку и обзову трофеем. А ещё — возьму на вечную память его — башку-у-у!»

Солдат вломился в окно, шнурок берца зацепился за отошедшую крупную щепу разбитого наличника. Виктор упал и прокатился по полу, оставляя в пыли след широкой тропы. Уткнулся в наваленные кучей стулья. «Ведь это последний дом. Сейчас снайпер со своей винтовкой сделают из стен и крыши мясорубку, из дыр которой лезущим фаршем будет мясо моего тела». Но, как ни странно, выстрелы прекратились. Возможно, временно.

— Наверное, — пробурчал Солдат, — эта комната тоже детская. — И когда он осмотрелся, то увидел, что комната, не считая толстых ковров из пыли и разбитых окон, не тронута. Обои — салатового цвета: такой цвет больше всего нравился Илюшке; люстра-глобус под потолком: такая же висела в комнате сына; пластмассовая машина с педалями, чтобы кататься, где на спинке сиденья прилеплена наклейка «БУМ-ХАМ»: такая же, как... — Нет, — тихо произнёс Солдат. — Это совпадение... как если бы снять джек-пот. Это — обычное редкостное совпадение. Как же я ненавижу эти самые совпадения.

Виктор быстро пробежался глазами по комнате, выделяя взором каждый предмет: этого

не может быть! — это не комната моего сына!

На стене висела фотография мальчика в чёрной деревянной рамке, прикрытая стеклом, — очень ему знакомого. Но Солдат никак не мог вспомнить — кто это. Зато — отлегло на сердце: значит, детская принадлежит не его сыну, Илюшке. Да конечно — *нет!* Что за глупость?! Причём здесь его сын?! Это уже слишком неприемлемо! Или — как другие говорят: не смешно!

Солдат пнул камуфлированного коня, стоящего на колёсиках: и конь такой же. На полке перед взором предстали три игрушки: ванька-встанька, юла и большущая матрёшка.

Это невыносимо.

Уже стало страшно подходить к письменному столу. Там виднелись серые листы открытой тетрадки. Виктор никогда не курил, разве что пару раз довёл до губ пепел сигареты, набитой анашой. И то — получилось так, что водки не оказалось, но как-то нужно было на войне помянуть погибших друзей. Да ещё несколько раз искурил косяк, когда пребывал в унылом трансе. Но сейчас — Виктор желал просто задохнуться сигаретным дымом, когда прочитал:

«Папа, мой. Спаси меня, пожалуйста».

Этого... не может... быть. Таких совпадений — не бывает.

— Мой сын так говорил — пожалуйста. — «При чём здесь мой сын?! Оставьте его в покое! Он давно уже умер! Умер! Уме-е-ер! Он был маленьким и ещё не мог писать!»

«Убили, убили, убили!»

— Это кто? Это кто сейчас сказал? — Виктор посмотрел на двор за окном. — Или я схожу с ума? — спросил он себя сощурившись. — Или меня убили? Или я давно мёртвый?! Или... или я сейчас убью весь этот поганый мир. Найду самый мощный ядерный заряд и разнесу этот грёбаный шарик! Где мои боги?.. — простонал Солдат жалобным голосом, упал на колени, склонил лицо. Подбородок прижался к груди, веки сомкнулись.

Солдат притих.

«Папка, папка с работы пришёл!» — Тот мир, в котором вы не живёте, давно сдох... — шептала чья-то ненависть. — «Папка, мой папка, я так тебя люблю!» — Будьте оба прокляты, — захлёбывался гневный шёпот. — «Папка! Пап-ка!... Пап-п-п-па-а-ап... Бха-ап, бхг-ых, па-а-а-а... бль-па-ап, а-а-апа... б-ха...»

— Однажды, — шёпотом произнёс Виктор, — я высоко взлечу. И больше — никогда не упаду. И тогда я основательно пошатну ваш мир. И если непомерная злоба, завёрнутая в неистовую ненависть, ненасытно переполняет вас, ваш позорный мир, то тогда ответьте мне: кто решил, что, когда ваш мир уничтожает человека — человек не может уничтожить этот мир? Я уничтожу мир ваш так, что вы больше никогда не сможете возродиться. Я больше не пушу вас — на наш Миргард. И на расстоянии звёзд — я испепелю ваше появление.

И Виктор услышал смех: это были смешки несостоявшихся клоунов и дебилов, смех падших и обезумевших, смех ненавистных и злобных, смех рвачей и позорных недочеловеков, считавших себя избранными. И много, много ещё кого — у кого нет чести и справедливости, нет чистоты сердца и богом данной доброты, у кого в душах одна лишь зависть и жмотство. И кто-то сквозь смех очень тихо прошептал:

— Поживём — увидим.

— Да пошло оно всё. — Солдат встряхнул головой и пошёл из детской комнаты в последнюю дверь, отделявшую его перед таинственным снайпером, засевшем наверху очень высокой каланчи и не желающем видеть гостей.

Не желаешь — так заставим.

От последнего дома до заправочной станции — ширина футбольного поля, может, чуть меньше. А ещё — метров двадцать до самой каланчи.

Виктор усмехнулся: надо же, пожарная башня стоит почти вплотную с бензоколонкой.

По обе стороны дороги, шедшей по горизонту, разрослись двухметровые туи. Площадь — из ровного асфальта блестела, словно каток для зрелищных катаний по льду. Вдалеке справа и слева возвышались торговые палатки. Над одной возвышался билборд, в центре которого — к губам в красной помаде прикасался столбик белого мороженого.

«Это — для родителей, которые приезжали навестить несчастных детишек? А что — возможно, так и есть. Есть пионерский лагерь — а этот для несчастных деток, вошедших сюда по «собственной воле» — по воле глупых родителей. Или тех родителей — кто без оглядки отказался от родного чада».

И я хочу — чтоб мир погас,

Чтобы о судьбе моей не знали

И больше никогда не вспоминали.

А ещё Солдат вспомнил песню «Генералы песчаных карьеров». После того как отец оставил мир, а мать его бросила ради любовника — иногда, очень редко, он садился на пол в углу за шкафом, забивал папиросу анашой и слушал эту песню, размышляя, что его жизнь изначально дала охрененную трещину. Беда одна не ходит — бедовая жизнь остаётся на всю жизнь.

«Вы рождены во грехе. И уже — должны».

— Мы рождены во грехе? Если бы я встретил того, кто когда-то начертал эти слова, то точно воссоздал истину его словам — принял бы на себя грех: отстрелил ему не в меру умный мозг, чтобы больше не смог философствовать и возносить мусорное понимание как истину.

Мозг Солдата вошёл в ступор: бежал-бежал, прыгал под пулями как бешеная макака — и что теперь? Как преодолеть площадь перед каланчой? А потом — как оттуда скинуть на землю снайпера? Ведь наверняка все двери закрыты. Придётся скакать и уворачиваться от пуль под башней, как ветконговец в любимом фильме «Взвод» под выстрелами из автомата Чарли Шина, пока не поймёшь, что затея оказалась бессмысленной.

— Чёрта с два! Я вырву глаз этому стрелку!

Солдат на мгновение приподнял лоб над подоконником, рискуя получить пулю в глаз, успел запечатлеть картинку и нырнул под окно. С обеих сторон каланчи — по небольшому одноэтажному зданию. Недалеко справа по центру площади стоит разбитый автобус. И легковая машина притихла на дороге напротив автобуса. Возможно, дальше идут ещё дома и заборы. Тогда можно промчаться вдоль заборов к машине, оттуда к автобусу и дальше к одноэтажным постройкам, примыкающим к каланче. А там уже думать, как пробраться внутрь. Не вечно же снайпер сидит на самой макушке башни. Должен хоть разок выйти. Дождаться, проломить лопаткой башку, отнять ствол и с криком «ура» ворваться и перебить остальных — если таковые есть.

Только Виктор решил, как будет пробовать действовать, пуля расколотила подоконник по центру, обрызгав щепками пол и голову.

— Что, и подумать уже нельзя?! — взорвался криком Солдат и отскочил к углу стен. — Или заметил, когда выглянул?

Виктор подождал — выстрела больше не последовало. Выбежал из комнаты в холл,

пробежал вдоль стены к следующей двери, за которой оказалась большая кухня с пристройкой и вторым — чёрным входом. Подошёл к этому входу и посмотрел на улицу сквозь стёкла двери. Домики, действительно, располагались вдоль дороги. Но расстояния между ними — гораздо больше, чем по этой улице, и между ними не было никаких оград. Незамеченным добежать до легковушки — вряд ли получится. Наверное, придётся ждать темноты. Солдат помедлил, решая — сейчас пересекать площадь или ближе к ночи. Покивал и пошёл в комнату, которая, как ему казалось, похожа на детскую сына. Умершего сына.

В левом углу сел на пол, закинул затылок, закрыв глаза и стараясь ни о чём не думать, стал ждать. Прошёл час. День ещё в полном разгаре. Настолько надоела эта гробовая тишина, что Виктор вскочил на ноги и заорал:

— А-а-а! — Стряхнув с себя психическое напряжение, он вышел из детской и прошёл к окну следующей комнаты, чтобы понаблюдать за каланчой, вдруг снайпера увидит.

И увидел. Отсюда видны три верхних больших окна. Но, как показалось, окна закрывались ставнями, только с внутренней стороны. Солдат предположил, что это обычные стальные щиты — как защита. В правом окне — щель. Сначала блеснуло и сразу за блеском появилась голова. А потом из щели появился дымок. Виктор решил, что голова снайпера сейчас исчезнет, но нет — создалось впечатление, что он греется на солнце, курит и балдеет.

Отсюда до окон — метров сто. Наверное. Солдат не знал, на какое расстояние прицельно стреляет «люгер», но он на коленях подполз к раме, укрывая больше половины тела за углом оконного проёма, достал парабеллум из бокового кармана штанов.

«Чёрт, — усмехнулся Виктор, — один патрон. И тот столетней давности».

Вытащил и вставил обойму, оттянул «лягушку» затвора. И — прицелился, удивляясь, что снайпер так беспечно решил отдохнуть.

— И пуля — дура, — произнёс Солдат, указательный палец правой руки надавил на спусковой крючок.

Пуф!

«Пуф-ф-ф!» — ответило эхо.

Виктору показалось, что увидел от своего выстрела дымок на лбу стрелка, голова которого тут же скрылась внизу.

«Неужели попал?» — не верил Солдат. Но радость была недолгой. Стрелок открыл такой огонь, что через пять минут верхняя часть стены первого этажа была разбита в лохмотья. Куда бы Солдат ни старался укрыться — пуля везде его настигала, дырявя пространство в миллиметрах от тела. И он оставался жив лишь потому, что, скорее всего, снайпер с ним играл как кот с мёртвой мышкой. Пули били и били вокруг, пронзая полумрак комнат солнечными шомполами. Иногда отверстия были не больше грецкого ореха, а иногда выбивали целые пласты, оставляя дыры размером большого яблока. Солдат скакал из одного места в другое, осыпаясь штукатуркой, крошками кирпичей, щепками. Стрелок всегда знал, где он находится. Видно, насытившись ураганной стрельбой, снайпер начал бить ровными интервалами. Виктор высчитал, что перерыв длился десять секунд и решил отступить в предыдущий дом. Но только он собрался выскочить из окна, как пули начали ложиться по земле, чуть ли не с пулемётной периодичностью и чуть ли не перед самым носом.

Стрелок таким образом выдавил Солдата из посёлка, прогоняя почти по всем домам до самой ночи. И когда Виктор весь измученный спустился с дороги, то задался вопросом: почему снайпер сначала хотел убить, а потом отпустил, до этого вдоволь с ним наигравшись?

Солдат повернулся лицом к посёлку и крикнул:

— Эй! Ну что?! Мы теперь почти как друзья?! А?!

«Так ты сдался?» — спросила мысль.

Виктор подумал и не ответил. Ничего не оставалось, как идти к «секонд-хенду бомжей». В кулаке сжималась сапёрная лопатка, а вот «люгер» потерялся. Не жалко, всё равно патронов нет. Некоторое время Солдат не решался разводить костёр: вдруг стрелок зашлёт пулю на огонёк. Но какая-то нездоровая доверчивость предательски сказала: «Да ладно, он отпустил тебя живым. Не ссы. Ещё друзьями станете».

Виктор долго отдыхал в темноте на автомобильном кресле. Ему хотелось пить, но усталость не желала отпускать. Он сложил руки на груди и, заседая, как в гамаке, любовался звёздным небом, тишью и дуновением тёплого, но создававшего приятную прохладу, ветерка.

Какая-то странная эта земля. Ни сверчков, ни бабочек, ни птиц. Одни комары по ночам лезут и заедают до смерти. А сейчас и их нет. Ощущение, что мир затаился перед всемирным взрывом. Спрятался перед грядущей бедой. И обеими руками выдвинул на заклятие — Солдата.

«Но, не грозите демону адом — ведь это его стихия».

Взгляд растворялся в темноте неба, но где-то далеко внизу мелькали две светлые точки, и Виктор подумал, что, наверное, это пёс-мутант за ним наблюдает, выжидает, когда человек заснёт, чтобы успеть укусить и нализаться горячей крови.

Со стороны посёлка повеяло свежее испечённым хлебом. Видно, неплохо снайпер устроился. Ему ещё и хлеб пекут. Наверное, какая-нибудь прекрасная дамочка с ним за компанию. Разве не могут хотя бы на время приютить одиноко путника?

«Много не прошу. Только ведро чистой воды, целого зажаренного барашка и... — Солдат хохотнул. — И твою тёлку на ночь, сэр».

Виктор с улыбкой поднялся с кресла, взгляд устремился в темноту посёлка. Ни одного огонька или хотя бы очертания. Ночь очень хорошо спрятала заброшенные домики в своей бездне, даже сияния звёзд не могут подсветить. И луна куда-то запропастилась.

— Жадный ты, стрелок, до тёлки. И до хлеба. — Солдат нашёл кастрюльку и направился к озеру.

Тёмная — почти чёрная — поверхность воды колыхалась и была похожа на ребристое плато, невысокие волны бились об глинистый уступ берега. Виктор спустился по пологому обвалу, сел на корточки возле кромки воды. Он устало всмотрелся вдаль, откуда, как ему показалось, очень быстро надвигались клубы белёсого дыма. Или это такой туман? Он уже узрел: как только появляется густой туман — жди неприятности. Возможно, это не так. Сначала он хотел искупаться — смыть пот и пыль, да и усталость немного снимет, но опыт нахождения в этих землях подсказывал, что пока лучше обождать. Ладони, сложенные лодочкой, зачерпнули воду, умыли лицо. Пахнуло тиной, но сразу же в ноздри влез душок мертвечины. Такой сладковатый, даже приторный запах гниения. Вспомнился госпиталь: вид кровавых бинтов с примесью желтоватых пятен и лилово-чёрная гангрена ступни солдата из арабской армии.

«Это снова показалось?» — Виктор привстал на полусогнутых ногах и постарался разглядеть силуэт на одном из столбов, вдоль которых он сюда плыл. Сначала еле различимое чёрное пятно растворялось в черноте озера, но потом глаз уловил короткое движение и Солдат точно различил человека в резиновом — по крайней мере, похожем на

резиновый — костюме. В водолазном. Или в гидрокостюме дайвера.

«Он всё время за мной следит».

— Эй, это ты там так воняешь могилой?! — заорал во всё горло Солдат, вслушиваясь в собственное эхо. — Ты случаем не из гроба выкопался?! — «ЛИШЬ ИЗ ГРОБА ВЫХОДА НЕТ, — вспомнила мысль написанные слова на пластине под шестимесячным плодом. — Значит, есть, раз воняет». — Пожрать есть чего?!

«Чёрный водолаз» поднялся в полный рост. Его глаза — сначала вспыхнули красными огоньками, потом, словно выкрутили сенсорную ручку выключателя, плавно угасли, но полностью не потухли. И снова невидимую ручку плавно вернули на прежнее место. Глаза будто настроили, и они засветились нужной мощностью, смотрели прямо на Виктора.

— Ты, случаем, не робот? — тихо спросил Солдат. Как-то стало не по себе. Создалось ощущение, что этот биологический тип ковыряется в его мозгах, перелопачивая мысли и воспоминания как бумажный архив. Как же сейчас пожалел, что нет стрелкового оружия. Здесь нет правил, нет законов: это уже понял, — и можно было вклеить стальную маслину в башку этому любопытствующему прыгуну в чёрном резиновом костюме.

Появилась полная луна. (Облака расступились?)

Чёрная вода посветлела, стала отливать зелёным ковром.

Первый «грибок» размером головы появился на поверхности озера в метрах десяти. Через секунду рядом возник второй. Потом третий, тридцатый, сотый, тысячный. Поверхность озера усыпалась этими здоровыми шляпами грибов. Все они медленно приближались. И только когда из-под лбов начал различаться мутный блеск глаз, наполненный безумием, Солдат понял, что это не грибки размером голов — это и есть головы.

«Это все по мою душу?»

Слева подозрительно зашуршало. Солдат дёрнул головой в сторону, ладонь крепче сжала ручку сапёрной лопатки.

На краю берега стоял на локтях и коленях человек, голова пошатывалась на шее, как если бы металлический шарик болтался на тонкой пружине. Длинные мокрые волосы, казалось, испачканные в смеси мела, песка и глины, закрывали лицо, касались земли. Тело, одетое в рваный коричневый пиджак и брюки, вздрагивало, начало изрыгать звуки, будто никак не могло выплеснуть из нутра застрявший предмет. Через несколько дёрганий изо рта на траву вывалилась зелёная жидкость. Ощущение, что желудок не смог переварить тину и водоросли. Вонь рвоты и нечистот наполнили воздух. Наконец мужчина задышал — как астматик в приступе, издавая хриплые всхлипывания. Он не просто встал на ноги — его резко подняло как марионетку за невидимые тросики, будто помогла мощная струя воздуха из-под земли. Синюшная ладонь убрала со лба на затылок длинные локоны.

Солдату показалось, что на него смотрели глаза полные печали. Потом показалось, что глаза его не видят, как-то рассеянно смотрят перед собой, ищут: точно так же его искала Елизавета. А потом Солдат увидел, что в глубинах почти бесцветных радужек засветились красные точки, как у того грёбаного «чёрного водолаза».

Улыбка этого «бомжа» — а-а, так вот это чей секонд-хенд! — растянулась, придав лицу выражение коварности, и теперь глаза светились так, будто приобрели великое счастье. «Бомж» — или утопленник? — протянул к Солдату руку, перебирая пальцами как по клавишам, склонил вбок голову; его вид упрасивал: «Подожди, не убегай. Я ведь не догоню. А мне так хочется зубами разорвать тебе вену на шее. А ещё — поковыряться в твоих кишках».

«Утопленник» шагнул, в ботинке хлюпнуло, по синим губам пробежалась волна. Он издал хриплый вопль, изо рта вырвались кроваво-серые сгустки. Глаза до невозможности расширились. Ноги — сначала медленно, потом ускоряясь — понесли тело на Солдата. Виктор быстро отступил в сторону и наотмашь рубанул лопаткой. Половинку черепа срезало наискосок, словно острейшим мачете холодец. Сгустки мозгов шмякнулись на траву. «Утопленник» упал на колени, склонил голову. Подбородок опустился на грудь. Виктор не отрывал удивлённых глаз, ожидая, что придётся добить. Справа — хрипело, клокотало, сипло дышало. Было понятно, что другие вылезают из озера на берег. Но, Солдату было интересно, какие действия последуют от этого «мертвяка». А то повернёшься к нему спиной, а он оживёт и доделает своё «грязное» желание.

«Или всё — сдох?»

Солдат хотел повернуться, чтобы решить, что делать с небольшой ордой: попробовать дать бой или постараться убежать? Вот только куда? Конечно, неплохо бы залезть к снайперу на каланчу.

«Мертвяка» с разрубленной наискосок головой снова подняли на ноги за невидимые тросы, даже руки в локтях приподнялись и опустились, а лицо поднялось — создалось ощущение, что помогла чья-то ладонь со стороны затылка. «Утопленник» почти прыжком настиг Виктора. Настолько быстро, что Солдат не успел рубануть сапёрной лопаткой, пришлось сначала нанести удар кулаком, отпихнуть за плечи и отбежать. «Мертвяк» мерзко рассмеялся. Но это было последнее его живое действие. Взяв лопатку обеими ладонями и

издав яростный крик, Солдат съёс голову, рубанув по шее. Тело рухнуло на спину и скатилось к краю берега, голова чуть опоздала, подкатилась к колену и остановилась.

«Но если они так легко рубятся, то, возможно, я их всех расколошмачу в хлам?» — подумал Виктор. Он подбежал к краю берега, споткнулся о камни, едва не улетев в воду, и всмотрелся в фигуру «чёрного водолаза».

— Это твоё войско... тухлое?! — закричал Солдат. — Ты, наверное, такая же сгнившая тушёнка... с пузом, набитым червями?!

Красные глаза «чёрного дайвера» вспыхнули, будто стрельнули яростью. Он поднял руку, ладонь со скрюченными пальцами задрожала. Виктор поразился: за полосой последних «волосатых грибков» сразу всплыли новые, поглощая озеро до самого горизонта.

— О нет, дорогие товарищи, — тихо произнёс Виктор. — От вас надо валить. С такой кодлой я сразиться не готов. — Солдат хохотнул, вспомнил, как попали в окружение, сидя в «бэтээре», и вместо того, чтобы отстреливаться в бойницы, взяли паузу и смеялись от рассказанного анекдота. Вот и сейчас Виктор пробовал шутить. — Суки, ведь я ещё не кушал! Я кайф от жизни ещё не поимел! Моя любовь давно умерла... с первым использованным презервативом!.. Вы не в моём вкусе, пропавшее мясо! — Он начал рубить первых трёх вылезших. Первому, пока стоявшему на корячках и блевавшему, с двух ударов отсёк голову. И подумал, что предыдущему разрубил шею с одного раза. Второй уже стоял на коленях и пробовал отбиваться руками, издавая шипящие звуки, старался схватить полусгнившими пальцами. Солдату не сразу удалось его победить. Этот «утопленник» не так легко рубился, как самый первый и хоть на вид он более попорчен, но точно был крепче прежнего. А ещё — у Виктора создалось впечатление, что этот «мертвяк» увидел, каким образом только что погиб его «друзбан» и яро защищал шею и голову. Несколько ударов лопаткой расплосовали лицо в лоскуты, вышибли один глаз, вскрыли скальп от левого виска, и теперь он болтался справа как волосатая тряпка, оголив череп. Солдат начал уставать, боковым зрением видел, что третий заходит сбоку: нужно спешить! А ещё успел подумать: «Ух ты, собака хитрая. Типа — мыслить может?» Он ударил снизу вверх носком берца по подбородку «утопленника», затылок которого откинулся, лицо задралось к небу. Виктор со всей мощи опустил на лиловый лоб лезвие лопатки. Хруст был просто великолепен. Но вот что было не великолепно — лопатка застряла. Воткнув подошву берца в лицо «мертвяка», постарался выдернуть, но не тут было — будто зажалось тисками. В этот миг третий на него набросился. Солдат осмотрелся под ногами, схватил с земли камень и вломил в лицо нападавшего. Ноги «мертвяка» по инерции высоко занесло, затылок с хрустом ударился о небольшой валун.

— Позагорай, уродец, — выдохнул Солдат, качая головой и удивляясь собственному удару. Камень проломил лицо и остался там, нижняя губа свисла, нижние зубы защёлкнулись на камне — словно огромная пасть поймала птенчика. Но никто не желал умирать. Этот, скользя пальцами, старался вытащить из лица камень, а тот, чью голову до верхней челюсти разделило металлическое полотно сапёрной лопатки, стоял на коленях и тянул за деревянную ручку.

Виктор упёр ладони в колени и, вытянув язык, взял пятнадцатисекундный «тайм-аут», чтобы отдышаться. «Что-то совсем выносливость потерял, — подумал он. — Наверное, потому что не ел целую неделю».

— Сейчас, парни, я вам помогу. — Солдат порыскал глазами по земле (следующая тройка «мертвяков» забиралась на берег), нашёл глыбу, поднял и расколол голову

«утопленника», освободил сапёрную лопатку. На радостях чуть не чмокнул губами деревянную ручку, полностью окрашенную кровью. Подлетел к «мертвяку», который достал из лица камень и теперь поднимал спину, чтобы подняться на ноги.

— Хе-хе, приятель, у тебя в рыле — сова дупло свила... через которое видно задницу. — Солдат замахнулся лопаткой. — На, на, на! — трижды крикнул он и трижды нанёс удар, разделив голову на мелкие куски. Завершил — на всякий случай перерубил шею: с пяти ударов?

«Они что, костенеют?»

— Они учатся, — прошептал утробный голос с придыханием со стороны каланчи.

Виктор повернул лицо в сторону посёлка. На крыше башни горели огоньки. Солдат подумал, что чем-то напоминает маяк.

Маяк! Маяк! Маяк для мёртвых!

— То ли чудо чудится, то ли сатана беснуется, — произнёс Солдат тихим голосом, и на секунду его психика поймала обречённую безнадёжность, которая предлагала поднять руки и сдаться. — Не, не для того я поймал две пули. Не для того я валялся пять минут умершим. Не для того меня вытащили с того света в госпитале.

Солдат подбежал к краю берега.

— Здорово пацаны, я приветствую вас, — пропел он, начал осатанело рубить, сечь, крошить. С этими троими пришлось повозиться. Он не дал им полностью подняться на берег и оставил тела в воде без голов. Но — пришла мысль, что сапёрная лопатка скоро будет тупая как валенок — не дай бог, сломается ручка! — а кости этих упырей станут крепче стали. И — сила и выносливость покинут бедного Солдата так быстро, что никакие лучшие бегуны мира их не догонят и не вернут хозяину.

Над озером пронёсся слабый низкий вдох, и волна воды вместе с головами прокатилась от самого горизонта. Глаза всех как один вспыхнули красными огоньками. Это было поистине грандиозное зрелище и одновременно пугающее. Пару мгновений Солдат взирал зачарованно. Волна «утопленников» полезла по всей полосе берега. Они ускорялись, словно до этого у них была разминка.

— Вот собаки, это что, новый план Барбаросса?! — крикнул Виктор, нашёл глазами «чёрного водолаза», который, в позе собравшегося к прыжку в высоту, сидел на каком-то пне, торчавшем на полметра из воды. «Наверное, чтобы их остановить — нужно убить тебя, — обречённо подумал Солдат. — Но у меня нечем тебя достать».

Он начал медленно отступать. Но когда увидел, как метров за десять до берега — то там, то там «утопленники» создавали кучки, взбирались друг на друга, и самый верхний выстреливался как блоха, перелетал водную гладь и падал уже в траву — одни ломались, даже теряли конечности и головы, но другие поднимались, — Виктор повернулся лицом к темноте и побежал к пепелищу. Дальше он собирался бежать круто вправо, куда когда-то убежал пёс-мутант. Если бежать прямо — то через небольшой лесок начнётся болото. Ну а в сторону посёлка — наткнётся на пулю снайпера.

Солдат пересёк чёрное пятно гари, но не повернул налево, а побежал к дороге, потому что по высокой траве, задирая колени до носа, очень тяжело мчаться. А если не задирать, то ступни будут вязнуть, и будешь бежать как с гирями на ногах.

Но планам не суждено было сбыться. Виктор остановился, тяжело дыша, уныло взирал, как под светом луны огромная дуга «утопленников» от озера к насаждениям перекрывает пустошь.

— Сколько же вас утонуло? — прошептал Солдат. — Или... откуда вы все берётесь? Ведь не из эфира вас создают? — Он понял, что туда бежать нет смысла — не успеет. Подождал, когда дуга сомкнётся с деревьями и кустами, взглянул на орду, лезущую на берег, перевёл взгляд на дорогу в сторону посёлка. «Ничего не поделаешь, — мысленно изрёк Виктор, — придётся лезть под пули. Там дома. Возможно, получится как-то проскочить». Солдат надеялся временно спрятаться в танке. Может быть, пронесёт. А там дальше — видно будет. А ещё есть шанс, что стрелок над ним сжалится и впустит в свою компанию.

Тоскливыми глазами Виктор посмотрел на лопатку, окрашенную кровью и другими жидкостями. Сжал покрепче.

— Ну что? Осталось спеть — врагу не сдаётся наш гордый варяг. Ладно. Значит, так в судьбе прописано. Долбанутая карма, что же такого я в прошлой жизни натворил? — Солдат усмехнулся, усталые ноги чуть ли не галопом понесли его по дороге к домам.

Когда до посёлка оставалось лишь подняться по пригорку, Виктор обернулся. Увидел, как от основной массы, не очень-то медленно ползущей, отделялись особые индивиды. Они образовали кучу и уже неслись к нему. «Утопленники» бежали так быстро, что, пока Солдат достиг первого дома по правой стороне, преодолели расстояние раза в три больше. До него оставалось шагов пятьдесят. За спиной нёсся топот, хрип мужчин, бешеное визжание женщин.

«Это, наверное, всё». — Солдат повернулся к смерти лицом, подняв сапёрную лопатку над плечом, другой рукой сжал в нагрудном кармане патрон омовца, будто хотел без оружия им воспользоваться — пустить себе в лоб.

Он успел вдохнуть, выдохнуть и снова вдохнуть. Почувствовал, как его смели с ног, как зубы и ногти начали рвать его плоть и — всё остановилось. Мир притих. Даже капли его крови из разорванных ран застыли в воздухе, а глаза мертвяков оставили красные полосы, словно огненные. И Виктор понял, что кто-то дал ему ещё один шанс. Когда получилось в первый раз — стрелял снайпер и пуля почти пробил лоб, — как только отпрянул назад, вынул лоб из пули и успел нырнуть вниз, сразу прозвучал выстрел из прошлого. А что сейчас? Даже если вскочит на ноги и чуть двинется вперёд, отстранится от зубов и ногтей «мертвяков», то не успеет сделать десять шагов, как они тут же его сметут и как пираньи обглодают. А если не делать десять шагов, а начать рубить лопаткой — интересно, какие правила сыграют? Вдруг так можно идти и рубить застывших «утопленников», пока всех не разделаешь в кровавый фарш. А если остаться на карачках — интересно, долго можно протянуть? Но что-то его сильно толкнуло, будто призывало к действию.

«Ладно, нечего разлёживаться», — в мыслях произнёс Солдат. Отстранился от зубов, готовых перегрызть ключицу, и от ногтей, вонзившихся в щёку. Откусанный кусок от левого запястья, торчавший в сомкнутых зубах «утопленника», оказался на своём родном месте. Капли крови из воздуха втянулись в тело, раны на глазах затянулись. Вся орда мертвяков сначала медленно попятилась, а потом отскочила шагов на десять. Солдат понял, что это и есть тот самый момент. Крутанулся по земле, вскочил на ноги и рванул к дому. И вновь мир наполнился криками, визгами, клочкотанием.

Раздался громкий выстрел с эхом, потом ещё один и ещё. Виктор на мгновение обернулся и увидел, как в замедленном темпе разлетелись три головы «мертвяков». Их тела по инерции ещё несло, руки размахивались и старались схватить. Значит, прошлое — или настоящее? — ещё не набрало свою скорость.

— Чёртов снайпер, — закричал Солдат, — я тебя не понимаю! Но всё равно — спасибо!

Прогремел новый выстрел, пуля просвистела над головой, но Виктор уже понимал, что стреляют не по нему, наоборот, помогают. Он не прятался от выстрелов и не оборачивался, а мчался во всю прыть, хотя затылком чувствовал преследователей, нос улавливал зловонное дыхание.

Солдат влетел в тамбур первого дома. Женское визжание почти касалось спины. Виктор представил, как гнилые ногти вот-вот начнут рвать спину — как рвала Елизавета. Не оборачиваясь, он дёрнул входную дверь себе за спину. Грохнуло, визг прекратился, посыпался звон разбившегося стекла. Виктор вбежал в холл, захлопнул вторую дверь; ладонь прошла по месту, где должен быть замок или задвижка: нет ничего, всё вывернуто! Он вспомнил, что в этом доме нет рам, нет стёкол. За дверью возобновилось визжание, добавился мужской рёв. В открытую дверь комнаты справа он увидел, как в окно уже лезет первый «утопленник»; появились ещё головы с горящими красным глазами.

— Тварь, понавключал им фонарей всевидящих, — прорычал Солдат в адрес «чёрного дайвера». — Руководит.

В дверь ударили так, что Виктор едва не отлетел вглубь холла. В образовавшуюся щель он махнул лопаткой, успел увидеть раздвоившееся лицо мёртвой бабы. Думать было некогда, ринулся к деревянной лестнице на второй этаж. Уже на самом верху он споткнулся, сапёрная лопатка вылетела из руки и громыхая отлетела в самый низ — улеглась под первой ступенькой. Солдат хотел махнуть рукой, бежать дальше, но у него нет другого оружия. Он развернулся, чтобы спуститься и поднять лопатку. На него с воплем мчался «мертвяк», который первым заскочил в окно, но он столкнулся с влетевшей во входную дверь «утопленницей» с раскрытым лицом. Мёртвая баба чуть отлетела назад, на время преградив путь тем, кто был за её спиной. Из первой правой комнаты высыпали в холл новые «утопленники», влезшие в окно.

«Мертвяк», который столкнулся с вопящей бабой, подбежал к лестнице и остановился, упёр ладони в стены. Солдат не ожидал такого; он думал, что сейчас на него набросятся, но у мёртвого на мгновение сошёл с глаз красный свет и осталось лишь весёлое безумие. «Мертвяк» опустил взгляд на сапёрную лопатку, потом поднял на Виктора; широкая улыбка медленно оголила наполовину почерневшие зубы.

— А, первопроходец, — воскликнул Солдат, — так ты ещё и улыбаться можешь?! — Он подпрыгнул левой ногой в пустоту, а правой нанёс удар куда-то в область челюсти. С мерзко чмокающим звуком раздался хруст шейных позвонков, затылок «мертвяка» упал на лопатки спины, и всё тело грохнулось на пол. Улучив момент, Виктор схватил свою — уже любимую — сапёрную лопатку и, успев увернуться от тянувшихся к нему сине-багровых ладоней, взметнулся на второй этаж.

1

Перед самой дверью Виктор обернулся. «Мертвяк», которому он, кажется, только что сломал шею, уже стоял на ногах и поддерживая затылок ладонью, крутил головой, будто сканером, рыскал горящими глазами по холлу.

— С Лизкой тоже так было, — произнёс Солдат и заскочил в комнату, закрыл дверь. Но и здесь не оказалось, чем закрыть. Когда-то бывавший накладной замок над дверной ручкой — вырван и валялся под ногами. Виктор с досады пнул никчёмный механизм, быстро осмотрел комнату. В глаза сразу бросилась широкая кровать, где на грязной простыне — в обнимку с куклой лежал высохший мёртвый ребёнок, похожий на мумию. Над его головой висел на верёвке перевернутый массивный крест.

«Дьявольская погремушка!» — мысленно воскликнул Виктор. Дальше осмотреть комнату ему не дали. В дверь шибанули, притихли и в следующий момент его вместе с дверью снесли к самому окну. Солдат еле удержал сапёрную лопатку, чтобы вновь с ней не расстаться. В комнату ввалилась орущая толпа мёртвых. Из-за давления задних «утопленники» повалились, создав кучу. Виктор оттолкнул дверь, вскочил на ноги. Нескольким особо ретивым обрубил кисти рук, чтобы не шаркали расслоёнными ногтями по его берцам, когда он лежал придавленный дверью. Одному он со злостью насадил носком ботинка в лицо и потом пожалел об этом. Пришлось вытаскивать ногу, застрявшую в черепушке как в капкане. Распихав всех в проходе и забравшись на спины остальных, перед Солдатом возвышался «первопроходец». Одной ладонью продолжал поддерживать свою голову за затылок, в другой руке держал какой-то замысловатый серп, очень похожий на косу в сильно уменьшенном размере. «Мертвяк» поднёс лицо ближе к Солдату и вновь натянул черногубую ухмылку. Дохнуло смрадом; Виктора едва не выворотило наизнанку, промчалась мысль: «Мёртвый-мёртвый, а дышит».

— А, ты ещё *мести* жаждешь?! — сквозь рычание и злость прокричал Солдат и двумя взмахами лопаткой снёс голову «первопроходцу».

Ещё далёкий, но нарастающий вопль толпы неумолимо приближался. Виктор подбежал к окну и добил торчавшие из рам стёкла, выглянул вниз. Всё пространство от стены дома до забора кишело «утопленниками». Они подняли головы на звук разбиваемого стекла, увидели Солдата. Поднялся невообразимый вой. Мертвецы начали быстро двигаться, создалось ощущение, что они замыслили какую-то пертурбацию. Сначала они колыхались, создавали волну и бились в стену, будто хотели проломить и обрушить дом. Но в следующий момент задние стали давить передних, подминать, забираться на их спины, не переставая тянуть руки к Виктору. А в следующий момент волна мёртвых голов колыхнулась назад и с новой силой надвинулась на дом, создав гору из собственных тел. Ещё немного и они дотянут до оконного проёма и начнут перелезть в комнату.

Солдат с надеждой посмотрел на далёкие окна каланчи. Снайпер пока молчал.

Шум со стороны двери нарастал лавинообразно. Виктор не верил глазам. «Первопроходец» нашёл свою голову и теперь держал её за волосы в левом кулаке на уровне плеча, направляя глазами на него; за спиной колыхалась масса «утопленников», не производящая каких-либо действий. Все их глаза потускнели.

— Э-э, народ, что за правила у вас? — спросил Виктор, занеся лопатку над своей

головой. Сильная усталость как физическая, так и эмоциональная всё больше одолевала. Ему уже не хотелось никого бить или рубить. Он усмехнулся и указал указательным пальцем на голову в руке «утопленника». — Ты теперь не первопроходец, ты теперь медуза-горгона.

«Первопроходец» неожиданно широко махнул серпом. Солдат успел отклонить затылок, остальная масса мёртвых издала негромкий гул. Они надвигались, а звук, нарастающий со стороны кострища, казалось, сейчас ворвётся в дом и звуковой волной разнесёт его в щепки. За окном творилось что-то невообразимое. «Первопроходец» широко отставил руку с серпом и махнул, сделав широкий шаг.

— Ты достал уже меня. — Виктор махнул перед собой сапёрной лопаткой по горизонтали, надеясь попасть по глазам отрубленной головы. Лезвие разбило скуловую кость, выбило глаз, взборонило переносицу и вошло во второй глаз. Голову выбило из руки «первопроходца», оставив в кулаке пук волос. Тело немного постояло, прошаталось и осело. Остальные мёртвые будто очнулись после спячки, накиннулись на Солдата. Резко нарастающий вопль ворвался в холл, пронёсся по лестнице и снёс медлительных «мертвяков». Солдат удивился своей прыти, с какой выскочил из окна, уцепился за водоотлив крыши, надеясь, что не рухнет, и подтянул ноги, чтобы не дать за них ухватиться вновь прибывшим. Особо истовый «мертвяк», не успевший его схватить, вылетел из окна и исчез в пучине своих. Виктор пролез к шпалере, тянущейся от земли и увитой плющом, пару секунд передохнул и забрался на крышу. Он ещё раз с надеждой взглянул на каланчу, надеясь, что снайпер его поддержит. Ведь то, как действуют «утопленники», говорит, что долго мечтать о «счастливой жизни до дряхлой старости» ему не дадут. Но мертвяки даже не дали время на чуть-чуть. Солдат подошёл к центру крыши. На дальнем левом углу появился торс первого «мертвяка». Ходячий полуразложившийся труп забрался, вытянулся в полный рост и медленно направился к Виктору. С этого же угла залезли ещё двое. Они были шустрее первого и, спотыкаясь о собственные ноги, опередили его, будто соревнуясь — кто первый порвёт живого человека, уже почти бежали. А ещё через секунду «мертвяки» полезли со всех сторон.

Снайпер не стрелял.

Солдат быстро осмотрел посёлок, побежал к левому краю крыши. Недалеко от левого угла рос тополь. Оставаться на крыше — не проживёшь больше пяти минут. Придётся прыгать. Несколькими пинками он отправил троих «утопленников» к земле, пока ещё полностью не забрались. Двоим разнёс головы сапёрной лопаткой. Когда подбежал к краю и посмотрел вниз — вся движущаяся масса замерла, подняла головы. Сотни глаз смотрели красными огоньками, в которых кипела кровожадная ярость. А ещё Солдат уловил в них неистовую ненависть, исступление, остервенение лично к нему, словно кто-то живой через чужие мёртвые глаза транслировал свои эмоции.

Мёртвые отошли от стены дома, вдавливая задних в забор. По головам прошлась волна от передних к задним, за ней прокатилась ещё одна. Виктор почувствовал в воздухе напряжение, даже волоски на всём теле приподнялись, и он понял, если промедлит, то через несколько мгновений вся эта мёртвая масса поглотит дом вместе с крышей, как было пару минут назад перед окном. Он даже представил себя крохотным червячком в глубине злобного муравейника.

Солдат отбежал назад, рубанул по лицу подбежавшего «мертвяка» и, стараясь сильнее ускориться, помчался к углу. Он перелетал мёртвую толпу, не успевшую создать «пружину», чтобы разом забраться на крышу. Листва тополя приближалась, широко раскрытые глаза

старались уловить ветку, руки крутились в локтях, старались скрюченными пальцами хоть за что-нибудь ухватиться.

Челюсть Солдата едва не раскололась, напоровшись на толстенный сук, тянувшийся параллельно земли. Таких искр из глаз он ещё не видел. Это были не брызги — это взметнулся целый фейерверк. Зубы чуть не откусили собственный язык. Тело, проламывая ветки, от которых стоял хруст, словно падал не маленький человек, а целый носорог, летело вниз, отшибая бока, перебрасываясь с одной ветки на другую. Когда спина соприкоснулась с землёй — из лёгких выбило воздух, а из мозгов — сознание.

2

Солдат открыл глаза, первое, что он прошептал:

— Я такого салюта — с прошлого девятого мая не видел.

Сквозь темноту листвы проглядывали плывущие облака, подсвеченные светом луны. Правая ладонь упиралась пальцами в доски забора, за которым шуршала, хрипела, рычала орда «утопленников». Кажется, они его потеряли, но, скорее всего, ненадолго.

Виктор хотел повернуть голову влево, чтобы попробовать хоть что-нибудь увидеть — щека наткнулась на полотно сапёрной лопатки, вонзившееся в чуть влажную почву.

— И на том спасибо... что мозги не выбило, — произнёс он. Голос немного охрип, но почему-то прозвучал здесь — в плотной листве кустов, — как звон набата в мёртвой тишине, где даже трапеца насекомых и шуршание микробов слышны на десятки километров. Армия «мертвяков» ожила, ударила по забору. Синюшные, чёрные, лиловые пальцы с отслоившимися ногтями полезли во все щели, прокатилась волна вопля, но всё как-то вяло.

— И что я же такой невезучий. Вот ни хрена в рубашке не рождённый. — Кряхтя и шурясь от боли во всём теле, Солдат поднялся на ноги. — Сука, наверное, я был закутан в моток колючей проволоки. — Рука выдернула из земли лопатку. Пока «мертвяки» за забором не особо ретиво действовали — у Солдата было время, чтобы подумать — куда дальше «рвать когти». Появился соблазн ринуться сквозь густые заросли, а не к каланче: снайпер, кажется, больше не собирался ему помогать.

Подул лёгкий ветерок, от которого потное тело Солдата получило такое блаженство, что он прикрыл глаза, а когда в следующий момент открыл — перед его взором на углу крыши восседал «чёрный дайвер», его колени почти упирались в плечи, а руки болтались ниже воронки водосточной трубы.

— Чучело в рваной резине, — закричал Солдат, — я тебе башку отрежу! — Он махнул сапёрной лопаткой перед собой.

«Чёрный дайвер» поднялся в полный рост, над его головой, как нимб, заблестела серебром луна. И как показалось Виктору, даже звёзды засветились ярче. Несколько «утопленников» покачивались из стороны в сторону и медленно сходили к углу крыши. «Чёрный дайвер» схватил одного обеими руками и швырнул. Это получилось, как выстрел ядром из пушки. Если бы ни раскинувшиеся ветви тополя, то, наверное, «мертвяк» сбил бы Солдата, как пудовый шар может сбить кеглю толщиной спички. «Утопленник», разбив лицо об ветвь, рухнул в метре от ног Виктора. Правый глаз выбило из глазницы и теперь он лежал в нескольких сантиметрах от собственного лба и держался на мышце тонкой как нить.

Берец Солдата неумолимо раздавил глазной шарик.

В следующий момент орда мёртвых проломила пролёт забора и высыпала на полянку под стволом тополя, ломая непролазные кусты и тела друг друга. Одновременно с этим пронёсся выстрел с каланчи. Солдат видел, как левая рука «чёрного дайвера» от удара пули

взметнулась за спину. В неистовстве «водолаз» издал такой вопль, что Виктор подумал: барабанные перепонки лопнут, как из-под выстрела дробовика, стволы которого воткнуты ему в уши. «Чёрный дайвер» взметнулся и перепрыгнул на крышу следующего дома.

Как в замедленной съёмке — или вновь сработал дар замедления? — Виктор увидел, как проламываются все пролёты забора. Он успел подумать, что не стоит ломиться сквозь кусты, иначе застрянет в них, как несчастная бабочка в сетях паутин. С криком, что лучше бы снайпер вообще не стрелял, Солдат согнулся, ринулся вдоль забора, рвя кожу об разные шипы и сухие ветви и успевая уходить от ломавшихся досок и вываливающей толпы «мертвяков».

Через несколько пролётов — густота кустов, примыкающих к забору, стала совсем непролазной. Виктор перемахнул через забор, оказался посередине торца второго дома. Он и осмотреться не успел — со стороны первого дома к нему неслись вопли, через ограду, отделяющую дома, начали перепрыгивать «утопленники». Выбивая оставшиеся стёкла, из окон к нему под ноги вываливались «утопленники». Через забор, откуда он перелез, начали перелезать «утопленники». Зато снайпер стрелял — не переставая. Вот только почему-то Солдат не увидел ни одной разлетевшейся башки или упавшего от выстрела тела.

— Черти, но я же ведь не ваш друг, я ещё не тонул, — закричал Солдат, — дайте передохнуть! — Он побежал к следующему дому. Создавалось ощущение, что его затылок буравят чьи-то глаза, даже чувствовалось лёгкое покалывание. Виктор обернулся и взглянул на крышу: так и есть! «Чёрный дайвер», увёртываясь от пуль, слетающих с каланчи, следовал за ним по краю крыши, вперив свои светящиеся глаза.

«Сто процентов — он направляет на меня всю эту мёртвую орду», — гневно подумал Солдат и едва не запустил сапёрную лопатку в «водолаза».

— Как же я устал! — крикнул Виктор. Сил почти не было, чтобы перелезть следующий забор. Достигнув угла дома, он повернул и побежал вдоль отмостки к дороге. Уже было всё равно — успеет или нет. А что дальше? Ноги почти не слушались, сердце от напряжения вот-вот разорвёт грудную клетку, а до каланчи ещё, как до солнца. Ещё неизвестно — пустит к себе снайпер или нет.

— Но ведь помогает, — прорычал Солдат. Собрав последние силы, он убыстрился к следующему углу, а когда выбежал к входу, то отчаяние накрыло его с головой: до дороги метров пять, а «утопленники» появились в трёх шагах от него, нёсшиеся стеной. Виктор рассмеялся, поднял лицо, уткнув взгляд на луну, приготовился встретить смерть. Он увидел «чёрного дайвера» в прыжке через дорогу на крышу дома, увидел вспышку наверху каланчи, увидел — как подстреленный «чёрный дайвер» перевернулся, словно сделал сальто, упал перед мчавшейся ордой мёртвых. Самый ближний «утопленник», у которого был один глаз, уже вонзил ногти в шею Солдата. Мир в очередной раз замер.

«Вот этого я ждал вечность! — в мыслях закричал обессиленный Виктор — Я не сдвинусь с места, пока не отдохну, как мертвец в гробу». Он решил терпеть боль от гнилого пальца, вспоровшего плоть на шее, только лишь бы перевести дух, и главное — не пошевелиться, чтобы мир не откатился на определённое время, дабы начать заново своё прескверное дело.

Солдат опешил, когда увидел медленно поднимающегося «чёрного дайвера» — но мир вокруг продолжал висеть. Потом произошло что-то похожее на помеху: «чёрный дайвер» дёргано переместился на метр, вновь упал как сражённый пулей, снова поднялся на ноги. Виктор не понимал, что происходит. Он не мог ничем двинуть, словно кем-то зажат в тиски.

«Чёрный дайвер» взглянул на него и отлетел назад на крышу, откуда делал прыжок. И снова прыгнул. С каланчи сорвался выстрел. «Дайвер» рухнул, сражённый пулей, только на этот раз на пару шагов дальше. Застывший Солдат покрутил глазами, чтобы удостовериться, что не сдвинулись с места «утопленники». Все и вся оставались в прежних позах. «Чёрный водолаз» поднялся на ступни и откатился по времени на прежнее место на крышу.

«Чёрт, — подумал Солдат, — так кто за кем охотится? И кто главный в остановке времени и отката в прошлое?»

Виктор сбился со счёта — сколько раз возвращались моменты с прыжком «чёрного дайвера». Его доставал один вопрос: кто главный по возврату времени? А также постигло разочарование: значит, это не он возвращал свои моменты, возможно, это творит местность или снайпер, а у него нет такого дара. Но сейчас — это явно проделки «дайвера». А ещё поразила избранность: «чёрный водолаз» и снайпер разыгрывают партию, а все остальные пребывают в обездвиженности. Или — у них получается настолько быстро, что всё остальное за ними не поспевает? Наконец, «чёрный водолаз» опустил на кровлю дома через дорогу. В голове Солдата кем-то произнеслось: «Мчись к каланче».

Виктор покосился глазами на «утопленника», почти начавшего рвать его шею, посмотрел на остальных — и в следующий момент, мир колыхнулся, будто вздрогнул. Сам Виктор оказался метров за пять впереди и мчался к каланче во весь дух. Одновременно голова «одноглазого утопленника» разлетелась от пули снайпера. Следующие выстрелы посыпались по «чёрному дайверу», который по крышам домов следовал за Солдатом, никак не хотел его отпускать, увёртывался от пуль и управлял ордой мёртвых своими огненными глазами.

3

Неожиданно Солдат почувствовал, как его будто что-то подхватило на руки, дажехватило дух. Он помчался с такой скоростью, что оставшиеся домики, ограды, кусты и деревья проскользнули размытой полосой. Правда, это оказался всего лишь короткий забег, после которого он оказался на центре площади перед каланчой. Но и за это спасибо. Это дало уйти в отрыв от мёртвых, нёсшихся неутомимой саранчой.

И всё же, наверное, Виктор не успел бы добежать до башни, слишком с большой скоростью его преследовали мёртвые, а он почти совсем выдохся. Но ещё раз — наверное, ошибся «чёрный дайвер», что никак не хотел отпускать Солдата живым. «Водолаз» спрыгнул с крыши последнего дома на крышу разбитого автобуса, который в пятнадцати метрах справа от Солдата уткнулся передними фарами в дно перевернутого джипа. Виктор на мгновение даже замер, чтобы получше разглядеть костюм, отливающий чернотой, и маску, с каким-то плоским металлическим намордником и большими круглыми стеклянными глазами. А ещё Виктор увидел, как в этих круглых стёклах приблизилась фигура человека. И хотя Виктор понял, что это не отражение кого-либо, он обернулся и осмотрел площадь. Никого.

Пуля снайпера оторвала руку «чёрного дайвера» по локоть. Брызнула кровь, окропила лицо Солдата. Но «водолаз» не обращал внимания, не сводил стеклянных глаз с Виктора. За спиной почти чувствовалось дыхание «мертвяков». Следующая пуля вспорола маску на лице «чёрного водолаза», кровь хлынула на плечи. Солдат увидел из-под отделившегося чёрного лоскута кожу живого человека: так это обычный человек, но почему так преследовавший его, что даже пренебрёг собственной безопасностью? Третий выстрел пробил бедро, создав в чёрном костюме «водолаза» сквозную дыру, из которой выскочили куски кровавой плоти. Лишь только теперь «чёрный дайвер» опомнился, соскочил с крыши автобуса на асфальт и

скрылся.

Солдат обернулся, чтобы напоследок зарубить ещё пару «утопленников», но орда мёртвых словно ударилась о невидимую стену, резко замедлилась, хаотично рассыпалась и начала бродить по площади. Лишь немногие устремились к Виктору, но в десятки раз медленнее, чем мчались до этого момента.

Солдат подбежал к башне.

1

Слева и справа к башне примыкали одноэтажные здания. Виктор обернулся — подавляющее большинство «утопленников» хаотично бродило по площади с потухшими глазами, но неуклонно сжимали круг. Пара десятков устремилась к нему. Они шли не так быстро, неуклюжие, раскачивались, хромали; глаза медленно гасли, но ещё излучали крохотное бледно-красное свечение.

Все оконные проёмы одноэтажных строений заложены кирпичами. Единственная дверь с мощными заклёпками — закрыта и, кажется, её не отворяли с прошлого столетия. Не было ни ручки, ни отверстия под замок, ржавчина одолевала металл. Оббежать строения нет возможности — там всё кишит мёртвыми. А эту дверь ему никто не собирался отворять. Снайпер опять перестал помогать — не открывал огонь.

Что — снова в бой? Солдат повернулся к приближающейся угрозе, упёр ладони в полусогнутые колени; все мышцы дрожали от усталости. Исподлобья смотрел на спешивших к нему «утопленников» и вяло клял снайпера.

Громадная сумка грохнулась сверху, едва не прибила Солдата. От неожиданности он рубанул сапёрной лопаткой в сторону. Пару мгновений соображал: это помощь примчалась или хотели сломать ему шею? Потом подлетел как ошпаренный, мгновенно расстегнул молнию. В свете луны блеснул воронёный, словно отполированный, ствол дробовика с пистолетной рукояткой. Под ним лежали коробки с патронами. Сумка ещё чем-то набита, но рассматривать было некогда.

— О, — закричал Солдат обрадованный, отбросил сапёрную лопатку, — давно бы так! А то засел там... как кукушка на макушке и даже не кукуешь. Ещё бы дверь открыть! Или мне не мечтать?!

Виктор разодрал картонную коробку и вогнал шесть патронов в дробовик. Первому мертвяку, который остановился в двух шагах с разинутым ртом и рваными щеками и попробовал издать клокочущий смешок, Солдат вдолбил ствол в пасть и нажал на спусковой крючок. Выстрел вышиб затылок и шейные позвонки. Тело рухнуло с громадной дырой в башке, которая осталась держаться на шейных мышцах. Подоспевшим пятерым снёс выстрелами головы, но с ними было ещё «мертвяков» пятнадцать. Пришлось схватить коробку и отбежать, чтобы зарядить дробовик. За пару минут Солдат успел разнести черепа самым ретивым. К нему спешила новая мёртвая партия.

— Снайпер, — закричал Солдат, торопясь вогнать патроны в дробовик, — помощи! Ты что творишь?! Или действуешь по правилу: дал удочку, а рыбу сам пусть ловит?! Причём в озере... где рыбы *нет!* — Виктор проломил прикладом лицо новому подоспевшему мертвяку, вогнал последний патрон в зарядное отверстие и собрался расчистить путь к следующим коробкам с патронами, которые остались в сумке.

Солдат увидел, как начали возгораться глаза у всех мёртвых, которые на мгновение замерли, словно подзаряжались энергией. Виктор понял, что вновь появился «чёрный дайвер», покрутил головой, рассматривая все существующие крыши, в том числе и автобусные.

Долго ждать появления «чёрного дайвера» не пришлось; он со стороны лунного света перепрыгивал своих «утопленников», — это были невероятной высоты прыжки, — но не с

крыш домов, а скакал по площади и стремился к Виктору, в его руке что-то находилось.

Солдат поднял ствол, чтобы встретить выстрелом прыгуна, понимая, вряд ли справится с таким лихим «бесом». Только подумал, что неплохо было бы, если снайпер помог, как с самого верха каланчи по «чёрному дайверу» открыли пулемётный огонь. И как ни старался прыгун увёртываться, пули пронзали его тело, выбивали кровавые куски.

«Чёрный дайвер» упал в пяти шагах от Виктора. Казалось, за стёклами больших стеклянных глаз наполнялась багровая жидкость. Солдат заворожённо смотрел, как все рваные раны «чёрного дайвера» затягиваются, создавая из воздуха недостающую плоть, а то, что было в руке — надел на шею. Солдат решил, что это какой-то талисман, в ужасе понял, что за этим может последовать. Он передёрнул цевьё дробовика, собираясь разнести голову, слишком надоевшего «чёрного дайвера».

— Стой, стой, не вздумай, стой! — услышал Виктор за спиной и обернулся. С крыши одноэтажного левого здания спрыгнул человек. В левой руке держал пистолет, в правой — сильно изогнутую саблю.

Солдат решил, что это и есть Снайпер. Он кидал взгляд то на подходившего человека, то на «чёрного дайвера», опасаясь, что тот сейчас себя «зашпопает» и полностью выздоровеет.

Вся мёртвая орда сновала по площади и даже не обращала на них внимания, будто они переместились в другое измерение или попросту стали невидимыми. Или ещё какая-то была суть-причина.

2

Человек спешил к «чёрному водолазу». Солдат хорошо его рассмотрел: рост высокий, наверное, метр девяносто, плечистый как богатырь, под материей бугрились мышцы, на широком брючном ремне висело шесть гранат и нож в кожаном чехле, на груди — разгрузка с множеством карманов, откуда торчали автоматные рожки. Солдат подумал: «Ему бы ещё базуку и танк на плечо. Будет в полной экипировке».

Человек грубо его оттолкнул и как-то недобро сверкнул глазами, но это не насторожило Виктора: по сути, Снайпер спас ему жизнь. Виктор отошёл и решил не мешать разборке: возможно, у этих двоих какие-то свои счёты, ведь находились и жили почти соседями.

Снайпер склонился над «чёрным водолазом», творившим вокруг себя какую-то магию, что-то прошептал. Сорвал с его груди талисман и несколькими ударами саблей обезглавил.

— Потом отправлю в озеро, — произнёс Снайпер и хохотнул.

— Наверное, вы когда-то здорово не поладили, — попробовал пошутить Солдат и развёл ладони в дружеском приветствии. — Или, наоборот — были лучшими друзьями, о которых говорят — стали худшими врагами?

Снайпер впери́л глаза в лицо Виктора, уголки рта низко опустились, на переносице собрались глубокие морщины: на лице преобразалась ярость. В этот момент Солдат понял, что здесь великой дружбы Бог наблюдать не сможет. Хорошо, если товарищами разойдутся.

— Я, значит, был приманкой, — сказал Виктор, начиная вскипать от своей догадки. — Вот почему ты мне помогал иногда... чтобы я этого... — он мотнул головой в сторону, — к тебе подошёл. И что теперь... в гости, конечно, ни хера не пустишь?

Снайпер пожирал его взглядом, одна часть рта высоко поднялась в надменной ухмылке. Он поднял лицо к небу и, широко открыв рот, загоготал низким голосом. Потом с надменной вальяжностью положил амулет, пистолет и саблю возле своих ног и в следующий момент нанёс удар. Дробовик звякнул об асфальт, Солдат со сплюсненной переносицей рухнул на спину. Снайпер с озверелым видом набросился на Виктора, прижал его руки к асфальту и

начал лбом крушить лицо. Солдат захлёбывался собственной кровью, отплёвывался, старался скинуть этого здоровяка, но это действительно оказался очень крепкий человек, недаром выглядел богатырём. Виктор старался отвернуть лицо, увернуться. Снайпер взял его за грудки и начал бить затылком об асфальт. Ещё немного и голова точно лопнет. Солдат постарался пальцами выдавить неприятелю глаза, ничего не получалось: там словно засели стальные шары. Он понимал, что может потерять сознание и тогда, что с ним будет, наверное, даже богу неизвестно. Ведь в этом посёлке творили какие-то опыты над детьми. Да и вся земля здесь, весь мир — какой-то инфернальный. А ещё мелькнула мысль, что всё это галлюцинации, аватар, а сам он где-нибудь валяется в отключке, и бедное тело подгрызают крысы.

Стальные пальцы Снайпера сомкнулись на шее Солдата.

Лицо Виктора побагровело, глаза закатились под лоб, ладонь нащупала ручку ножа на брючном ремне врага. Солдат бил, бил и бил лезвием в живот Снайпера, пока тот не ослабил хватку. Наконец удалось свалить набок здоровяка и вскочить на ноги. Солдат, увидев, что из живота неприятеля свисают кишки, отошёл на пару шагов. Здоровяк встал на карачки и пополз к своим вещам.

— Нет-нет-нет, — выпалил Виктор скороговоркой, покачав указательным пальцем. — Зря ты решил выпендриться, показать свою физическую силушку. Теперь — хапни нож в глотку!

Снайпер с перерезанным горлом потянулся рукой к амулету. Виктор поднял валявшийся возле ног дробовик. Неожиданно всё вокруг начало тормозить, «мертвяки», образовавшие круг, замирали, словно были механизмом, завершающим свой заряд. Солдат отбросил ногой талисман, пистолет и саблю, с ужасом поняв, что Снайпер останавливает время. Только непонятно — почему не резко, как было раньше. Ещё с большим ужасом Виктор обнаружил, что, собираясь выстрелом снести голову этому здоровяку, начал вязнуть: воздух становился густым мёдом, в котором он — затонувшая пчела. Сразу вспомнил, как убегал из особняка от Елизаветы.

«Ещё немного и Снайпер вернёт прошлое», — подумал Солдат. Он пробежался по воспоминанию, как у него получилось в первый раз остановить время: всё произошло само собой. Но Виктор не желал сдаваться, проигрывать. Он вспомнил, как один раз пробовал медитировать вместе с женой. И тогда ему показалось, что душа начала выходить из тела. Он даже слегка испугался, подумав, что сейчас умрёт, остановился и больше не предпринимал такую практику.

Солдат закрыл глаза, весь напрягся, не зная по каким мыслям пустить сознание. Но — неожиданно понял, что началась дуэль: Солдат против Снайпера.

3

Сколько прошло времени — Виктор не знал. Но судя по тому, что происходило — решил, что не меньше полночи. Он смотрел на мёртвого Снайпера и никак не мог вспомнить, как с ним такое сотворил: на теле не осталось живого места. Одежда и кожа изрезаны в лоскуты, кровоточащие раны зияли как пасти огромных жаб, в некоторых местах виднелись кости. Виктор содрогнулся: глаза выколоты, нос и губы отрезаны, язык выдран, валялся возле головы красным ужом. Он не мог поверить, что сотворил такое. Он не помнил! Он — не хотел *так*! Он лишь хотел остаться в живых.

Солдат осел на колени перед мёртвым телом. Перед глазами плавал силуэт друга, попавшего в плен на войне. Когда его нашли — из глазниц, отрезанного носа и рта торчали

стержни арматуры.

Зато теперь Солдат знал, что точно умеет останавливать время и возвращать прошлое, пусть на короткий миг, но эта дуэль — такая же была между Снайпером и «чёрным дайвером» — его научила. И он выиграл у очень сильного врага. А значит — рано или поздно он научится возвращаться в прошлое. Очень крамольная мысль посетила насчёт бывшей жены, от которой он содрогнулся и сразу откинул.

— А ещё, — прошептал Виктор, — я знаю точно, если вернуть время на чуть-чуть подальше, то можно залечивать старые раны. Главное — победить врага. — Он привстал на одно колено, поднял амулет и рассмотрел. Всё тот же перевернутый крест, где под самым верхом рисовался круг, напоминавший земной шар, в нём рогатый злобный демон, и всё это обрамлено формой подковы с двенадцатью уродливыми злобными лицами.

Солдат усмехнулся.

— Тринадцать.

Он осмотрел площадь. Вся орда «утопленников» медленно двигались к озеру. Отсюда была видна стена дальних насаждений, на горизонте соприкасающихся с озером. Волны голов затмевали всё пространство.

— Сколько же вас потонуло? — шёпотом произнёс Солдат, провожая взглядом рваные и гнилые спины. — Или вы на этой земле — погубленные души, опоганенные местными телами?

На востоке брезжил рассвет.

Солдат пнул тело Снайпера: не очнётся ли? — и пошёл к левому зданию, чтобы посмотреть, откуда тот появился. Над коньком крыши открыта небольшая металлическая дверца, наверное, когда-то значилось окном в каланче. Теперь оставалось найти, как туда забраться. Главное — чтобы там не оказалось ещё каких-нибудь сюрпризов. Хотя если там были бы ещё воины, то, скорее всего, они помогли своему.

Солдат осторожно потрогал пальцами раздробленную переносицу, заплывшие глаза, шишки на лбу, рассечённую кожу и усмехнулся, представив, как клоунски сейчас выглядит.

4

Ни лестницы, ни одной двери, которую можно было легко открыть и войти в здания, чтобы оттуда подняться на крышу и попасть внутрь каланчи — Виктор не обнаружил.

«А каким путём хотел возвратиться сам Снайпер? Не владел ли он прыжками, как «чёрный дайвер»? Или кто-то должен его запустить обратно?»

Солдат несколько раз попробовал подпрыгнуть и ухватиться за решётку, идущую по краю крыши. Здание хоть одноэтажное, но высокое: ничего не получилось. Пришлось искать в домах: благо «утопленники» скрылись в тумане, охватившем не только гладь озера, но и берег.

Всё добро, которое ещё оставалось в домах, Виктор не рассматривал, ещё успеется. Не терпелось познать внутренности каланчи, которая, скорее всего, не была пожарной башней. Её диаметр, когда в первый раз подошёл близко, сильно впечатлил шириной. Да и чувство разбитости с головной болью одолевали.

За вторым домом с левой стороны от площади он, наконец, нашёл деревянную лестницу, покрытую мхом. Пришлось повозиться, чтобы освободить от пут лиан и кустов, проросших между ступенями.

С высоты крутой двускатной крыши Солдат внимательно осмотрел площадь, будто остерегался, что «чёрный дайвер» или Снайпер воскреснут, поправил на плече лямку от

сумки, куда собрал свои новоприобретённые пожитки и, сжав покрепче в кулаке сапёрную лопатку, вошёл в открытую невысокую металлическую дверь.

Раздался слабо уловимый писк, по всем выпирающим контурам загорелось синеватое освещение, стальная дверь за спиной закрылась. Виктор не верил глазам: с улицы башня выглядит как каменное сооружение прошлых столетий, но внутри — создавалось ощущение, что оснащено передовыми технологиями. Стены — в блестящих, почти чёрных пластинах, где не виделось ни одной царапинки, усеяны какими-то датчиками и видеокамерами. Пол стеклянный, правда, что под ним — размывалось. Площадка, на которой он стоял, была в форме узкой полоски в четверть круга со стальными поручнями, усеянными через один слегка выпуклыми сотами. В центр башни вели открытые зеркальные двери лифта.

— Надеюсь, без подлянок, — произнёс Солдат и осторожно ступил на рифлёный блестящий пол. Кнопки управления лифтом было всего три: ноль, вверх, вниз. — А ноль, — усмехнулся Виктор, — только чтобы выходить на крыши?

Указательный палец нажал кнопку «вверх».

5

Слуха коснулось какое-то движение, похожее на шелест материи. Солдат насторожился. Площадка при выходе — такая же, как на крыше, только от неё вела вверх бетонная лестница. Снова что-то звякнуло, будто ударили металлической ложкой об ложку.

«Значит, Снайпер не один здесь ошивался». Солдат положил сапёрную лопатку возле ног, достал из сумки дробовик. Выглянул одним глазом из-за угла прямоугольной арки. Его взору предстала громадная комната. Здесь находились: десяток мониторов и, наверное, компьютеров; сотни проводов; книжные полки, набитые книгами; несколько разных столов; мягкая мебель; холодильник, размером слона и много чего другого. Но главное — напротив арки к нему спиной стояла молодая женщина в джинсовых шортах и мужской рубашке и что-то готовила на электрической плите.

Очень тихо жужжала вентиляция.

— Вот это подарочек, — прошептал Солдат. Интересно, кем она приходится Снайперу? Как отреагирует на его смерть? И как бы так — слишком её не напугать своим появлением?

Ещё несколько минут Виктор наблюдал за молодой женщиной, за её великолепными волосами, ниспадающими огненным водопадом до поясицы. Она готовила очень тихо, ни разу к нему не повернулась лицом. В воздухе витал невероятный запах жареного мяса и специй.

— А винишка, случаем, здесь не наливают вместо обезболивающего? — спросил сам себя Солдат шёпотом. — Я бы пару графинов влил в себя, чтоб краше мир казался и сновидения без снов, — и чуть ли не на цыпочках направился к женщине. — Эй, — прошептал он, подойдя на расстояние вытянутой руки, и потянулся пальцами к женскому плечу.

Она повернулась сама — резко, неожиданно, что Виктор отшатнулся. Их взгляды встретились и застыли. Солдат поразился красотой и поразился блёклостью глаз: серые, сухие, мутные. На лице не колыхнулось ни единой эмоции. Её взгляд — холодный, пронизывающий насквозь; её красота — как выточенная из глыбы льда.

— Готовишь? — первым нарушил молчание Виктор. — А я там твоего этого... короче, снайпера завалил. Теперь некому есть твоё варево. Если, конечно, нет других.

Она как стояла, так и продолжала стоять, не шелохнувшись и не моргая.

— Ну ты чего как мумия? — грубым тоном спросил Солдат. — Или в шок впала? Или

мой вид напугал? Есть другие, спрашиваю?

Она еле заметно покачала головой.

— Мм, — покивал Виктор. — Отлично. Что будем делать? Ты теперь за своего снайпера будешь желать меня убить?

Она слегка поводила лицом влево-вправо.

— Так это тогда вообще превосходно. Ты хоть одно слово произнесёшь?

На него смотрела холодная немая красота.

— А имя своё поведаешь? — Виктора начало бесить молчаливое «истуканство» данной героини. — Ты боишься?

Она снова покачала головой. Чуть помедлив, протянула правое запястье, где на бледной коже вытатуировано: СС.ЗР.22 — 404. 193620; пальцы левой руки начали тереть золотой кулон на груди, а затем и вовсе ладонь его накрыла.

— Так ты... — перешёл на шёпот Виктор. — Так ты здесь подопытная, что ли? — Он взял руку молоденькой женщины, чтобы получше рассмотреть татуировку, и едва не обжёгся о ледяной холод кожи.

Брови Солдата скакнули, глаза расширились. Он старался глубже всмотреться в зрачки женщины. Его ладонь медленно потянулась к её лицу, коснулась плоти. Она так ни разу не моргнула. Виктор положил ладонь на её левую грудь, потом пощупал пульс на сонной артерии.

От осознания его нижняя челюсть медленно «отвалилась». Он обернулся и опустился на широкое кожаное офисное кресло.

— Так вот почему у тебя такие глаза, — едва слышимым голосом сказал Солдат. — Ты просто — мёртвая.

1

Мертвячка возвратилась к готовке пищи. Виктор некоторое время надзирал за ней, ожидая какого-нибудь подвоха. Несколько раз она оборачивалась; в её глазах не было ни злобы, ни ненависти, ни укора: ничего такого, что могло бы насторожить или указать на опасные намерения. Но и доброты в этом сухом взгляде не наблюдалось.

Солдат обежал глазами помещение: слева — возле стены со стороны площади стояла широкая кровать, справа — поднималась металлическая лестница на металлический балкон, окружавший стены; возле каждого окна находилось огнестрельное оружие.

Виктор довольно кивнул, попробовал зевнуть — боль в челюсти такая, будто её вырвали и на время приставили обратно — охранять. Он поморщился и вспомнил, что лицо разбито и, наверное, распухло до неузнаваемости. Вздутия под глазами мешали зреть, голова раскалывалась, будто сжималась невидимым стальным обручем. Все мышцы от усталости тряслись. От запаха жареного лука, мяса и свежеевыпеченного хлеба — голод возобновил терзания.

Стуток крови застрял в носоглотке. Солдат отхаркнул и сплюнул себе под ноги, растёр подошвой берца.

— Дай воды, — попросил Виктор, — а то сейчас засохну как жареный пескарь на сковороде.

Мертвячка даже не обернулась.

— Но ведь ты же всё понимаешь, — воскликнул Солдат, — хоть и мёртвая!

Мертвячка взяла половник со столешницы, помешала в чугунной кастрюле. Сняла полотенце с крючка на стене и переставила кастрюлю с плиты на стол, расположившийся с левой стороны.

— Ты боишься обжечься? — удивился Виктор. — Ведь вроде бы — мёртвые не потеют. — Какая-то нездоровая мысль пробежалась за словами по поводу красоты мёртвой женщины, грязненькая грёза осела в глубине сознания.

Из навесного шкафа Мертвячка достала ложку и глубокую тарелку, наполнила бульоном. Наложила мяса с горкой — чуть меньше размером Эвереста.

Солдат почувствовал, как свело в животе, а рот наполнился жадными слюнями, готовыми растворить любой металлический штырь. Виктор хохотнул в мыслях: «Но я же не крокодил».

Мертвячка подошла к Виктору, взяла за ладонь и потянула. Он повиновался — поднялся с офисного кресла и сел на дубовый стул за обеденный стол. Она положила рядом с тарелкой овальную лепёшку и повернулась к плите, чтобы дожарить мясо в глубокой сковороде.

Солдат в предвкушении осмотрел горку мяса, тонувшей в жирном бульоне, сдобренном разными специями. Отломил от горячей лепёшки кусок и поднёс к носу.

— О-о, Деминус ибн Сатаникус, — улыбнулся Виктор, — да *так!* — жизнь почти прекрасна. — Он взглянул на красивые ноги Мертвячки, над чем-то усмехнулся. — А так бы — ещё краше стала.

Солдат схватил ложку, с жадностью черпнул бульона и обжёг разбитые губы, потрескавшиеся щёки, нёбо. Он вскочил на ноги, широко открыл рот над тарелкой, чтобы вывалить обратно горячий бульон, и рассмеялся:

— Жадность ффраера сгубила.

И всё же он съел лепёшку — обжигаясь, но длительно выдерживая в бульоне. Не хватало холодного вина и крепкого сна.

Мертвячка обернулась, остановила на Викторе долгий взгляд, а затем достала из холодильника огромную бутылку красного вина и поставила на стол.

Солдат застыл, насторожившись: она читает мысли? Сорвал с бутылки пробку и прямо из горлышка полностью опустошил, проливая себе на грудь. Рукавом вытер губы. Вся комната заплясала перед глазами. Пьяный в хлам он подошёл к кровати пошатываясь. И перед тем как рухнуть на покрывало — повернулся и погрозил указательным пальцем:

— Значит, красавица, ты не такая уж и мёртвая.

2

Солдат разлепил веки, в тело вернулась боль. Пока спал — голову, наверное, залили свинцом. На лбу лежало влажное полотенце. В башне царила безмятежная тишина.

Виктор постарался подняться на постели, но вскрикнул от ломоты во всём теле.

— Что за ерунда, — скривил он лицо от боли и опустил голову на подушку, — вчера вроде так не болело. Сюда, случаем, циклопы в гости не заходили, чтобы мне массаж любезно натворить.

Он повернул лицо, стараясь вспомнить, где оставил сумку, сапёрную лопатку и дробовик. Дробовик покоился на прикладе, прислонённый к холодильнику. Сумка находилась с левой стороны арки, сверху лежала любимая сапёрная лопатка. Мертвячка сидела к нему спиной за угловым огромным столом, на котором светились три огромных монитора, и то ли читала, то ли печатала на клавиатуре. По крайней мере, немного над чем-то сгорбившись она иногда шевелила головой и локтями.

От облегчения, что всё спокойно Виктор шумно выдохнул и понял, что нос забит загустевшей кровью, или распух изнутри. Дотронулся пальцами до переносицы, насчитал три зашитых шрама на лице.

«О, Мертвячка может штопать раны?»

Он хотел крикнуть слова благодарности, но из горла вылетело слабое подобие карканья. Провёл языком под губами и щекам — нежная плоть изборождена набухшими ранками.

«Словно гнилые овраги, — выругался Солдат в мыслях, — покрыли изнутри рот. Да, досталось мне от Снайпера. И когда прыгал на тополь с крыши... И когда рвала Елизавета... И когда... Много ещё — когда».

Виктор снова попытался встать с постели, и снова боль сковала всё тело, а голова готова лопнуть изнутри и разлететься волосатыми черепками.

— Эй! — крикнул он. — Мне бы ещё вина вместо анестетика и повалятся в пьяном томлении пару деньков!

Мертвячка словно ждала такого приказа: поднялась из-за стола, прошла к холодильнику и достала две бутылки с вином, такие же огромные, как и вчерашняя.

— Не, это, конечно, перебор, но я, бесспорно, на такое согласен.

Десять дней Солдат напивался до беспамятства, не вставая с кровати, неохотно отходя от ложа лишь по нужде. В принципе, сильно полегчало на четвёртый день, но нужно было встретиться с собственными мыслями, ответить на вопросы: где он, что случилось и что делать дальше? Честных ответов он боялся больше всего, потому что уже знал их и старался на подольше отодвинуть, оттолкнуть, утопить, сжечь.

Только Солдат успевал открыть глаза после пьяного сна, как Мертвячка доставала из

холодильника пару огромнейших бутылок с вином. За каждым обедом он съедал пару килограммов мяса, приготовленного в разных вариациях: Мертвячка оказалась отменной поварихой. Виктор пробовал разговорить её, но она не проронила ни единого слова. Он совсем позабыл про безопасность, про трупы «чёрного дайвера» и Снайпера. Ему было настолько хорошо и спокойно, что иногда чудилось: он вновь оказался в нормальном мире. Он не хотел упускать это состояние, хотел как можно дольше быть счастливым, понимая, что это лишь ширма пьяного, после которой рано или поздно придётся встретиться с нынешней реальностью. И хоть перед смертью всё равно не надышишься, но всё-таки желательно побольше подышать.

Утром восьмого дня пьянки, не успев проснуться, Виктор крикнул, чтобы ему срочно принесли вина. Он почувствовал возле себя чьё-то присутствие и разлепил ресницы левого глаза. Хмельной взгляд уткнулся в голую спину Мертвячки. Совершенно нагая она медленно расчёсывала волосы и, повернув шею, смотрела на него в упор. В её глазах отсутствовало смущение или интерес к нему — в её глазах давно поселилась ледяная мёртвая сухость, пустота, и лишь изредка проскакивала печаль — словно от прилетевшего на миг жуткого воспоминания.

— Хех, — Виктор положил ладонь на её бедро, — ты чертовски хороша. — Ладонь скользнула вверх по женскому пупку и сжала грудь. — Вот только... ты ещё чертовски холодна и мертва. Надеюсь, ты не подседа ко мне, чтобы заняться любовью?

Он напоролся на холодные отрешённые глаза ледяной статуи.

— Ну да, и не мечтай, — ответил Виктор сам себе. — И всё-таки — ты хоть и мёртвая, но какая-то живая. Ты же всё понимаешь, ешь и... в туалет ходишь. Так что лучше пока принеси мне моё вино. Я ещё пару дней побухаю и потом со всем разберусь. Возможно, тебя вылечим... выведем из мёртвых. Надеюсь.

Она широко покачала из стороны в сторону головой, поднялась с постели и пошла к холодильнику. Солдату показалось, что на её нижних веках набухли слёзы.

— Ты ещё и плакать можешь, — прошептал он. — Не всё потеряно, — на мгновение задумался, — наверное.

3

— Папа, спаси...

Солдат слетел с кровати, спросонья не понимая, где находится. Холодный пот покрывал тело. Взгляд упёрся на цифры электронных часов, зависающих над аркой входа: пять минут одиннадцатого. Виктор посмотрел наверх: в металлические жалюзи проникал дневной свет.

— Значит, сейчас утро.

Тело не болело, голова ясная, опухоли под глазами почти сошли на нет. И не знаешь теперь — радоваться, что здоров и пить вино не надо, или унывать, вернувшись в мир местной реальности.

Как обычно, Мертвячка сидела за мониторами; слышно, как её пальцы бьют по клавишам клавиатуры. Виктор подкрался, чтобы взглянуть: что же такого она печатает каждое утро, пока он не проснётся?

Указательные пальцы обеих ладоней Мертвячки по очереди били по клавише «пробел». Естественно, на мониторе отражалась пустота. Солдат не стал её тревожить, почему-то возникло чувство брезгливости, или даже гадливости. Он прошёл к холодильнику и открыл дверцу. На центральной полке для него были приготовлены две бутылки вина. Остальное место занимали металлические и стеклянные банки с консервами — все без этикеток.

Виктор закрыл дверцу и осмотрелся. На электрической плите стояла кастрюля с варёным мясом и бульоном, сковородка тоже наполнена — жареным мясом. К еде не притронулся: есть вовсе не хотелось. Почувствовал от себя дурной запах: давно бы пора помыться — благо душ здесь есть. Он прошёл к шкафу, полностью обнесённому зеркалами, раздвинул одну створку. Радостно отметил, что набит мужской одеждой, в основном военной: футболки, свитера, камуфлированные и чёрные штаны с накладными карманами и много чего другого.

— Это же отлично! — воскликнул Солдат. — Здесь жить можно — века вечные. — Он обернулся и посмотрел на спину Мертвячки. — А что... от живой не отличишь. Лишь стывшая как... как студёная смерть. — Он ещё раз осмотрел нутро шкафа, прикинув в уме, что Снайпер был сантиметров на пять выше его: если что-то будет велико, можно подвернуть. Главное — не малó.

Солдату казалось, что пребывал в пьяной эйфории целое столетие и сейчас не терпелось взглянуть на этот — распроклятый мир. Он не стал подбирать одежду, а прошёл к навесной лестнице и поднялся на балкон. Прошёлся по кругу, поражаясь разнообразию оружия — в основном снайперские винтовки и три пулемёта, смотрящие на юг, север и запад. Осмотрел маленький лифт в виде сетчатой металлической коробки: скорее всего, предназначался для поднятия тяжёлого оружия и патронов. Виктор нажал кнопку возле окна, смотрящего на площадь и озеро. Железные жалюзи заскользили вверх и скрылись в стене, стальные реснички поднялись под угол в сорок пять градусов. Взгляд сразу напоролся на два мёртвых тела — Снайпера и обезглавленного «чёрного дайвера».

Солдат внимательно осмотрел площадь, задержался взглядом на тумане, стелящемся над гладью озера, вдохнул влажный воздух. Слепило горячее солнце, буйствовала зелень. И вовсе не скажешь, что здешний свет — прокажённый, проклятый, населённый адом, где кроме комаров — и те оказались только в лесу, — не живёт ни единой букашки. Нахлынула печаль, уныние, меланхолия.

— В моей жизни — больше не будет доброго утра, — прошептал Виктор. Ладонь провела по стволу пулемёта, засевшем на раскоряченном треножнике; под берцами хрустели гильзы. — За что?

Он проснулся от натужного шёпота: «папа, спаси»; услышал невыносимый плач детей, стенания матерей; на людей — ужас опускался с небес. Виктор задал себе вопрос:

— Как умер... мой сын?

Солдат обернулся, посмотрел вниз. Мертвячка стояла по центру комнаты, задрала в его сторону подбородок; в ладонях — большое махровое полотенце.

Виктор горько ухмыльнулся, качнув головой:

— В мёртвом мире — мёртвая жена.

4

— Получается, я тебя отбил у Снайпера? Жестоко отбил. — Солдат принял из рук Мертвячки полотенце. — Вот если бы ты ещё говорить могла и... немного эмоций. — Он сжал пальцами её щёки и хотел чмокнуть в губы, но мысль успела прилететь: «Она же мёртвая. Вдруг плохо пахнет».

Виктор поднёс нос к её лбу и понюхал.

— У тебя и духи ещё есть! Так ты превосходно воняешь! — Такими словами он хотел создать подобие шутки и, взглянув ей в глаза, в очередной раз удостоверился: мёртвые никогда не потеют. «Но жрать-то — она жрёт, псы её задери!»

— Хотя — от такого льда простудиться можно. — Виктор махнул рукой и пошёл в душ,

успев заметить, что её ладонь в сотый раз, когда он стоит вплотную, прикрывает овальный кулон на груди: мёртвая-мёртвая, а за собственное золотишко трясётся.

Солдат стоял перед зеркалом и не верил своим глазам: на него смотрел сорокалетний старец с почти полностью седыми волосами. Не обращая внимания на жёлтые гематомы и нитки в швах, он рассмотрел появившиеся морщины.

— Они глубиной не как у сорокалетнего, — произнёс шёпотом Виктор, — а как у девяностолетнего. Я не переживал так сильно, чтобы непомерно быстро постареть. Что происходит? — Он провёл указательным пальцем по каждой глубокой морщине. «Если в моём организме продолжают течь такие бурные процессы, то не протяну и месяца. Сразу свалюсьдохлым как мумия — в свои двадцать четыре». И без того гнетущее расположение духа рухнуло на ноль. Некоторое время он сидел на поддоне, вытаращившись в одну точку на слюдянистом кафельном полу.

— Чтобы не бояться — считайте, что вы мертвы, — в очередной раз промолвил Солдат слова командира. — А останетесь живы — считайте, что вы воскресли. — Виктор вскочил на ноги, крутанул ручки душа. Лейка засипела, выплюнула ржавую воду, подумала и, наконец, полила размеренными струями. — Чему быть — того не миновать. Видно, боги прописали мне такую судьбу. Значит, она такая мрачная кому-то нужна. Я уже дважды умирал насовсем. — Солдат скинул одежду и ступил под тёплые струи душа. — Умру ещё раз — и воскресну.

5

Не меньше часа Виктор отмокал под кипятком. И то — прервал собственное отмывание из-за отключения воды. Сейчас не было времени разбираться, как здесь всё работает, спускаться в подвалы и всё осматривать: это он ещё успеет, в голове сидели другие планы. Мертвячка сняла с его лица все швы, которые наложила в первый день, накормила мясом и рисовой лепёшкой.

Солдат выбрал из шкафа одежду, даже ничего подворачивать не пришлось: наверное, здесь когда-то заседал ещё один человек — чуть меньше Снайпера и вровень ему. Сейчас на Викторе сидели камуфляжные штаны с кучей накладных карманов и широким кожаным ремнём и камуфляжная майка с длинными рукавами. Надел небольшой разгрузочный жилет, из сумки во все карманы напихал патронов двенадцатого калибра. На голову насадил камуфляжную панаму, глаза прикрыл чёрными солнцезащитными очками. На ногах оставил свои берцы.

В ладонях оказался амулет «чёрного дайвера». Виктор внимательно его рассмотрел: тринадцать уродливых лиц заставили содрогнуться, — и решил выкинуть — эту ужасную игрушку, опустил в один из накладных карманов штанов.

— Вот он — мой амулет. — Ствол дробовика прислонился к щеке, глаза закрылись, губы прошептали:

— Мы с тобой одного духа — ты и я. — Солдат с любовью взглянул на сапёрную лопатку, подмигнул. — Приду, отмою тебя от вражеской крови, острее заточу, чтобы яростнее плоть рубила. Эй, красотка, — он повернулся к Мертвячке, — ты меня тоже жди. Когда вернусь, то... — Взгляд напоролся на красивую холодную немоту. — А, ты всё ещё какая-то не потная. Наверное, нужно стать шаманом, чтобы с бубном и костром растопить твой мёртвый лёд. — «Но ведь она же ест, пьёт, а значит... Что её мёртвую делает живой и не даёт гнить?»

Виктор кинул последний взгляд поверх очков, положил ствол дробовика на плечо и

скрылся на ступенях за углом прямоугольной арки.

1

Солдат спустился на лифте, нажав кнопку «ноль». Странно было ощущать, что выход из башни только через крышу. Возможно, есть другой вход-выход: чуть позже он всё досконально осмотрит. Виктору не нравилось, что трупы Снайпера и «чёрного дайвера» разлагаются рядом с каланчой, хотел поскорее их убрать. Он не был суеверным, но непонятное чувство тревоги его глодало. Всё время казалось, что эти двое вновь восстанут и с ещё большим усердием захотят его прикончить.

Виктор спрыгнул с крыши, на всякий непредвиденный случай сбил ногой деревянную лестницу. Огляделся, передёрнул цевьё дробовика и медленными шагами приблизился к телу Снайпера. Неприятно было рассматривать «распотрошённое» лицо — тем более если учесть, что это его рук дело. Он не был извергом, но — однако.

— Если не можешь победить — стань другом, — ухмыльнулся Виктор и пнул мёртвое тело, проверяя — не ожил ли мертвец. — Странно, чел, хорошо выглядишь. Я думал, тебя давно населили личинки мух. — Вспомнил, что здесь нет ни одного насекомого и мысленно посоветовал: «Можешь не бояться, в тебя не заселятся».

Со стороны озера небольшой ветерок принёс запах тины, будто напомнил, что здесь ещё один тип валяется, принадлежащий угрюмой вонючей воде. Виктор перевёл взгляд направо, вспомнив, что Снайпер отбросил далеко в сторону голову «чёрного дайвера». Багровая жидкость за очками резиновой маски сверкнула под лучами солнца.

— А, ты даже мёртвый блистаешь своими огромными глазищами. — Солдат подошёл к автобусу и пнул голову из-под колеса. — Я сейчас из осин, если они здесь возрастают, сколочу ворота и сыграю с твоею головой в футбол. — Виктор вздрогнул от своих слов, в мыслях задав вопрос: «Что со мной, я разговариваю сам с собой, словно шизофреник?» — Такого цинизма и жестокости он никогда за собой не наблюдал. И хохотнул. — Видно, здешний мир — сопутствует! — Он размахнулся ногой и ударил носком берца в резиновую маску. Голова отлетела к собственному телу и улеглась возле горла. — Собаки рваные, я почти супергольфист. — Вспомнил, когда занимался кикбоксингом — тренер советовал: когда повышаешь ярость — повышай выносливость. Насчёт выносливости — в данный момент не в тему, но ярость вскипала на уровне помешательства.

«Остуди пыл, — посоветовала мысль. — Куда делись твои добродетели? Ведь добросердечнее тебя — людей не существовало». Виктор присел на корточки и отдышался, остужая гнев. Он поднял глаза к небу и через минуту ухмыльнулся:

— У бога нет плохих. Он создаёт и любит всех. Но я — не бог.

Солдат небрежно — или даже высокомерно — закинул приклад дробовика на плечо, держась за ствол, презрительно сплюнул на асфальт и направился к озеру, чтобы, как он сказал сам себе, взглянуть на обстановку.

«Теперь эта территория *моя*».

Виктор шёл медленно, внимательно осматривал посёлок: каждый дом, ограды, запylённые и побитые автомобили, столбы освещения и электропередачи. Каждую секунду он ожидал опасность: теперь его жизнь не расслабится ни на миг. Поднялся ветер, нёс пыль и сухую, будто проржавелую листву по дороге: ржавчина или кровь? Воздух наполнился вонью серы.

В начале спуска, пройдя светофор, Солдат увидел движущиеся человеческие фигуры на берегу озера, возле них кружилось какое-то существо

— Штук десять. — Виктор снял дробовик с плеча, указательный палец коснулся спускового крючка. Камушки и песок хрустели под подошвами берцев, ступавших размашистым шагом. Новый гнев с невероятной силой застил разум: как же не хочется больше видеть эти отродья!

Солдат подходил с намерениями разнести башки несчастной десятке «утопленников», но резко замедлил поступь, а приблизившись почти вплотную, не дойдя шагов десять, вовсе остановился.

Утопленники — это были дети. Они сидели на корточках, спинами к солнцу, будто грели свои промёрзшие косточки, торчавшие из лопнувших кож. Они все разом повернулись, бегло осмотрели Виктора и, больше не обращая на него внимания, устремили взгляды на горы, расположившиеся далеко за озером с левой стороны. Возле детей вился пёс-мутант, длинным языком зализывал им раны, иногда поглядывал на Солдата и утробно рычал. Правда, этот рык больше походил на клокотанье воды в трубах или котле.

— О, дьявол, — прошептал Виктор. Пёс-мутант тоже мёртвый. В одной глазнице отсутствовала кожа и другая плоть, глазное яблоко слегка вылезало, на боках почти отсутствовала шерсть, в пробитых рёбрах вырисовывались внутренние органы, но оголённые мозги, обтянутые тончайшей прозрачной плёнкой, пульсировали. Виктор содрогнулся: что или кто заставляет такое жить?

Беловолосый мальчик взглянул в сторону Солдата, поднялся в полный рост и медленно подошёл. Сухие бесцветные глаза, такие же как у Мертвячки, вперились на дробовик. Грязное лицо ребёнка испещрено лопнувшими морщинами с отслаивающимися краями, волосы склеились серо-бурой засохшей массой. Истлевающая ладонь поднялась на уровень головы, указала на дробовик; указательный палец дважды согнулся.

Солдат отступил на шаг, не веря происходящему. Как он сам определил жест мальчика: ребёнок просит — застрелить его. На детском посиневшем запястье Виктор увидел наколку: большой квадрат, состоящий из мелких квадратов; со всех сторон — цифры и буквы. Виктор лишь смог различить первые: СС.ЗР.22 — 404... Дальше не разобрать.

«Кажется, такие, как у моей Мертвячки. Нужно будет срочно взглянуть».

На границе берега и озера раздался всплеск. Солдат вскинул глаза, отойдя от мёртвого мальчика на пару шагов. Дети поднимались на ноги, одного не хватало; пёс-мутант играючи кружил возле их ног. Каждый по очереди взглянул на Виктора, начали прыгать в воду. Их головы больше не появлялись. Через минуту на берегу остались: он, беловолосый мальчик и пёс-мутант.

Ребёнок повернулся лицом к озеру, указал рукой куда-то в сторону. Посмотрел на Виктора последним — мёртвым взглядом, подошёл к краю обваленного берега и прыгнул. Пёс-мутант жалобно утробно взвизгнул и сразу сиганул в воду за ребёнком.

Солдат долго смотрел на тёмные круги, танцующие в тинистой воде. Издалека примчался приглушённый вой. Неизмеримая печаль накрыла эту землю. И снова Виктор слышал стоны матерей, плачи детей, лязгали неподъёмные цепи и ковался металл.

«Безнадёга. Впереди — лишь один беспросветный мрак».

2

Солдат поднялся по дороге к посёлку. Вспомнил, что Снайпер пообещал «чёрному дайверу»: «Потом отправлю в озеро». Во дворе одного из домов валялась на боку старая

двухколёсная тачка. Если ось не поржавела, то можно будет довести «чёрного водолаза» в его родное болото. Ведь не зря Снайпер обещал туда вернуть: наверное, в этом что-то кроется. Но Виктору не терпелось похоронить первым именно Снайпера, и тачка вряд ли подойдёт к этому здоровяку. Он не знал почему, но ему казалось, что тот ещё не полностью умер. Тогда чем его волочить к земле? Хотелось бы закопать подальше отсюда.

«Не расчленять же?» — подумал Виктор. В голове сильно кольнуло, будто ударило током.

Виктор прошёлся по заправочной станции, но кроме топливораздаточных колонок с пистолетами ничего подходящего не увидел: даже бензином не пахло. Поднял лестницу и поставил к стене левого одноэтажного здания. Когда в башне наверху вошёл в арку — Мертвячка стояла к нему лицом. Пахло жареным луком. Скворода жареного мяса, добротного посыпанного специями, располагалась на столе. Рядом — несколько горячих лепёшек и бутылка с вином.

Солдат усмехнулся и взял со стола стеклянную пивную кружку.

— Спойть меня хочешь, мёртвая красавица?

Что-то изменилось в глазах Мертвячки. В зрачках словно возгорались далёкие злые огоньки и одновременно стенала безграничная боль. Она повернулась к Виктору спиной, взгляд устремила в сторону.

Солдат посмотрел на то, куда она может так пристально пялиться, и обомлел. Когда зашёл — сразу не увидел: ближе к угловому столу с огромными мониторами находилось подобие саркофага. Отчётливые черты лица, рук и ног отсутствовали, но это была человеческая фигура-гроб: под стать Снайперу. Фигура располагалась вертикально на тележке с электронным механизмом со всякими кабелями, кнопками и дисплеем.

— Откуда ты знаешь, что я собрался предать земле Снайпера? — Виктор обошёл Мертвячку и заглянул ей в глаза. — Не для «чёрного дайвера» ведь приготовила? Или я многого не знаю?

Мертвячка пристально на него посмотрела, черты лица как-то недобро заострились. Она подошла к столу и вытащила пробку из бутылки. Наполнила кружку вином и протянула Солдату.

— Сама пей. — Он прошёлся от стены к стене, всё внимательно осматривая. Хотя и находился одиннадцатый день, но провалился в пьяном и болезненном угаре и, естественно, толком не успел познакомиться с обстановкой. — А этот гроб... как сюда доставила?

Мертвячка взяла его за руку и провела за раздвижную дверь, почти соприкасающуюся с дверью туалета и душа. Они прошли небольшой коридорчик и вышли в следующую дверь, оказались на площадке — один в один с площадкой лифта, который ведёт на крышу одноэтажных зданий со стороны посёлка.

— А, — кивнул Солдат, — так здесь ещё один лифт. Наверное, в него и ведёт главный вход... с улицы?

Мертвячка потянула Солдата за руку, приглашая вернуться в жилую зону.

— Ты когда-нибудь хоть одно слово скажешь? — Резким движением Солдат повернул Мертвячку к себе лицом. — А если я тебя загну на кровати... ты продолжишь молчать?

Она приподнялась на носочки и кончиком носа коснулась его носа. Виктор почувствовал, как голову начали сдавливать могучие тиски, постарался поскорее оттолкнуть Мертвячку. Она крепче сжала его ладонь и снова потянула за собой.

— Да-а, и, спрашивается, кто в доме хозяин?

Когда зашли за раздвижную дверь — Мертвячка оставила Виктора, убрав ладонь из его кулака, села за мониторы, чтобы щёлкать по клавише «пробел», писать свою незримую пьесу.

Перед тем как вывести саркофаг с тачкой во второй лифт — Солдат вспомнил, что когда подумал о расчленении Снайпера, то в мозг словно ударила молния.

«Так, она точно знает мои мысли. И почему-то не желает, чтобы с телом Снайпера жестоко обошлись. И умеет бить электричеством. Вот сучка. Она, случаем, не внучка... Теслы».

Виктор усмехнулся, хотя было совсем не смешно. И если вначале он думал, что со временем как-то можно будет вернуть Мертвячку в статус живых, то теперь сомневался в правильности своих благих намерений и думал — стоит ли вообще её оставлять возле себя.

А ещё посетила мысль, что через Мертвячку кто-то транслирует свой сюжет со своими коварными замыслами. Именно этот некто читает его мысли, знает о намерениях и бьёт электричеством.

3

Полдня Солдат потратил, чтобы похоронить Снайпера по желанию Мертвячки — по негласному желанию — в саркофаге. Пришлось повозиться с тяжеленным телом, которое под солнцем стало как холодец, но — ни в одном месте Виктор не увидел признаков разложения. Отвёз далеко по дороге, почти к самому танку. Вместе с телом в могильную яму кинул амулет с тринадцатью уродливыми рылами. Сильно закапывать не стал, лишь немного припорошил землёй.

Башня «тигра» торчала из-за пригорка. Солдат поднялся по дороге. Не дойдя шагов двадцать, увидел, что на полянке вся трава примята.

«Неужели кто-то есть ещё?»

Положив ладонь на опущенную пушку, он поразмышлял, вспомнил, когда в первый раз встретился с «тигром» — то за час до его появления здесь произошёл бой. Везде была свежая кровь, россыпью валялись гильзы на примятой траве, пахло гарью и порохом.

«Конечно — на этой земле кто-то есть ещё. Этот зловещий мир не оставит в покое — никого».

Виктор зашёл за танк и замер. Раньше здесь — небо созерцало треугольник, сложенный из трёх скелетов германских танкистов. Но теперь — кто-то сложил из мёртвых тел, расчленив в месте пересечений, звезду, в центре которой лежала голова барана. Бедняга омовец — его тело тоже приобщили к знаку.

— *Вот* для чего тебя здесь оставили. Вряд ли это твои... — Виктор взглянул на торчавший из-за угла утёса шпиль каланчи: смутная мысль пробежала. — А твои, скорее всего, давно погибли. *Здесь* погибли. И — их унесли. Интересно, для кого это послание? *Мне?..*

Солдат вспомнил про пирамиды — и мегалиты, которые когда-то были звёздными аэродромами, — все ориентированы на север. Виктор поднёс ладонь ко лбу, создав над бровями козырёк, и, сильно шурясь, взглянул на солнце. «Всё правильно, сейчас посёлок на востоке, значит, голова омовца, а также головы трёх скелетов смотрят на север. — Солдат подошёл к одному из пиков звезды. — А голова барана на юг, и теперь не выглядит перевёрнутой. Зато — звезда получается перевёрнутой. Перевёрнутая пентаграмма».

— Здесь снова дьявол торжествует, из тел и крови, создавая топи...

Виктор залез на башню «тигра», зачем-то заглянул в открытые люки и осмотрел нутро,

спрыгнул на траву, пошёл к посёлку — убирать тело «чёрного дайвера».

Солнце подходило к горизонту, почти касалось верхушек деревьев; надвигалась вечерняя духота, наполняла каждый уголок, каждую впадинку. Наконец, Солдат разобрался с телом «чёрного дайвера», закинув голову подальше в озеро.

Ещё на площади перед каланчой, когда приматывал обезглавленное тело к почти вертикальным штырям электротележки, — содрал маску с лица. Это оказалась молодая женщина; её огромные синие глаза осуждающе смотрели на него. Виктор сделал вилку пальцами и прикрыл застывшие веки.

«И какими смертями её сюда занесло?»

Голова без маски не желала сразу тонуть, разыгравшиеся волны прибивали её к берегу. Не желал Солдат уходить с таким образом в памяти — бьющегося женского лица о берег в окружении мелкой тины. Пришлось сходить к «бомжатскому секонд-хенду», принести тряпку, вместе с головой наложить камней. И только тогда голова ушла под воду.

— Надо же, какая воля к свету. Даже мёртвой не хотела погружаться в вечную темноту.

Виктор прошёлся по пустоши, несколько раз туда-сюда пересёк дорогу, извивающуюся сухой полосой к мёртвому посёлку. Теперь это его территория? Зачем куда-то идти и что-то искать. Здесь можно долго прожить. Крепкое жильё — есть; обороняться, если найдётся от кого, — есть чем. Ещё не спускался в низ башни, но, кажется, там оружия столько — что можно вооружить роту, если не батальон, и устроить настоящую большую войнушку. Свободной и хорошей земли — валом, чтобы соорудить разные огороды или теплицы, дабы снабжать себя пищей.

Солдат подумал о Мертвячке и улыбнулся:

— И даже есть подобие жены. Мёртвая и ледяная как смерть, но красивая и еду готовит вкусную. Ещё бы...

Лишь одна мысль омрачала и щекотала мозг раскалёнными крюками: «Ведь кто-то переделал треугольник из мертвецов на звезду? На перевернутую звезду».

Виктор долго ещё ходил от озера к полосе насаждений и обратно, дав волю размышлениям и не поднимаясь к посёлку. Он отлично понимал, что если двинет свой путь дальше, то впереди его ждёт быстрая неминуемая гибель. Вряд ли можно долго протянуть в таком гиблом мире. Возможно, когда-нибудь он постарается вернуться в свой мир — если в него существует дорога. Возможно. И решил — он остаётся.

Солдат не стал подниматься в башню через крышу: зачем? — когда есть нормальный вход. Нужно только обойти периметр одноэтажных зданий. Там есть целый двор, вход в который через широкую арку с крепкими металлическими копьёобразными воротами. Во дворе стоит мотоцикл на вид нерабочий, но в недалёком будущем можно попробовать починить. Виктор обратил внимание на металлический стол, примкнутый к бетонной стене. Что на столе, что на стене — крови столько, словно поливали из вёдер. Громадный топор вбит в замусоленный пень, воткнуты мясные ножи. Слева от стола расположились две двери. Сейчас некогда здесь всё осматривать. Чуть позже — обязательно.

Виктор оставил электротележку на улице, вошёл в лифт.

На выходе — или при входе, в жилом помещении его ждал сюрприз. Нагая Мертвячка стояла к нему спиной, согнувшись, что-то искала на полу; ладони гладили по бетону. Создалось ощущение, что она плохо видит. Наблюдая за голой женщиной, Солдат понял, что ему сейчас больше всего не хватает. «Какая же у неё великолепная фигура! — восхищённо воскликнула мысль. — Кожа гладкая и белая как молоко».

Созерцание затянулось. Он поставил дробовик к холодильнику, тихо подошёл и спросил:

— Что ищешь?

Не обращая на него внимания, Мертвячка продолжила свой поиск. Он захотел ей помочь, присел на корточки, но она его оттолкнула и подбородком указала в сторону, чтобы он отошёл.

— О-о, иногда бурёнка становится тигрицей? — Глаза Виктора прошлись по женской груди: кулон под шеей отсутствовал. Мертвячка повернулась к нему спиной; он хлопнул по её ягодице и нарочно резким голосом — она реагировала на грубость как живая и немного боялась — сказал:

— Давай, ищи скорее и поешь сваргань. Я — в душ, смою пот и пыль, спущусь вниз. Надо познакомиться с новыми приобретениями, посмотреть, чем придётся обладать.

Под каблуком берца блеснуло золото. Виктор поднял.

— Ты не это ищешь?

Резкость и ярость Мертвячки оказались столь неожиданными, как и сила. От удара ладоней в грудь Виктор отлетел к навесной лестнице и сильно приложился затылком о металлическую ступеньку. Она подбежала к нему, вырвала кулон на оборванной цепочке, сильно сжала в кулаке, что был слышен хруст кожи, прислонила к груди. Её глаза уставили взор над Виктором и умчали мысли в далёкое воспоминание.

Солдат поднялся на ноги, удивлённо качнул головой: чуть посильнее — и пробил бы грудь. В мужском отделении шкафа отыскал полотенце и прошёл в душ. Прошло двадцать минут. Когда выходил — Мертвячка всю варила, жарила и парила на электрической плите. На бёдрах сидели новые чёрные шорты, серебристая мужская рубаша затянута на узел над пупком. Кулон покоился на груди под шеей, вместо золотой цепочки — тонкая чёрная верёвка. И — Мертвячка что-то тихо напевала.

«О, — заметил в мыслях Солдат, — рождаются первые звуки и эмоции. — Подошёл к холодильнику и взял дробовик. — Что же такого тайного хранится в кулоне? Нужно узнать, когда спать будет. Хотя... она вообще когда-нибудь спит?»

Виктор осмотрел громадную комнату: приятное бело-голубое освещение от дневных ламп и мониторов; на полках так много книг — непременно придётся всё прочесть; слева от арки расположился ещё один огромный стол с выключенными мониторами и множеством электронных приборов, под крышку которого задвинуто два кожаных кресла. На стенах присутствует несколько картин.

— Не хватает камина, — довольным тоном произнёс Солдат, — а так, почти рай... хоть и проклятый. — Пошёл к восточному лифту, чтобы спуститься в самый низ каланчи. Немного буравил мысли — образ кровавого стола во дворе.

1

Звякнул остановившийся лифт, дверь плавно открылась. В глаза бросились наставленные друг на друга металлические ящики со знаками радиации, бока окрашены в синий раскрас. Солдат осмотрел квадратное помещение, жёлтый погрузчик с поднятыми вилками и цинковым гробом. Поёжился от такого вида и прохлады, прошёл дальше в высокую арку, свернул за угол. Сырой тяжёлый воздух и застоявшийся запах ржавчины заставили Виктора остановиться.

Перед взором простилался очень длинный коридор, заканчивающийся аркой с раздвижными металлическими воротами. Слабое, но достаточное, чтобы всё видеть освещение исходило от куполообразных настенных светильников. Стены с обеих сторон усыпаны закрытыми массивными дверями с небольшими, круглыми окошками, накрытыми стальными решётками. Большинство кафельных плиток на полу и стенах отбиты.

Виктор шагнул, и в следующий миг коридор завибрировал, словно наполнился переливающимся полупрозрачным воздухом. В самом конце вспыхнула темнота и стала неумолимо надвигаться чернильным туманом. Коридор наполнился полупрозрачными кричащими людьми, создаваемыми невообразимую панику. Грохотала оглушительная стрельба. Палили военные, одетые в чёрную форму, на головах — чёрные шлемы с забралами. Они что-то видели, кричали, указывали пальцами. Сначала все их взоры и автоматы были направлены на надвигающийся мрак, но уже через минуту они открыли ураганный огонь во все стороны. Пули разбивали кафель, пробивали людей в белой форме, выбивали камень из потолка.

В неглубокой выемке плакала девочка, ладонью прижимала к груди тряпичную куклу и старалась сильнее вжаться в стену. Губы сильно дрожали, из носа текли сопли, в больших глазах поселился невероятный ужас. Солдат хотел подбежать и как-то помочь, спрятать. Военный почти вплотную приблизился к ней, направил ствол автомата.

— Нет, нет! — с ужасом в голосе закричал Виктор.

Слюдянистая искажающаяся фигура начала отделяться от плачущей девочки, но военный опередил: автомат короткой очередью разнёс детскую голову. Тряпичная кукла высоко подлетела из вскинувшейся руки.

Несколько пуль взвизгнули возле головы, ударились рядом в стену. Виктор точно ощутил, как бетонные брызги ударили в лицо. А через секунду почувствовал, что тело прошил горох из стали. Он даже ощутил сильную боль. Осмотрел себя — жив, не ранен, всё тело на месте — и прыгнул под каталку, накрытую кровавой простынёй.

Один военный подбежал к каталке и выпустил целый рожок над головой Виктора. Плечи и голову осыпали мелкие куски кафеля и бетона. Военный открыл забрало и всмотрелся в глаза Солдата. Ствол автомата чуть ли не коснулся лба.

«Так он меня видит?! — заорал в мыслях Виктор, вскинул дробовик и начал ускоренно давить пальцем на спусковой крючок, громыхая двенадцатым калибром. В ответ из автомата вырвался огонь, пули сквозь тело били по стене за спиной, свистели рикошеты.

Что-то чёрное метнулось со стороны Солдата к военному. В следующий миг тот упал на пол и начал извиваться, срывая с себя одежду, будто бы хотел как можно быстрее освободиться от кипящей смолы. Потом тело покрылось чёрными бурлящими пузырями;

кожа изнутри пропиталась кровью, и плоть начала расплываться как однородный кровавый сгусток.

Военные начали расстреливать мечущихся гражданских и когда никого не осталось, устроили яростную перестрелку между собой.

Мрак поглотил половину коридора, из центра вырвалась красная вспышка, охватила всех, оставив от мёртвых и живых одни лишь обуглившиеся скелеты. По коридору промчался полупрозрачный чёрный пузырь, надулся и схлопнулся.

Виктор застыл, сжимая в пальцах патрон, наполовину всунутый в зарядное отверстие дробовика. После адского грохота, резко наступившая тишина давила на уши. Сидя на корточках, подождал, пока сердце перестанет громить грудную клетку, вытер ладонью пот со лба, пропитанный песком и цементной крошкой.

— Я только что увидел прошлое. — Виктор вытянулся в полный рост и не спеша пошёл вглубь коридора. — Век живи — век удивляйся. Интересно, когда здесь такое вершилось? Неужели и мне в реале с таким придётся столкнуться?

Он шёл не спеша, тщательно всё рассматривал, пробовал открыть каждую дверь. Заглядывал в круглые окошки, но толстые стёкла были покрыты бархатной пеленой.

— И зачем тогда нужны окна? — Пару раз бил прикладом дробовика, но всё тщетно: стёкла как броня.

Бедная девочка с куклой никак не желала покидать его голову. Она чудилась ему везде. В какой бы тёмный угол он не смотрел — сначала появлялось детское лицо, голова разлеталась от очереди из автомата.

— Наверное, патроны были разрывные. Но я ничем не мог помочь, — оправдывал сам себя Солдат. — Это ведь прошлое. Застрявший мир призраков. — Правда, присутствовало чувство, когда военный поднял забрало, в его глазах заметалось сомнение — стрелять или не стрелять. Пока из-за Виктора не вылетела какая-то сущность.

Солдат подошёл к дверям, рука потянулась к металлической ручке на воротах.

Следующий коридор оказался раза в два шире первого. И это точно когда-то была тюрьма — старая тюрьма. Решётки камер изъедены коррозией, раздвижные двери открыты; грязь, сырость, полумрак. Повсюду валяется одежда, посуда, какие-то палки, металлические штыри, мельницы, зубные щётки. Разбитые толчки и раковины, электрические приборы, провода. На потолке тускло горели лампы. Виктор задался вопросом: откуда берётся энергия для обеспечения всего электричеством?

— Да, здесь люди тоже метались в панике.

Не разьяснив себе ни одного вопроса, зудевших в голове, Солдат прошёл дальше, в следующую арку решётчатых ворот.

Пришлось побродить по лабиринту коридоров. Остальные помещения оказались почти в идеальной чистоте. Белые, стеклянные, блестящие нержавеющей сталью и напичканные разным электронным научно-исследовательским и техническим оборудованием; огромный склад с оружием и огромная серверная за стёклами. Никуда Солдат не смог проникнуть. Бронированные двери и стёкла его не впустили. Везде нужны коды и электронные ключи с личной идентификацией. Лишь в одном месте он смог посидеть на кровати и перевести дух: большая комната с двухъярусными кроватями — что-то подобное казарме. Но и здесь он не смог найти какой-либо полезной информации. Наверное, Снайпер давно всё подчистил.

Солдат вышел в зал не меньше футбольного поля. Каменный свод возвышался на тридцать метров. От такого величия захватило дух. Прямо перед глазами вырисовывалась

арка каменных ворот. Её высота соприкасалась с потолком зала.

Солдат от изумления открыл рот, не заметил, как положил дробовик на пол, и направился через бетонную площадку, не отводя глаз оттого, что видел.

Из двухметровой каменной окантовки ворот выдавливалась каменная масса, блестящая вкраплениями слюды и чистого металла. И в этой массе застыли каменные изваяния демонов. В их лицах застыли злоба, ненависть и страх. Они тянули вперёд свои когти, клыки, рога и рыла, словно спешили выйти из каменного утопления.

— Именно страх, — прошептал Солдат. — Из-за того, что они не успели. Их нашествие остановили, чем-то окаменив. Им не дали пройти. Но судя по этому миру, всё же большая их часть успела вторгнуться. — Он вспомнил дневник ребёнка из домов в посёлке наверху: *«Сегодня никого не было. Все куда-то делась. Я доел брата. Но потом явился другой. Я и его съел. А потом ещё один явился. Мы вместе с ним съели его. А перед этим вчера нам сказали, что у них что-то случилось. В наш мир кто-то явился, вторгся»*. — Хотелось бы ошибаться. А это всё спектакль. Здесь просто снимали кино. — Глубоко в подсознании возникло крохотное сомнение, что всё-таки не в этих демонах дело. Что-то есть ещё. А ещё — есть и ещё хуже.

2

Солдат вернулся в башню.

Мертвячка сидела на диване, уставив глаза в одну точку. Виктор не собирался задерживаться и вникать, над чем мёртвая кайфует; он хотел спуститься на другом лифте во двор и посмотреть, что находится за дверями возле кровавого стола. По земле от этих дверей шли дуги, вытоптана вся трава, словно свиньи рылами искали жёлуди, и было件нятно, что постоянно открывают.

— Здесь не так много патронов. — Виктор налил из графина воды и выпил. — Твой Снайпер их не жалел. Значит, где-то есть большой запас. Во дворе есть двери. Я иду туда. Патроны там?

Мертвячка в глубокой задумчивости часто поморгала и кивнула.

— Отлично. — Солдат с радостью потёр ладони. — Хоть в этом удача причапала, не снимая туфель. Там, наверное, закрыто? Нужны ключи.

Мертвячка кивнула, поднялась с дивана и прошла к столу с тремя огромными мониторами. Пощёлкала по каким-то кнопкам под настольной лампой. Левая стена над крышкой стола медленно поползла, обнажая дверцы сейфов. Под блестящими круглыми ручками подсвечивались синим цветом — кнопки кодов.

— Подожди. — Виктор подошёл со спины Мертвячки и нежно отодвинул её в сторону. — Я хочу знать коды. Показывай.

Она незамедлительно протянула к нему запястье.

— Так это код? — удивился Солдат. — Ты всего лишь мёртвый ходячий код для этих сейфов? — Он вспомнил, что у беловолосого мальчика видел такие же первые буквы и цифры. — Вряд ли. Хотя, может, вы все к чему-то привязаны с вашими наколками.

Виктор пощёлкал указательным пальцем по кнопкам, повернул ручку, тепля надежду, что внутри могут оказаться ключи от всех дверей в нижних коридорах башни: всё он так и не обошёл. Но через минуту ждало разочарование. В двух сейфах наличествовали лишь ключи, два пистолета с двумя запасными обоймами, неполная пачка сигарет со всунутой внутрь дешёвой зажигалкой и свёрнутая вчетверо карта.

— Хэм-м, — хмыкнул Виктор, — разгубастился. Думал, для твоего блага сокровища

припасли? — Рассмотрел один пистолет, передёрнул затворную раму. — Макарыч. Годный. Обойма полная. Такая вещица сгодится. — Сунул в боковой накладной карман штанов. Второй пистолет оставил в сейфе. — Чёрт, оттягивает штанину. Нужно будет поискать кобуру. — Карту развернул, быстро осмотрел и положил обратно. — Карта, очень интересно. Позже. — Покрутил пачку перед глазами. — Сигаре-е-еты. Очень редко пробовал. Но сейчас... — Вспомнил, как смотрел старый фильм «Синьор Робинзон». Когда этот тип нашёл пластинку жевательной резинки, то с жадностью запихал в рот вместе с обёрткой. — Не, я ещё не до такой степени одичал. — Опустил пачку с сигаретами в другой боковой карман штанов и прошёл к двери, открывающей путь к западному лифту. Когда выходил, очень удивился: Мертвячка стояла на коленях и, похоже, молилась невидимому божеству.

— Лучше есть готовь! — крикнул Солдат. — Я и ещё вина выпью. И с тобой нужно решить — кем ты мне теперь являешься.

3

На землю давно опустилась темнота, горели фонари по периметру стен, приютившиеся под свесами крыш, напоминавшие маленькие прожектора. От травы исходила лёгкая дымка. Слышно, как где-то под землёй бурлит подводная река и издалека из-за крыш доносится звук, будто мощнейшие вентиляторы гоняют массы воздуха.

— Надо же, как отлажено, фонари сами включаются. Хорошо, а то не взял, чем подсветить.

Солдат подошёл к стальному столу. Фонарный свет — лишь в некоторых местах отражался от поверхности, остальное покрыто засохшей кровью разных оттенков, в одном месте есть даже чёрная. Ладонь прошлась по гладкой ручке топора. Виктор давно отгонял мысль: откуда Мертвячка и Снайпер брали мясо? Вряд ли оно принадлежит «утопленникам». Быть может, Снайпер где-то промышлял каким-нибудь зверьём? Что-то сейчас как-то не верилось в это. Пришло время узнать. Солдат почувствовал, как от представленного лёгкая тошнота подступила к горлу. Ладно, раньше времени не стоит фантазировать. Возле ближней двери на стене повернул крупную ручку чёрного массивного выключателя. Повозился с открыванием двери, подбирая нужный ключ в связке.

Внутри помещение оказалось больше, чем выглядело снаружи само одноэтажное здание. Как только зашёл — сработали датчики движения, всё осветилось лампами дневного света. Стальные рифлёные полы отозвались под подошвами берцев. Наличествовали три двери: одна по центру слева и две справа. И три надписи над ними: «МОРГ», «ОРУЖИЕ» и «СТОП». На третьей пластине помимо слова «стоп» — щерился череп с костями и молнией: за этой дверью, по всей вероятности, электроснабжение. Наверное.

Глаза Солдата никак не могли увести взор от пластины со словом «МОРГ». Логика и интуиция вызвали новый приступ тошноты, уже покрепче первого. Естественно, в первую очередь Виктор направился в эту дверь; замок отсутствовал, лишь — крупная задвижка.

Белый кафельный пол и такие же стены почему-то напомнили о фильме про психушку в далёком Советском Союзе, а ручки на нержавеющей дверцах в отсеках для мертвецов — старинные холодильники. Виктор медленно поводит головой влево-вправо, когда увидел следующую дверь с металлической табличкой сверху: «ХОЛОДИЛЬНИК».

— А отсеки для жмуrow — это разве не холодильники? — Пробежалась мысль, чтобы пока дальше не ходить, а лучше с приятным чувством приобретения и собственности осмотреть комнату — или даже комнаты — с оружием. Солдат махнул рукой и направился к холодильнику.

Через пару десятков шагов уже мчался на улицу, чтобы выплёскивать и выплёскивать содержимое собственного желудка. Добежать не успел, упал на колени перед дверью оружейной комнаты и уткнулся лбом издав первое громкое:

— Бу-у-э-э! — Вспомнил, с каким большим наслаждением поглощал блестящее мясо в ароматных специях, имел удовольствие от макания рисовой лепёшки в жирную подливку, запиваемую вином, и соотносил с увиденным: на крюках висели разделанные тела людей со снятой кожей, пузырилась тонкая жировая плёнка на оголённых мышцах, жилы, рёбра, ящики с одеждой — в том числе и омовцев. — Бляха-муха, вот это я поел гуляшика. Бу-у-э-э! Бу-у-у-э-э-э-э! Бу-у-э-э!

Казалось, вселенная рухнула с небес. Неимоверный грохот пронёсся над каланчой. Двери, стены, земля — шатались. Солдат вскочил на ноги, вытер ладонью губы.

— Что... что это? — Его шатнуло, едва не упал, потеряв равновесие. — Землетрясение? — Подобрал с металлической плиты дробовик и ринулся на выход. Новый грохот и качание увели тело в сторону. Виктор припал на одно колено, уперев ладони в углы дверного проёма, выругался, снова вскочил на ноги и вылетел в дверь. Над крышами и каланчой со стороны посёлка неслась пылевая буря. Пахло озоном, водорослями и свежей рыбой. Земля под ногами ходила волной. Казалось, башня не выдержит и рухнет, а одноэтажные здания рассыпятся на кирпичи.

Через минуту всё стихло.

Виктор издал смешок, потом громче хохотнул и рассмеялся:

— Нашёл местечко и пожил счастливо!

Скинув смехом нервное перенапряжение, он поспешил к лифту.

Наверху ожидал новый сюрприз. Мертвячка сидела по центру комнаты, поджав под себя ноги; глаза смотрели в потолок, пальцы ладоней сжимали золотой кулон под шеей. Из горла вылетало натужное вытьё, иногда скрежетали зубы.

— Ну вот, выть научилась. Скоро базарить начнёшь. — От этого охрипшего высокого вытья, словно умом свихнувшейся женщины — по телу пробежали мурашки. Солдат забрался по навесной лестнице на балкон, подошёл к окну с пулемётом, нажал кнопку открывания жалюзи и стальных ресниц. В лицо дохнула прохлада, будто там — ближе к озеру разместили холодильник мегалитических размеров. Виктор всмотрелся в оконный проём. Сразу за посёлком расстилающаяся дымка, подсвеченная изнутри зеленоватыми всполохами, отходила к горизонту, где начинались леса и топи. Сначала взору предстал мрак, словно бездонная пропасть вобрала любой малейший источник света. Мертвячка остановила своё душераздирающее стенание. Чёрная вода наполнялась мизерными кровавыми точками.

— Очертенеть, — прошептал Солдат, стараясь лучше рассмотреть любые вырисовавшиеся очертания. — Низины больше нет.

В провале от посёлка до горизонта, где темнота соединяется с небом, волновалась вода, словно безбрежный океан поглотил всё живое. И была эта вода — наполнена одними мёртвыми — утопленниками, чьи глаза полыхали лютой непримиримой ненавистью.

— Они берутся из чрева земли? Ведь не может такое количество уместиться в озере. — Солдат непроизвольно похлопал патронный короб на пулемёте. — Что я сделал не так, что они снова восстали? Вот и пожили, вот и отдохнули. На длительное не расслабишься.

Солдат долго смотрел унылыми глазами, пока веки не начали слипаться. Не заметил, как головы «утопленников» исчезли. На водной ряби плясали отблески рассвета. Виктор облегчённо вздохнул, но на сердце улеглась тоска от безысходности: наверное, в здешнем

мире не найти спокойного местечка.

— Не хочешь сеять, не желаешь пахать, тогда будешь воевать. Это ненадолго. Они ещё вернутся.

Солдат пошёл спать: возможно, это будет последнее спокойствие, если, конечно, всё, что произошло за последние дни, можно назвать спокойной жизнью. Хотя, в принципе, было неплохо. Сон, вино и — много вкусного мяса.

4

Солдат открыл глаза, никак не мог понять, где находится. Во рту пересохло: вспомнил, что в последний раз пил воду перед выходом во двор. Хотел вскочить с кровати, чтобы взлететь на балкон и выглянуть в окно. Левую, раскинувшуюся на простыне руку что-то придавливало. Виктор повернул голову: Мертвячка лежала рядом — затылком на его локте. Голая. Волосы раскинуты по подушке. Белая кожа словно вся припудрена. Колени согнуты и слегка расставлены в стороны.

Солдат усмехнулся: «Приглашает в гости?» Дотронулся её пупка, провёл ладонью вверх, по груди, по шее и снова опустил к пупку, немного ниже. Почувствовал сильное желание.

— В сотый раз поражаюсь твоей красоте, — прошептал Виктор, — и в сотый раз поражаюсь твоей стылости. — Прошёлся носом от её плеча до подбородка, втягивая запах. Кожа пахла какими-то цветочными духами и одновременно сырой резиной. Он усмехнулся. — И всё же — мёртвая. Как-то не приходилось заниматься сексом с мёртвыми красавицами. — Он ещё раз усмехнулся и вытянул руку из-под головы Мертвячки. Осторожно, чтобы не разбудить приподнял её запястье и пробежался глазами по наколке. — Ну, СС — это, наверное, совершенно секретно, — ухмыльнулся и качнул головой. — Я так рассекречиваю. ЗР — типа какой-нибудь зомбо-робот. Двадцать два... — Виктор погладил пальцами подбородок. — Наверное, двадцать два Иерофанта — одиннадцать злых и одиннадцать более-менее. — Он улыбнулся. — Или двадцать два футболиста на одном поле. Четыреста четыре... — Солдат потянулся губами к уху Мертвячки. — Красавица, ты... ошибка. Остальных цифр много, чтобы как-то понять.

Блеснул золотой овальный кулон. Виктор потянулся пальцами, чтобы его снять. Ресницы Мертвячки задрожали, будто не спит, а притворяется. Дыхание участилось. По лицу протянулась сеть мельчайших веночек.

— Ого. Что же ты за существо, такое незнакомое и опасное, точно из страшной сказки. Ладно, позже украду твой... золотой надсисьник. — Утром, перед тем, как лечь спать — на балконе понажимал по кнопкам. Нажав одну — из стен каланчи вылезли острые штыри. Два выскочили прямо под оконным проёмом. Интересно, когда это соорудили? Значит, давно обороняются от кого-то, и, возможно, от тех же самых «утопленников».

— Сколько же существует этот проклятый мир? — задумчиво задал себе вопрос Виктор. — А мы все вроде жили и не тужили, не имея представления о таком. — Мыться в душ не пошёл. Схватил дробовик, ключи и помчался к лифту, дабы спуститься во двор, осмотреть оружейную и натаскать наверх: патронов, гранат и всего, что сможет пригодиться в нешуточной битве.

Ровно три часа Солдат потратил, чтобы добрать вооружение на балконах — взмыленным таская ящики с боеприпасами. Если суждено погибнуть — то он свою жизнь ни за грош не отдаст; он, если что напоследок постреляет перед смертью, повеселится. Хотя, возможно, он переоценил опасность. Утопленники повыскакивали из своих нор из-за провала, а не для того, чтобы его своими красными глазелками попутать.

Ещё пару часов Солдат чистил некоторое оружие. Рядом с навесной лестницей на балкон тянулась ещё одна на самый верх каланчи. Вот туда-то Виктор сейчас и поспешил. Мощных восемь прожекторов предстали, направленные во все стороны света. Вся крыша покрыта панелями для сбора солнечной энергии. По центру — возвышался толстенный шпиль, на котором крепилась узкая лестничка. Из середины шпиля от башни далеко-далеко к земле тянулся трос. Здесь же прикреплены карабином ручки с роликами.

— У-ух, банзай! — Вскрикнул Виктор. — Как-нибудь надо прокатиться. Вот это будет развлекательно. А я-то думал зачем эти палки с колёсами в оружейке. Наверное, запасные.

Солдат подошёл к шпилю и ухватился рукой. С высоты орлиного полёта взглянул на посёлок. Вдрогнул, по телу пробежали холодные волны. Сразу за посёлком под горячим солнцем светилась одна вода. Затопленные дома, столбы, водонапорная башня пребывали на месте. Виктор взглянул на горы, почти растворяющиеся в дымке: туда смотрели мёртвые детишки. Да, чрезвычайно интересно.

Что-то захотелось есть. А чем теперь питаться? Мертвячка снова жарит мясо. Пусть сама уплетает. А он пока утолит голод рисовыми или кукурузными лепёшками с мармеладом. Некогда было захватить другой провизии со склада, находящегося там же, где оружие: там хранятся разные закатанные банки. Уйма банок. Снайпер, скорее всего, охотился на людей как на зверя, и питался, а всякие консервы берёт.

По неизвестной причине на сердце стало нехорошо, как-то гадко и одиноко. Вспомнился отец, и его странная паранойя. У него всегда на полке над входной дверью находился чемоданчик. Он его называл — «тревожный чемоданчик», в котором находились документы, лекарства и самое необходимое для дня ЧС.

Ха-ха, тревожный чемоданчик. Да, так и называл. И как бы не смешно звучало, но здесь собрать такой же не помешало бы.

— Да, — покивал Виктор, выходя из задумчивости. — Рюкзачок, хотя бы. — Кинул последний взгляд на посёлок и озеро: странно, солнце какое-то медное, — и пошёл спускаться в жилую комнату.

Яростная атака «утопленников» началась — ещё диск солнца наполовину не опустился за холмы.

1

Солдат сидел за обеденным столом, когда произошла трансляция в его мозг. Он схватился ладонями за голову, вскрикнул от неопишуемой боли и упал на колени со стула, в мозгу побежали чужие слова: «Тебе привет из ада. Мне там хорошо — потому что я теперь принадлежу *ему!* А *тебя!* ждёт боль вечного гниения, вечного сожжения, вечные терзания психических мук! От которых твоя душа будет желать погибнуть навеки. Но для неё смерти не будет. Смерти — *освобождения!* Ты — будешь вечным рабом боли. Зря ты убил меня. Тебе нужно было просто пройти стороной. Твоё честолюбие — тебя сгубило. Но ты можешь принять *Его* правило: лучше сто раз продать душу дьяволу, чем один раз пропасть в объятиях вечной боли. И — ты *почти!* прошёл испытание. Осталось совсем немного — остаться здесь живым. Ха-ха-ха-ха! Я больше не позволю тебе выйти победителем! Потому что *Он* со мной, а *Я* с ним! Ха-ха-ха!

Виктор шарил ладонями по полу, будто потерял очки, без которых он как крот. В глазах — то появлялось изображение, то вновь возникала полнейшая темнота. Мертвячка вскочила коленями на кровать, закатила глаза под лоб. Её всю трясло. Она поднимала руки словно в молении, сильно стучала зубами и выкрикивала проклятия, похабные ругательства в адрес Виктора, истерично смеялась вперемежку с визгами.

— Ты ещё захрюкай, тварь! — крикнул Солдат. Послания мужского голоса сквозь сильные шипящие помехи продолжались в голове, немного урезались, оставляя половины слов. — Не распознал я. — Он шёл сквозь мигающий мир в глазах к лестнице. — Нужно было сразу тебе голову отрубить, в тот же день — со Снайпером. Проскочила у меня один раз такая мыслишка. Зря не поверил подсказке интуиции.

Виктор забрался на балкон. Вспышки света стихали, боль в голове унималась, а этот *некто* полностью прекратил в его голове омерзительные смешки и послания.

Солдат выглянул в центральную бойницу, ровно смотрящую на площадь. От находившихся перед башней «утопленников», кроме крыш домов, не осталось ни одного пустого клочка земли до самого горизонта. Почти у каждого в руках оружие: палки, разбитые бутылки, арматура, камни и кирпичи, грабли, лопаты, цепи, серпы и всё то, что когда-то было выброшено людьми на свалки, потерянно или спрятано в земле. Мертвецы стояли в полнейшей тишине. Они приготовились к штурму башни.

Солдат вспомнил, что ему сказали: они учатся. Подбежал к коробке с разными кнопками и переключателями, включил все прожектора и вернулся к окну.

Не кишащие головы «утопленников» больше всего повергли Виктора в шок. Он почувствовал, что ноги желают подогнуться в коленях, земля уйти из-под ног, небеса перевернуться и перевернуть весь мир.

— Как же так? — тихо произнёс Солдат. — Как же так?

На десятиметровом пяточке окружённый своим мёртвым войском стоял — машина Снайпер. Сейчас он был похож, как создались ассоциации в голове Виктора, на чёрного и кровавого карателя из преисподней. Его мышцы стали ещё мощнее. Шея напоминала дубовый пень, кулаки — пудовые гири, а грудь — железобетонную плиту. В глубинах чёрных глазниц светились красные огоньки. Даже из ноздрей отрезанного носа исходили потоки красноватого пара.

Снайпер задрал лицо, высоко поднял руки; из пальцев потянулись электрические нити, орошая энергией оцепеневшее войско. Виктор поперхнулся воздушной струёй. Много мгновений они смотрели друг на друга.

— Эй, ты, грозный буцефал! — крикнул Солдат. — Как ты хочешь со своими лохмотьями башню взять?! Для твоих оборванцев она неприступна, сам знаешь?! Их тела, походившие на холодец, не смогут разбить стены... или выломать металл на бойницах!

Снайпер растянул рот, что-то подобие безгубой ухмылки. Левой рукой поднял с груди тот талисман, который Виктор подобрал в могилу к крышке саркофага, несколько раз ткнул в сторону каланчи.

Солдат выпрямил «колени» двух задних ножек треножника, чтобы ствол пулемёта опустился ниже. Кинул взгляд на запасные короба с патронами, лежащие с обеих сторон. Тут же находились ящики с гранатами. Обернулся и осмотрел по кругу весь балкон: напичкан оружием до отказа. Все окошки закрыты стальными ресницами.

Мертвячка бубнила злобные заклинания, иногда повизгивала точь-в-точь как свинка.

Продолжая держать талисман в сторону башни, Снайпер поднял указательный палец правой руки.

— Я знаю, надо тебя замочить и успеть к тебе, чтобы отрубить голову... так же, как ты сотворил с «чёрным дайвером». — Сквозь оптический прицел пулемёта Солдат хорошенько осмотрел Снайпера, его грудь, талисман. — Как же я глуп. Не понял. Нельзя было расставаться с такой вещью. Тем более кидать в могилу вместе...

Снайпер опустил правую руку параллельно земле. Словно мегалитический пласт земли вздрогнул, сдвинулся и ринулся на башню.

От увиденного у Виктора захватило дух. Он сжал в гневе губы, передёрнул рукоятку перезарядки, сплюнул и заорал:

— На, хавай, мёртвая падаль! — Грохот пулемёта взорвал притаившуюся тишину вместе со всепоглощающим ором мертвецов. Первые пули прошили тело Снайпера; он резко ушёл в сторону, упал на колени, склонив голову, продолжал держать перед собой талисман. — А-а-а, ха-а-а-а! — орал Солдат. — Жри стальные огурцы! — Пулемёт лупил, дрожал; вырывающийся огонь из дула отражался в обезумевших и радостных глазах Виктора. — Ах ты, шкура inferнальная, уворачиваться вздумал! Хотели запугать Солдата! Я вас сейчас сам запугаю! Были мёртвыми... станете ещё заиками! В-в-вали их всех, брат!.. А я и валю!

Солдат понял, что Снайпер замедлил время, чтобы излечиться, но только замедление не поглотило всех и вся. Вокруг этого «машины» образовался шар, переливающийся слабым полупрозрачным воздухом, и пули больше не пробивали его тело. Он словно выпал в какое-то другое измерение. Мчащиеся «утопленники» не затрагивали его пространство.

— Я тоже так хочу! Я заберу у тебя эти умения! — кричал Солдат, брызжа слюной, перевёл стреляющий ствол пулемёта на «утопленников». От удара их массы содрогнулись стены. За считанные мгновения они почти полностью поглотили башню, создав из своих тел гору.

Виктор отпрянул от окна, от пулемёта, схватил с пола уже полюбившийся дробовик. Худой мертвяк, успевший на половину тела проскочить в окно, пока его не придавили свои, всё же достал лицо Виктора размашистым движением руки с разбитой бутылкой в кулаке и порезал кожу под глазом.

Солдат чуть ли не выстрелил, но замер, разглядывая мёртвые рожи, мешавшие друг другу влезть. Их глаза жёлтые, словно когда-то умерли от цирроза или рака печени; их глаза

мутно-молочные, словно когда-то были ослеплены мощным огнём; их глаза чёрные и красные, будто недавно посетили преисподнюю. Пальцы, цепляющиеся за углы оконного проёма, в струпьях, с отделяющейся кожей; чёрные и синюшные ногти тут же ломались, от малейшего царапанья по стене; их вопли клокочущие, хриплые, визжащие, стонущие. Все они желали неистово разорвать живого человека.

Глубоко морду просунул ещё один мертвец, стараясь по спине «брата своего» пролезть ближе к Виктору. Своими ногтями он сдирал кожу со спины, добрался до затылка. Ладонями, чтобы протиснуться глубже, вцепился в голову и подтянулся. Кожа на лбу нижнего лопнула, скальпель с редкими волосами хлопнулся на бетонный пол. Рука — под прогнувшейся кожей напряглись сухожилия — тянулась к Виктору; скрюченные пальцы старались уцепиться за рукав футболки.

— Ух и какими же вас мама родила! — гневно закричал Солдат, размахнулся дробовиком и проломил голову верхнему, затем нижнему. Оба тела свисли по стене, раскинув руки и содержимое черепов по полу. — Как протухшие яйца. — Солдат отёр зловонные капли с лица.

Неожиданно через оконный проём завиднелся свет от прожекторов с крыши башни. «Утопленники» расступились, и в образовавшуюся дыру плюхнулся на балконный пол новый мертвяк. Следом влезал ещё один.

«Они учатся, — шептала мысль. — Они учатся».

Виктор понял, что срочно нужно закрыть окно: как-то не ожидал он такого. Два выстрела из дробовика создали дыру размером ведра в спине поднимавшегося на ноги мертвяка. Ещё одним выстрелом снёс полголовы, почти влезшему в окно. И пока тот лавировал, словно размышляя, в какую сторону упасть, Солдат ударом подошвой берца отправил его на землю. Подскочил к стальной коробке на стене и ударил ладонью по кнопке. Жалюзи поползли вниз, прищемили шею следующему взлезавшему «утопленнику». Ресничку было рано закрывать: её всё равно заблокируют тела, прилепившиеся к стене башни как мухи.

Духота и вонь от мёртвых наполняли балкон, будто здешний мир надув щёки вдувал ядовитое зловоние, создавая газовую камеру.

Солдат подбежал к следующему блоку с кнопками и пробежался большими пальцами обеих ладоней. Ритмично и быстро заработали стальные стержни в стенах. Виктор не мог видеть мёртвую орду, покрывшую каланчу, сделав её похожей на муравейник, но по крикам и визгам понял, что бегающие туда-сюда острые штыри из башни раздробили единую сущность из мертвецов. Бегом вернулся к окну с пулемётом. Металлические слегка поржавевшие жалюзи толщиной в три миллиметра полностью закрылись, отсечённая голова валялась под треножником. Солдат нажал кнопку, закрылась бронированная ресница окна. Сквозь щели успел увидеть, как зажививший себя Снайпер воздел руки к небу, из пальцев исходили извивающие слабо заметные молнии, тянулись к головам мёртвой орды.

2

Расслабляться некогда.

«Каким образом они смогут осадить башню? — подумал Виктор. — На бесконечность утопленников мне патронов, гранат и снарядов не хватит. Но... их ногти с палками не смогут отодрать бронированные пластины с окон и уж тем более проломить метровые стены каланчи. Но есть ещё одно «но» — они учатся. И чему они могут научиться в этой осаде... только одному дьяволу известно. И ещё, скорее всего, Снайперу. — Солдат невесело

усмехнулся. — Есть ещё динамит. В самый раз стать героем — подорвать себя и башню вместе с врагами. И — Снайпер не остановится. Ему спать и есть не нужно. Разве, что-то другое заставит».

Виктор подскочил к перилам и высунулся, чтобы взглянуть на Мертвячку. Она сидела на кресле, откинувшись на спинку, взирала на него исподлобья. Ладони через ткань рубахи гладили собственное тело. Из горла иногда вылетали стоны и всхлипывания.

«Что с ней не так? — задумался Солдат. — Да всё не так. Она же — мёртвая. Труп, поддерживаемый сатанинской энергией. Поэтому и красивая как с картины величайшего художника».

Виктор съехал с лестницы. Из шкафа достал армейский вещмешок. Кинул внутрь чёрную водолазку, фонарь, стоя с открытой дверью и рассматривая одежду и некоторые другие вещи, подумал, что пихать всё подряд не стоит, подбежал к кровати, возле задней спинки кинул несколько пачек с патронами для дробовика и ринулся к сейфам.

«Главное карта, главное карта, — советовала торопящаяся мысль. — А оружие? Оружие тоже. Без него быстро сдохнешь».

Сначала всё содержимое сейфов сгрёб в мешок, но решил, что запасные обоймы пистолетов лучше держать при себе. Переложил в боковые карманы штанов, чуть ещё подумал и переложил в карман второй пистолет. Усмехнулся над тем, что получилось — переложил из сейфа лишь неполную пачку сигарет с зажигалкой. И то — достал её из кармана, а из сейфа вызволил раньше.

Разложил карту на столе, чтобы по-быстрому ознакомиться. Хотя бы представить, куда держать путь, если придётся бежать из башни: а, скорее всего, придётся, да причём сегодня.

Эта часть земли находилась на правой нижней четверти карты и окружена, как определил Солдат, горами. Остальные земли на трёх частях не заканчивались и обрывались на синей бумажной полосе. Красными отрывистыми чёрточками нарисован выход с этой земли.

— Но я там был, ничего не увидел. Там извилистая скалистая гряда, окружённая озёрами. Наверное, существует какой-то очень узкий проход. Или что ещё хуже, нужно его проплывать под водой.

Много разных мест отмечено на карте: чёрными, синими и зелёными чернилами. Но ровно на Север — толстая красная полоса, над которой каллиграфическим женским почерком написано: «К сокровищам «Ваал-Уэль»».

От этой стрелки и надписи защекотало где-то под сердцем.

Виктор прошептал:

— К сокровищам Ваал-Уэль. Неплохо бы.

Свернул карту и сунул в карман штанов.

3

На балконе грохнули шаги, визги и хрипы. Виктору показалось, что даже услышал в голове низкий утробный смех Снайпера. Резко поднял глаза, обернулся. Со всех окон лезли «утопленники». Мертвячка стояла возле балконных перил, крепко сжимая ладонями, и с какой-то зверской гордостью взирала сверху вниз на Виктора.

— Ах ты ж, собака. Ей бы ещё сильный ветер навстречу, развивающиеся волосы и длинный флаг с серпом. — Виктор схватил дробовик, который опирался стволom об ножку стула. — Открыла все бойницы. Как же я не услышал, замечтался?

Понимая, что на неизвестных землях, возможно, больше не найти такого подходящего

убежища, как эта башня, Солдат ринулся к лестнице на балкон — спасти положение. Спасать башню. Спасать свою жизнь. На ходу дозарядил дробовик.

Первый удар палкой по лицу от «утопленника», чуть не отправил его на бетонный пол под балконом. Второй мертвяк схватил за плечи и тянул к горлу раскрытый обезображенный рот, где искривлённые жёлтые зубы остры, как если подпилены напильниками. Между верхней и нижней челюстью протянулись нити густых слюней.

Ногами Солдат зацепился за ступени, поднял ствол дробовика и воткнул под пузо «кусачему», дважды надавил на спусковой крючок. Содержимое кишечника обдало Виктора. Он схватил на груди «распотрошённого» за остатки рубахи и скинул вниз. Выдернул палку из рук драчуна и вогнал ему в глаз.

— Вот блин. Как в кашу!

Солдат переметнулся на балкон и с ужасом понял, что опоздал: вряд ли успеет всех побить. Всё новые и новые гнилые рожи влезали в окна и неслись к нему: кто хромяя, кто бегом.

— Я постараюсь! — закричал Виктор, то влево, то вправо громыхая выстрелами, пробивая путь к пулемёту. Дважды пришлось полностью перезарядить дробовик. Он хотел успеть повернуть треножник и начать громить мёртвые тела из мощных стволов. Правда, ещё нужно перезарядить: в отстреленном коробе закончились патроны. И ведь почти получилось, выбивая из зловещих «утопленников» кровавые ошмётки на металл балкона. Кроме зловещих, они ещё оказались и коварными: пару раз прыгали под ноги, чтобы своими крючковатыми пальцами сковать его движения. Повернуть пулемёт за ствол ему не дала Мертвячка. Она высоко подпрыгнула, приклеилась на секунду как паук к стене и со всей яростью и остервенением кинулась на него. От её звериного удара Солдат отлетел метров на десять, кубарем прокатился и вонзился головой и плечами в перила. Дробовик отлетел далеко вниз — ударился об холодильник и, скользя по полу, остановился возле второй лестницы.

«Это всё. Это побег. Мне без ствола здесь нечего делать».

С ещё большей силой Мертвячка набросилась на Солдата. Она била, царапалась, кусала, визжала. В её лице Солдат увидел Елизавету.

«Что же вас такими сделало?»

Всё же сил у него оказалось больше: за волосы опрокинул бестию в сторону, вскочил на берцы, приподнял её и правым кулаком в лицо отбросил к пулемёту. В левом кулаке остался её овальный кулон. В разжатых пальцах пару мгновений Виктор осматривал резное золото. Тут же опомнился и еле успел добежать до навесной лестницы и спуститься. Взглянул наверх: почти весь круг балкона наполнился ходячими «утопленниками». Толпой они начали переваливаться через перила. Бились об бетон, поднимались на ноги и спешили к нему. Мертвецов не волновали их переломанные конечности, треснувшие черепа. Их души и сердца давно находятся в аду.

— Кощеи inferнальные, — усмехнулся Солдат. К рюкзаку он тоже не успел. Рядом уже стояли тридцать покачивающихся фигур, и к ним прибывало сверху через перила. Виктор схватил сапёрную лопатку, — так и не наточил, — дробовик и прыгнул на лестницу, подтянув ноги спасая от цепких изуродованных смертью рук, поспешил на крышу каланчи к спасительному тросу.

«Вдруг там всё поржавело?»

По крыше башни расхаживало около двадцати «утопленников». Они не сразу заметили

Виктора. Наверное, увидев, что здесь отсутствует нужная им цель, мертвяки расслабились: потеряли ориентиры и, не боясь сорваться, блуждали по самому краю.

Невообразимый шум мёртвых стоял под ночным небом. Полная луна зависла над шишем.

— Опять эта поганая луна, — сквозь зубы прорычал Солдат. — Когда-нибудь серпу место найдётся. Я её уже ненавижу. Рассветилась, как личная лампа сатаны и ада.

На него обратили внимание, когда нога соскользнула со ступени узкой лестнички шиши и ударила по металлу. Немыслимый вой «утопленников», наверное, услышали в других галактиках.

Солдат спешил, поэтому руки дрожали, не удалось с первого раза отстегнуть карабин и отцепить ролики от шиши. Ещё под мышкой зажат дробовик, так как ремень у него отсутствовал.

В последний раз Солдат осмотрел крышу башни, посёлок, низину, блиставшую тёмной водой. Схватился за ручки. Он увидел Снайпера, продолжавшего посылать энергию своему войску. Снайпер наблюдал за ним, и Солдат понял, что когда-то ему придётся сюда возвратиться. Он даже знал зачем: за тем таинственным талисманом в левой руке громилы Снайпера. Хотя, возможно, он ошибается.

Крепкие корявые пальцы схватились за правый берец. Если сейчас не сбросить этого уroda, пытавшегося подтянуться по ноге, то, когда покатятся — рухнут в бездну и разметают мозги по площади. Виктор бил свободной ногой, но «утопленник» не собирался сдаваться; его ладонь держала тело хозяина крепче капкана.

— Вряд ли я как-то смогу удержать дробовик. — Солдат опустил ствол и выстрелил. Мертвяк с дырой в лице рухнул на солнечную панель крыши. Рядом грохнулся дробовик.

— Жалко.

Виктор зажал ручку сапёрной лопатки между ручками блока роликов, оттолкнулся от ступеньки. Скорость набирала силу.

— Папа, не оставляй... — выдохнул слова слабый ветер в удаляющуюся спину Солдата.

1

Ролики мягко шуршали по тросу. Земля быстро приближалась. Уже по бокам пролетала листва деревьев, высоких густых кустов. Площадь с каланчой осталась позади. В зрачках Виктора отражался высокий дубовый столб, к которому прикреплен второй конец металлического каната. От скорости перехватило дух, глаза расширились: вот-вот и тело сейчас со всей дури врубится в широкий древесный ствол.

Солдат подогнул колени и разжал ладони, с опозданием понял, что это нужно было сделать чуть пораньше. Тело пролетело по инерции пару метров, и Виктор едва не разбил лицо от столкновения, успев подставив ладони.

— Да ведь я же, блямбда, не носорог. И уж точно не баран, — кряхтя и потирая ушибленные места, поднялся с колен Солдат. — За что же ты меня так — судьба? — И сам же ответил:

— Сам виноват, человек. Ведь всё в твоих руках. Почти.

Немного хромая на правую ногу, он вернулся, чтобы в траве найти сапёрную лопатку. Нашёл быстро: лезвие, подсвеченное лунным светом, воткнуто в валявшийся на земле засохший сук. Виктор поблагодарил луну за источающий в данный момент «праведный свет», осмотрелся. Справа углублялся небольшой овражек, закрытый от посёлка и башни стеной колючих кустарников. Гул «утопленников» не утихал, но сюда никто не спешил. Неужели ушёл? Или Снайпер оставил его в покое? Некогда было разбираться в их замыслах, нужно скорее убирать отсюда ноги.

Солдат вышел на каменную тропу. Раньше — он сюда по ней вернулся, когда искал от озера дальнейший путь. Царапина под глазом, оставленная от разбитой бутылки из-под руки мертвяка, неприятно саднила; шейный позвоночник — словно мощнейшие руки исполинов однажды хотели свернуть ему голову: это после удара Мертвячки.

Солдат вздохнул: снова побитый. И улыбнулся: снова живой.

Он положил сапёрную лопатку на плечо и, тихо насвистывая на ходу сочиняемую мелодию, — больше издавал шипение, — чувствуя себя победителем, продолжил начертанную ему судьбой дорогу. Через два или три километра тропа уходила вправо. Ориентируясь по блёклой луне и приблизительно вспоминая карту — сейчас нечем было подсветить, чтобы подсмотреть, — Солдат повернул на северо-запад. Пришлось продираться сквозь заросли орешника, овитого жимолостью, драть одежду о насаждении ежевики, шиповника, боярышника. Наконец, вышел на пустошь, вдалеке маячил едва проходимый лес с болотами. Виктор опознал эту местность. Здесь он уже бывал. Просматривались силуэты заброшенных построек, где одни лишь скособочившиеся стены, а вместо крыш полусгнившие стропила.

Конечно, хотелось уйти подальше: вдруг Снайпер всё же решится послать своё войско. Но, скорее всего, — нет. Скорее всего, территории как-то или кем-то поделены, за границы которых мертвяки не станут выходить. Иначе — они бы его сразу не отпустили, начали преследование. Но, возможно, и не так.

Усталость одолевала, нагрянуло глубокое спокойствие, и Солдат решил, что переночует здесь, окружённый хоть какими-то стенами. Он направился к давно оставленным домам: когда-то в них кипела добрая жизнь. Правда, глядя на их убогость, больше похоже, что

ютились рабы.

2

Серые потрескавшиеся доски и кирпичи, покрытые густым слоем мха; плесень и земляные полы, поросшие репейником, — весь интерьер покосившихся построек. Солдат обошёл несколько деревянных коробок, которые когда-то назывались домами: понял, что везде одно и то же. Вернулся к первому, в который подойдя сразу заглянул: он выглядит покрепче, а то можно остаться погребённым под прогнившими свистящими от ветра стенами.

Сапёрной лопаткой Виктор порубил всю высокую траву, один раз громко звякнув об торчавший из земли кирпич. Репейник и крапива хоть и колючие, но лучше, если сделать из них подстилку, чем лежать на голой земле. Можно, конечно, походить по округе и собирать другой травы, но лень и усталость отговорили. Да и времени на сон оставалось немного. Он хотел с восходом солнца двинуться в путь. Вытащил из земли несколько досок и немного прикрыл вход. Конечно, такая жидкая баррикада никого не остановит, но всё же.

Виктор осмотрел своё новое временное пристанище. Что в этом мире хорошо: ночи не меньше теплее дня, а иногда бывает — и в разы душно.

— Так *что*, немного упадём в сон?

Когда ударил лопаткой по кирпичу, показалось, что к нему что-то прикреплено. Решил по-быстрому утолить своё любопытство. Подошёл к невысокой кучке мха в углу. По очертаниям было понятно — внизу кирпичи. Возможно, когда-то на этом месте находилась печь. Полотном лопатки Солдат скovyрнул мох и вытащил выглядывающий кирпич — кирпич, пронизанный ржавым болтом, с конца которого свисала на цепи одна часть кандалы.

— О, может быть, подо мхом и кирпичами ещё и трупы погребены?

Сонливость и усталость сдуло невидимым ураганом, настроение испортилось. Что, если тот тип в кандалах, руководивший обезображенными гиенами и волками, ударивший огромными стальными когтями по «вранглеру», отсюда? Ведь они же учатся. Вот и научился здесь, и был отправлен на собственную территорию смотрящим за четвероногими монстрами — мёртвыми монстрами.

Солдат отбросил в сторону кирпич и ещё раз ковырнул мшистый слой лопаткой. Он сразу не понял, что произошло. Из ямки поднялась пыльца и тут же рассеялась. Виктор чихнул и отшагнул назад, голова закружилась. В воздухе появились еле заметные прозрачные шарики размером не больше ногтя мизинца и начали витать вокруг, окружая его голову.

«Прана? Это точно прана. Я вижу прану. Говорят, прана не только подпитывает жизнь, но также может быть энергией умерших, что-то вроде неприкаянных душ. Возможно, некротика. Но точно, эти призрачные пылинки как-то связаны с мёртвыми. Наверное».

— В этих лачугах заключены чьи-то души?

Виктор, когда познакомился с женой, ездил с ней в Египет. Снимали на видеокамеру Сфинкса. Позже, когда приехали домой и просматривали видео, то увидели похожие шарики. Говорят, они проявляются в особенных местах: храмах, церквях, даже на кладбищах. Увидеть может только специальная аппаратура. Но сейчас, без всяких фотоаппаратов и видеокамер, глаза Виктора наблюдали это явление. Шарики будто играли с ним — кружили вокруг головы, отлетали и снова приближались, и напоминали сказочный рой бабочек. Иногда они переливались блёклыми, но разными цветами. Поняв, что эти частички ничем ему не угрожают, Виктор успокоился, улыбнулся, и с новой, невероятной силой усталость

навалилась на веки. Ресницы слипались, и, наверное, даже мощный домкрат не смог бы их разлепить.

— Нет, — прошептал Солдат, — это не некротика. Некротика гнилая энергия. А эти... какие-то радостные. По крайней мере, дружелюбные. Возможно, я ошибаюсь. — Он лёг на своё самодельное ложе из лопуха и крапивы: земля — аж горячая. Широко зевнул, так широко, что ему показалось — вот-вот порвутся челюстные связки. Улыбнулся, поводит указательным пальцем по воздуху, собирая шарики в спираль. — Сказка, — прошептал Виктор. Обнял сапёрную лопатку, лениво ухмыльнулся и мгновенно уснул.

3

— Папа, папа!.. — звуки сыпались со всех сторон. — Папа, папа, — странно, но звуки походили на пропущенные через испорченные динамики. Играла классическая музыка, и Виктор определил — как из патефона и, кажется, Бах. Поля начинали вздыбливаться, с невероятной скоростью возвышались горы и волной сдвигались к горизонту. Они так и замерли в виде каменной волны, касаясь облаков.

— Где я? — Солдат огляделся, не узнавая место. — Я же только что был в развалинах... и... что случилось? Или снова фокусы этой зловещей зоны.

— Папа, папа мой! — звал голос мальчика.

Как бы Виктор не хотел признаваться самому себе, но он заставил себя пробубнить, что это голос Илюшки. Но этого не может быть. С горечью на сердце Солдат сглотнул подступивший к горлу ком и прикрыл веки, подставив лицо прохладному ветру.

— Этого нет, — качал головой Солдат.

— Но папа, как же, посмотри на нас! Это есть!.. Есть! Верь нам! Это существует!

Виктор открыл глаза, ноги едва не подкосились: к нему тянул руки живой сын. Виктор не верил глазам, печальная улыбка искривила губы. Он хотел ринуться к маленькому сыну, но увидел на его темечке кровавую дыру. Солдат почувствовал, как спазм перехватил дыхание. Горло надувалось; казалось, глаза от удушья выскочат из глазниц, слюна потекла из сжатых губ.

— Верь нам, верь! — уверял голос мальчика.

— Кому вам? — еле выдавил Виктор.

От сына отделился ещё один сын. После из каждого выскочило ещё по одному. И так по экспоненте за какую-то минуту всё пространство до гор заполнилось улыбчивыми Илюшками.

— Папа, — вещали они в один голос, — папа, верь нам.

Мир шатался, мир уходил из-под ног, мир рушился. Громадные трещины резали не только землю и небо, но и сердце, вызывая нестерпимую боль.

Солдат ущипнул себя, проверяя: сон ли это? Боли не почувствовал, но увидел в скрюченных пальцах свою вырванную плоть. Так и не поняв — спит или нет, он протянул ладонь к сыну и шагнул. Вмиг из сыновей образовался лабиринт.

— Лабиринт? — шёпотом удивился Солдат. Как же сильно ему хотелось обнять своего маленького сына, поцеловать его макушку, потеревить розовенькие пухлые щёчки. Оставался шаг — вся армада Илюшек сдвинулась от него к горам, а в следующий момент, словно цепочкой падающее домино, каждый начал каменеть, и печальный голос сына убегал от него по каналам лабиринта, сотканного из таких же каменных сыновей.

— Папа-а-а!

Солдат хотел шагнуть в узкие тоннели темноты, поспешить за сыном — за голосом

сына, но над входом появилась светящаяся голограмма билборда. Переливающаяся кровавая строка медленно проползла, Виктор прочитал: «Солдат, если зайдёшь — сожжёшь этот поганый мир».

В кровавых небесах Солдат увидел корчащихся в огне людей. Агония горевшего мира поражала воображение: люди стонали, молили, кричали, корчились в болях, но не умирали. Кожа их чернела, багровела, лопалась, пузырилась, источала зловоние. Люди били себя ножами, колами, топорами, вилами, расчленяли друг друга: лишь бы прикончить боль, лишь бы закончить жизнь. Чёрные гады и твари — гиены, змеи, скорпионы, огромная саранча и многие неизвестные — изъедали их плоть. И казалось, этому не будет конца. Лёд пронзал их тела и землю, нещадная жара и пустыня покрыли их.

— А мне всё равно, я за Илюшкой...

— Папа-а-а!.. — нескончаемо долгий крик сына разбудил Солдата, но он успел услышать утробный, вязкий, невероятно низкий смех:

— М-х, м-ха! М-ха, ха, ха, ха!

И мир перед заспанными глазами проявился не сразу, а висела картина: с небес на земной шар взирали три черепа, на их головах — богатырские шлемы. Всю землю накрывало рогатое и хвостатое существо.

Картина медленно рассыпалась в воздухе, словно крепкий ветер постепенно отдирает и уносит с собой окаменевший серый пепел.

И услышал громкий шёпот: «Солдат, сожги этот мир дотла».

— То предостерегает... во сне, то просит, — проворчал Виктор. — Ведь я же услышал сейчас? Не показалось? — Он сел на ложе и осмотрел серую хмурость. Интересовали шарики, которые он назвал праной, но в чуть прохладном рассвете лишь бледнела убогая мрачность разрушений. Взгляд скользнул по мшистому углу, по кирпичу с кандалами, по жидкой баррикаде на входе; ладонь сжала ручку сапёрной лопатки.

Ладно, пора подниматься. Если утро такое тёплое, то, скорее всего, день будет слишком жарким. Возможно, за горами, как нарисовано на карте, климат изменится. Главное, чтобы не стал ледяным. Виктор вспомнил сон.

— Как во сне, с намертво замороженными людьми. — Ещё он неожиданно вспомнил, что число четыреста четыре в виде клейма не только у Мертвячки и детишек с озера, но и у всех «утопленников». — Они все являются ошибкой, — задумчиво произнёс он. — Вопрос: ошибкой чего? Или... чьей?

Солдат поднялся на ноги и ладонями постучал по всем карманам. Проверил на месте ли пистолеты и обоймы. Пальцами потёр уголок карты: тоже не потерял. Начинала мучать жажда. Он вспомнил про кулон Мертвячки и полез за ним в задний карман штанов, как невероятной силы вопль заставил его короткие волосы на голове шевельнуться, дважды пройтись волной. Виктор припал лбом к стене, в щели между досок осмотрел местность и присвистнул.

— В этом мире для меня покоя не будет — никогда.

Утопая по колено в переливающемся серо-лазурном тумане, стелящимся по равнине, к развалинам из полусгнивших домов, в одном из которых находился Виктор, шли полуистлевшие людские фигуры. Двигались они медленно, и Солдат первоначально подумал, что это посланники от Снайпера: в его орде тоже предостаточно медлительных «утопленников». На их телах просматривалась одежда, свисающая лохмотьями, и вроде бы видны лица, волосы, другие части тел, но — после внимательного рассмотрения Солдат пришёл к выводу, что эти чрезмерно неторопливые мертвяки не из войска Снайпера. У мёртвых Снайпера всё различимо, видно всё разложение — каждая жила и вена, кожа и плоть, а эти словно сгустки, сотворённые из воздуха, ветра и смоляного дыма. Их волосы развевались и, казалось, растворялись в рассвете; от их тел отлетали частички, походившие на обычный пепел, и восходили к небу. Иногда они становились полупрозрачными и были похожи на чёрных призраков, которые вот-вот рассеются в безветренной серости утра. Неожиданно перед каждым всплёскивался туман, создавалось ощущение, что происходило искажение воздуха и в следующий миг мертвяк оказывался на метров тридцать ближе к домам.

— Ё-моё, — прошептал Солдат, — а как же этим противостоять? Их, наверное, лопаткой или пулей не возьмёшь. Ещё несколько таких всплесков и эти «туманники» окажутся со мною рядом. — Виктору понравилось такое передвижение — что-то вроде короткой телепортации, которая очень даже однажды пригодится. Особенно на этой проклятой земле. Хотя почему однажды — всегда. Он вспомнил, что с ним случился похожий момент, в тот день, когда погиб «Чёрный дайвер», а потом он сам справился со Снайпером. Тогда ему удалось уйти от когтей и зубов «утопленников» со скоростью мгновения, даже дома и деревья приобрели вид щербатой, но единой полосы. Тогда-то он решил, что это помог стрелок из башни. Или сама зона помогает, или что-то ещё. Но как бы там ни было:

— Я заберу у них всё, соберу их мастерство. И если посчастливится когда-нибудь выйти из этих земель в нормальный мир, я буду подобен богу. — Солдат сжал кулак и ударил в стену. — Клянусь. А пока — нужно валить отсюда. — Единственно, что он не понял, что создало такой вопль, от которого, как ему показалось, чуть ли не лопнули ушные перепонки, все волосы с тела едва не ринулись в космос, а дух заиндевел.

В последний раз Солдат заглянул в щель, окинул местность неторопливым взглядом, прикидывая в уме, сколько понадобится всполохов тумана, чтобы «туманники» оказались рядом. Со стороны юго-запада свинцовую темноту неба разрезал свет. Скорость была такова, что невольная мысль произнесла вопрос: «Это какая-то ракета?» Хвост этой невидимой ракеты расширял небо до самых горизонтов, озаряя землю солнечным светом. Это было дивно и завораживало, одновременно гневало: ни черта он не понимал здешние законы физики. Да и есть ли они здесь?! Сейчас небо — свинцовое и гладкое, словно громадное натянутое полотно в театре, которое кем-то неумолимо режется, впуская — мёртвые, притворные — тепло и уют.

— Бог режет небосвод своим исполинским ножом, — прошептал Виктор, не сводя глаз от разреза свинцовой глади. — Вот только кто он — этот здешний Бог?

Всё, Солдат собрался уходить, сжал крепче ручку сапёрной лопатки; невидимая ракета (или нож местного Бога) пронзила небесный свод над пустошью, свинцовая серость разорвалась, озолотилась солнечным светом; вместе с туманом исчезли «туманники», некоторые из них вспыхивали и разлетались пылью. Солдат не верил глазам: вся равнина, весь воздух пробит тёмными воздушными штырями; они словно дышали, пульсировали; внутри вперемежку с пеплом бурлила кровь и поднималась к небу. Из этих воздушно-пылевых столбов неслись невыносимые стенания. Вопли, плачи и вытьё заполнили заброшенную местность; визги женщин и детей, мольбы о помощи и прощении. Боль и стоны мужчин, просьбы о помиловании: дать вечную смерть душам, вечный сон, вечное упокоение.

Солдат сильнее прижался лбом к доскам, рассматривая происходящее. В этих мучениях и мольбах иногда тонул голос его мёртвого сына.

— Вчера такого не было, — прошептал он и снова вспомнил последний сон. Вспомнил про самую глубокую скважину, пробурённую Советским Союзом в Мурманской области, которую прозвали «колодцем ада», откуда доносились крики страдающих душ. Когда в первый раз прочитал, было смешно. Вот только теперь казалось, что такие же «колодцы ада» спустили с неба, пробурили воздух.

— Может быть... я умер, я... в аду? Чушь, ведь я же помню, как сюда попал. Помню всё пошагово. Вполне, может статься, что я действительно в аду, но точно не умер. — Виктор потрянул головой и выругался, ринулся к входу: раскидать дохлую баррикаду и поскорее «рвать когти» на новые земли. Возможно, там чуть больше счастья улыбнётся. А так хотелось пожить спокойно на каланче.

— И рот у Мертвячки красивый, — хохотнул Виктор, представив пошленькое. — Если что, конечно.

2

Злобное утробное рычание заставило Солдата замереть с протянутой рукой к изломанной балке, преграждавшей путь любому чужаку на входе дома. На него смотрели кроваво-алые глаза пса-мутанта, из оскаленной пасти с жёлтых клыков стекала слюна, ошестиненная шерсть и напряжённый взгляд, пронизывающий насквозь, ничего хорошего не сулили. Мускулистая фигура слегка тряслась от напряжения, нависающий над глазами безобразный мозг, обтянутый тончайшей плёнкой, пульсировал. Это был не тот пёс-мутант, с которым Виктор познакомился у костра, но он был здесь; он расположился на балке, тянувшейся к крыше от другого полуразваленного дома, и готовился к прыжку.

Солдат замер, остановил дыхание, одной рукой медленно тянулся к карману за пистолетом, другой рукой крепче сжал сапёрную лопатку; глаза старались посчитать всех псов-мутантов, которые оккупировали все дощатые развалины. Патронов на всех не хватит, всего-то две обоймы, но Солдат надеялся, что завалит выстрелом главаря и ещё парочку самых мощных, которые находились от него справа и слева. Остальные, может быть, и разбегутся.

Взгляд пса-мутанта, пронизывающий Солдата где-то в области живота, с целью — вырвать кишки, переместился на ладонь, которая приблизилась к карману.

Лидер стаи издал грозный рык и сделал первый выпад, щёлкнув пастью в сантиметре от руки, успевшей вытянуть наружу пистолет. Псы-мутанты поддержали вожака: их вой, лай и скулёж посыпались со всех сторон, из всех щелей; их злобные пасти и мускулистые тела старались проникнуть во все окна, щели, пробить хилую баррикаду, запрыгнуть внутрь

домика. Солдат наотмашь рассёк воздух сапёрной лопаткой, отпрыгнул назад и выстрелил. Вожак стаи успел среагировать, увернулся от пули, что неприятно удивило Виктора. Никто из псов-мутантов больше не лез на рожон, ждали действий своего громадного лидера.

Некоторое время человек и главный пёс-мутант смотрели друг другу глаза в глаза. Солдат держал пса на прицеле и в любой момент был готов произвести выстрел.

— Слышь, приятель, лучше давай мирно разойдёмся. Я всё равно успею прострелить твой грибовидный мозг.

Виктор так и не понял, что подействовало на огромную свору псов-мутантов — то ли его спокойный тон, то ли усилившиеся стенания со стороны пустоши, то ли ещё что-то, но псы начали быстро покидать свои места. И уже через пару минут остался лишь один вожак. Он до последнего не выпускал человека из ловушки, охраняя дверной проём. Наконец, он соскочил с невысокой баррикады на землю, обернулся напоследок и своим грозным молчанием предупредил Солдата, что он его не отпускает.

— Ладно, пёс, — закивал Виктор, — я же тоже могу рассвирепеть, и тогда тебе придётся бежать от меня в десять лап, поросычьим визгом звать своих на помощь. Уходи лучше спокойно.

Солдату показалось, что пёс-мутант недовольно что-то пробурчал на своём языке и поспешил исчезнуть за углом ближнего дома. Кажется, даже поджал хвост.

— Наверное, прикрывает яйца от мощного пинка.

Виктор вытер рукавом пот со лба, раскидал доски, освободив проход, и по пахучей траве направился в сторону севера, откуда нёсся горячий, обжигающий ветер.

3

Солдат шёл быстро, не оборачивался. Очень хотелось пить, а там впереди есть родник, перед самым лесом. Вопли и стоны как-то странно отдалялись, стихали: слишком резко. Выглядело так, будто мир поделён на точные соты, и сейчас приближалась следующая граница в следующую соту, где наверняка придётся встретиться с новыми монстрами и мутантами и их смотрящими — боссами. Возможно, это не совсем так; возможно, соты далеко не одинаковы, но то, что местный мир поделён, порезан на территории, — уже сомневаться не приходилось. И сейчас желалось лишь одного, чтобы эта старая сота, по которой Солдат шёл, — ни черта не заканчивалась. Скорее всего, здесь место «туманников». А может быть, это не «туманники», а «утренники» или «предутренники», которые появляются в предрассветные часы и исчезают с восходом солнца? Без разницы, их смотрящего он ещё не видел, и эта встреча может случиться в недалёком впереди. А если нет, то чем длиннее будет тянуться эта сота, тем дольше будет спокойствия.

Вопли с пустоши за спиной почти стихли, зато появилось какое-то бормотание, меняющееся на женские печальные всхлипывания. Иногда бормотание и судорожный плач смешивались.

— Вот только пожизненного эмбиента мне и не хватало.

Несколько раз приходилось оборачиваться. Всё время казалось, что кто-то ведёт преследование, такое — незаметное, что-то вроде шпионажа. А может, хотят выждать подходящий момент и напасть:

— И разорвать несчастного Солдата на миллионы крошечных Солдатят! Да иди сюда! — Виктор крутанул сапёрной лопаткой как нунчаками. — Иди! Это ты, псина?! Подходи, я отрублю твои лапы и сделаю из них весёлые «багнакхи».

Солдат провёл взглядом по краю овражка, где колыхались густые покровы пырея с

высокими колосками, справа стелились острова с мелкой травой мокрицей, ещё правее колыхались волны молодой крапивы с вкраплениями огромных лопухов.

— Хм, одни сорняки, грёбаные шесть соток. Хоть бы одна ягодка краснела или чернела. Зато, с такими лопухами — туалетная бумага не нужна.

Слева метнулась тень, ветки густого колючего куста хрустнули и качнулись, повеяло не человеческими испражнениями.

— Достало! — гневно крикнул Солдат, вытащил из кармана пистолет и большим пальцем опустил предохранитель. — Давай, выходи на бой. — Дважды грохнул выстрел. — Иди ко мне! В моём пистолете достаточно стальных маслин, чтобы умертвить твой мерзкий мозг! — Держа в правой руке пистолет «Макарова», в левой крепко сжимая сапёрную лопатку, с решимостью прострелить или размозжить неприятелю голову, даже если это семиглавый дракон, Виктор подошёл к кустам.

По дну неглубокого оврага протекал ручеёк в сторону разрушенного поселения. Виктор спустился, но не решился пить, хоть вода восхитила своей чистотой, в которой омывались гладкие камушки, ловили солнечные лучи и бликовали как стекло: не хватало мелких рыбёшек. Солдат печально вздохнул. Он бы не стал их ловить, лишь полюбовался нормальными живыми существами. И вообще, ему осточертела эта преисподняя! Виктор пнул земляной холмик и осмотрел притоптанную траву со стороны «мёртвого посёлка рабов»: словно табун прошёлся, а не мелкая тень прошмыгнула и испарилась сразу за листвой густого кустарника.

Ручей, скорее всего, происходил от родника, к которому, собственно, он и держал путь, надеясь его найти. Чтобы не потерять ориентиры, Солдат поднялся по склону и пошёл по кромке оврага. А если всё же родник не отыщется, то напьётся прямо из ручья.

— Надеюсь, это не прозрачная моча какого-нибудь огромного мутанта, — угрюмо произнёс Виктор. Он обернулся с ощущением, словно некто или нечто заставило его это сделать. Тёмные воздушные штыри, снисходящие с неба, пересекли полуразрушенные дома и медленно двигались в его сторону. И ещё — они расширялись.

— Тьма постепенно поглощает свет, — одними губами произнёс Солдат. — И тёмная гибель навеки закроет солнце, и новый ад родится в аду, — вспомнил он слова из собственного сна.

4

Овраг действительно привёл Солдата к роднику. В большом квадратном камне, сверху покрытом мхом, кем-то — наверное, очень давно: вода сильно сточила край — выдолблено полукруглое отверстие. Виктор однажды пил отсюда воду, но тогда белый свет поглотила ночь, и он не мог разглядеть этот мегалит в форме бруса, второй конец которого заканчивался (или начинался) узкой скалой в форме очень высокого и острого зуба. Снизу казалось, что пик этого зуба касается облаков.

«Прямо зуб дракона, — подумал Солдат и весело хмыкнул. — Наверное, миллионы лет тому, наши богатыри выбили клык «трёхглавому драгу» и как трофеем оставили, возвели, чтобы помнили и знали наших. И сейчас он окаменел».

Странно, но со стороны разрушенного «посёлка рабов» «драконий зуб» не виден. А ведь его высота такая, что неволей думается — он щекочет богу пятки: а то и кое-чего повыше.

«Неужели между сотами есть невидимая, воздушная стена, которая скрывает выдающиеся достопримечательности? Которая преломляет и не показывает истину — как кривое зеркало. А, возможно, этим препятствует проходу в гости местных мутантов и

извергов. Типа верёвки с красными тряпками, не пропускающие загнанного волка в другую зону».

С новой силой ударил по воздуху женский стон отчаяния, всхлипывания, примешалось бормотание. Виктор подумал: «Ощущение, что кто-то очень спешит произнести заклинание. Или проклятие».

— Гадость, — выругался Солдат, — кто бы выключил этот эмбиент. — Пристально посмотрел на облака и развёл руки, жест которых кричал: «Отвечаю!» — Эй ты, там, хозяин земель! Я разбогатею и заплачу!.. Я возьму у тебя кредит под триста процентов, чтобы тебе же дать взятку! Только выключи эти раздражающие душу стоны, хотя бы на время! — Конечно, Солдат даже не надеялся, что кто-то (подобно Богу) внемлет его просьбам, но через секунду ему пришлось долго стоять и долго взирать на небеса с «отвалившейся челюстью до земли». Наступила такая тишина — что стук собственного сердца бил набатом с колокольни, а собственное дыхание — ураганом колыхало морские волны.

Слишком неприятное чувство охватило его сердце. Он мгновенно понял и пожалел о своей просьбе. Он просто не ожидал такого, но: если нормальный мир так устроен, что за свои слова и даже мысли нужно отвечать, то здесь, в этом проклятом кошмаре — тем более. А через минуту он ещё больше пожалел, что попросил лишь милостыню: попросил выключить эмбиент только на время. Выхлипывания и бормотание стали громче, какими-то омерзительными, демоническими, с примесью гоготанья, отвратительных смешков, старушечьих визгов: всё это изводило психику.

— Я понял, я понял, беру новый кредит под тысячу процентов, только прекрати, останови эти звуки. — Солдат почувствовал невероятную усталость. Он кашлянул, из горла выбились кровавые капли, окропили листву молодого деревца. Глубокие морщины увили руки. Виктор провёл по лицу ладонью. — А, вот твой процент, быстротечное старение и смерть. Вот только скажи, какая тебе от этого выгода?

Наступила долгожданная тишина, словно резко вывернули ручку громкости. Конечно, звуки от «посёлка рабов» продолжались, и звуки природы никуда не делись, но по сравнению с тем, что творилось секунду назад, — это стелилась мягкая, благоговейная тишь.

— Благодать, — прошептал Солдат и облегчённо выдохнул. Он себя чувствовал столетним стариком. Глаза прошлись по ладоням: о, морщины довольно-таки разгладились. Возможно, не всё так худо. Быть может, есть шанс на выздоровление от дряхлости.

На обратной стороне каменного зуба — «Драконьего зуба» — некто начал бить молотком по дереву. Никакого желания даже двигаться, не то — чтобы идти смотреть и «пасть рвать» недругу. Но не падать же на землю немощным мешком, дабы остаться удобрением для местной флоры и фауны; почувствовать в своих кишках, как разрастается грибница какого-нибудь кордицепса.

В двенадцать лет Солдат увлёкся философией, перечитал всех мыслителей, многие фразы заучивал и старался применить на себе. И сейчас он высказал миру одно из своих любимых изречений Шри Чинмоя, немного переделав:

— Упасть и повалиться в траве — не провал. Провал в желании остаться там, где упал, — Виктор ухмыльнулся, — уткнувшись носом в дамскую сиську.

Солдат собрался с силами и пошёл на обратную сторону каменного зуба — бить морду тому, кто помешал его тишине, которую он приобрёл в кредит под тысячу процентов.

На полусгнившем деревянном кресте, верх которого венчал грязный, окровавленный противогаз, прибита новая деревянная пластина. На пластине краснела надпись: скорее

всего, новое изречение для него. Вокруг креста — целое поле травы, доходившей до колена. Ни одна былинка не была примята. Виктор пристально осмотрел место, решая, — в чём здесь подвох. Ведь грохот молотка он отчётливо слышал, и от пластины несло свежей краской.

— Никак демоны незаметно подлетели и приколотили. Или в густоте травы мне приготовили зверские капканы?

Осторожно шагая: а то действительно влезет в какую-нибудь хитроумную ловушку, — сапёрной лопаткой налево и направо лежа высокие сорняки, Солдат подошёл к кресту и пробежался глазами по красным буквам. «Вот... Шекспир нашёлся тут». Подумав, ещё раз прочитал:

«КТО ИЗ ВАС ПОГРЯЗНЕТ БОЛЬШЕ В ГРЯЗИ, ТОТ И ВЫБЬЕТСЯ В БОЛЬШЕ КНЯЗИ».

— А, вот и ответ, кажется. Вот как придётся отрабатывать тысячу процентов. Вопрос ещё в том, какова сумма самого кредита? Что ж, за язык меня никто не тянул. Попался, как лох педальный. — Виктор хохотнул. — Да по-скотски нечестно навязали мне свой кредит. — Он поднял к небу фигу. — На, не буду платить! Ты обманул меня, не зря лукавый же.

Нестерпимая боль в позвоночнике скрутила всё тело, хрустнуло так, что в первое мгновение Солдат простился с жизнью: казалось, тело просто разрубили надвое.

— Всё, всё, это шутка! За слова отвечаю, отвечаю!.. Уговор дороже денег! Всё!

Мир качнулся, закачался; плеснули воду, краски поплыли, размылись; весь мир оглох. Из мёртвой тишины вырвалось: «Солдат! Солда-ат! Не-е-ет!.. Солда-а-ат!..» Всё тело ломило, выворачивало. Ожесточённая стрельба разносилась со всех сторон. Все хотели лишь одного: убить *его* — Виктора.

И вновь — тишина-а-а.

1

Солдат очнулся от нестерпимой тошноты на ковре из торфяного мха. Он находился в такой прострации, что не понимал, где сейчас находится, не помнил кто он или что он, и не был уверен: то, про кредит, — это случилось когда-то или плод измученного ума?

Пару спазмов в виде рвоты — результатов не принесли. Виктор больше суток ничего не ел, желудок был пуст и, наверное, высушен досуха. Не помешало бы пару цистерн чистой воды залить в глотку. И вроде бы у родника напился, но жажда мучила. Перед глазами бегали мушки. С четверенек Солдат опустился на бедро и осмотрелся.

До леса оставалось шагов сто. Островки коричнево-чёрной воды менялись островками с осокой, седой прошлогодней травой и корягами. То тут, то там на поверхность воды выходили пузыри, а волны испарений, исходившие от водной глади, были настолько густыми, что, казалось, шагни в них и никогда не найдёшь обратной дороги. Солдат представил, как обитатели ада убежали отсюда, лишь бы только не подвергаться мучениям здесь. Невыносимое зловоние окутывало болото и невольно приходил образ птицефермы, где одни наседки, которые недавно сдохли и теперь смердели на жаре, а ими снесённые яйца все разом стухли.

Мысли путались, внимание проваливалось, и Виктор осознал, что если хоть чуть-чуть промедлит, то вряд ли когда уйдёт отсюда.

И главное: как он здесь оказался?

Солдат проверил содержимое карманов. Выругался: не хватало пистолета и одной обоймы. Глаза пробежались по островку из сфагнового мха. Нет, нету пистолета, в другом месте потерял. Виктор поднялся на ноги, пошатнулся и с любовью взглянул на сапёрную лопатку, улыбнулся.

— Мы с тобой одного духа — ты и я. Помоги мне в нужный момент. И не теряйся, знаешь ли.

Перескакивая с одного сухого островка на другой Солдат благополучно добрался до первых деревьев леса, где болото больше уступало своё место земляному покрову. И уже можно было шагать по тверди, набирая скорость: правда, мочажин здесь — как конопушек у самого конопатого лица во вселенной.

Виктор углубился в лес, всё время откладывая заглянуть в карту, — то упавшее дерево не нравилось, чтобы присесть, то само место было не по душе: слишком мрачное, гиблое. Когда вышел на крохотную поляну, усыпанную морошкой (к ягодам не притронулся, потому что не знал, что за ягода: то ли малина, то ли не малина), то узнал это место. Здесь он уже бывал. Слева в проходе могучих деревьев, сомкнувших кроны, находился домик на восьми толстых и высоких дубовых сваях. К двери вели два пролёта деревянной лестницы, с северной стороны — каменная труба возвышалась над коньком, периметр под окнами окружён балконом с перилами, но проникнуть внутрь невозможно. Домик располагался на небольшом пятачке суши и окружён непроходимым болотом, в котором на десятки метров в глубину перемешались земля и вода — создавали вязкую жижу. В прошлый раз Виктор сунулся туда и чуть ли не утонул: успел уцепиться за корень поваленного дерева. А домик с виду такой уютный, что хотелось в нём переночевать, а то и пожить. Но сейчас у Солдата есть карта, где отчётливо показан выход из этих земель. Правда, в прошлый раз он всё там

пролазил, всё осмотрел: кроме неприступных скал и непроходимых зарослей никакого прохода не видел. Тем не менее раз на карте обозначено, значит, ему точно туда. Значит, нужно искать.

Долго рассиживаться Солдат не стал: нет еды, нет воды. Женщины тоже нет: нежиться не с кем, — немного отдохнул и в путь. Солнце располагалось над головой, но здесь есть одна особенность: ты думаешь, что до вечера ещё долго, как неожиданно наступает непроглядная темнота — ночь. И самое интересное — не всегда так бывает.

— Лорд неба потихоньку дрочит наш народец, — проворчал Солдат. — Рога бы поотшибать. Ничего — разберёмся.

Болота, сухие стволы могучих деревьев и завалы валежника постепенно поменялись на буйную растительность, которую иногда приходилось рубить сапёрной лопаткой и бранными восклицаниями вспоминать слово «джунгли». Часто заглядывая в карту, Виктор понял, что крутится на одном месте: давно пришёл — но никакого *вшивого!* прохода ни черта не созерцает. Он долго осматривал толстые лианы, похожие на плющ, ползущие вверх по скале. Можно попробовать подняться по какой-нибудь: но ни одна не доходит до верха. Потом с высоты птичьего полёта орать, звать на помощь, чтобы поскорее спустили на землю несчастного бедолагу: а то коленки со страху трясутся, а в трусах жидкий сир плещется.

Солдат усмехнулся: он никогда не боялся высоты, но в данный момент одолевали усталость и голод, поэтому как-то не желалось скакать по скалам горным бараном. Он прошёлся вдоль скалы ещё пару раз, и уже не было сомнения: красный крест в овале указывает именно на это место. Он облазил все кустарники у подножия, изодрал кожу об колючие шипы, в надежде, что где-то в камнях прячется вход, но — нет отсюда выхода. В пятидесяти метрах правее к скале примыкал ветровал. В детстве Виктор смотрел фильм «Кладбище домашних животных». Там двум типам, державшим путь к этому самому кладбищу, пришлось преодолевать примерно такой же завал из деревьев.

— Такой же, да не такой, — проворчал Солдат. Этот в два раза выше, а острые колья, торчавшие повсюду, казалось, только и ждут, когда ты оступишься, чтобы насадить твою задницу до самого горла. Только *там* оставалось искать выход (или вход), больше нигде. Но тогда получается — на карте неправильно обозначено место.

— Эх, тогда хреновая карта, — раздосадовано произнёс Виктор, памятуя о том, что на карте обозначены какие-то сокровища «Ваал Уэвеля». А значит, если карта не корректная, их можно искать целую вечность.

Солдат подошёл к поваленному и покрытому мхом стволу.

— Да-а, этот бурелом, наверное, нарочно собирали, скидывая брёвна и коряги с вертолётов. Здесь что-то отыскать — минимум бензопила нужна. — Виктор ухватился за ветку и начал опасное восхождение по изломанным скользким стволам, ветвям и сучьям. Дважды мох как растопленное масло соскальзывал со ствола под ступнёй и рёбра Виктора немилосердно нанизывались на коряги.

— Грёбанный бурелом, я тебя подожду, — рычал Солдат и продолжал лезть: то ветка глаз стеганёт, то ляжка на сук напорется. Только Виктор подлезет к горизонту, а он снова дальше отползает, и создавалось впечатление, что вал из деревьев расположился на шаре, который под чужими шагами медленно крутится.

— Это ещё что за аномалия? Скала, *приблизься!* я сказал.

Солнце палило нещадно, липкий пот заливал всё тело, а скала, которая казалась в каких-то тридцати метрах, не приближалась: грёбанный сим-сим, дверь не открывает.

Наконец-то, восхождение Солдата было вознаграждено. От увиденного он присвистнул и на радостях выругался.

Пологий спуск из стволов деревьев заканчивался в узком овраге, над которым нависал огромный выступ. Всё это походило на козырёк бейсболки над громаднейшей нишей в скалу. А дальше — а дальше находился дольмен с проломленной передней плитой.

Солдату казалось, что он воспарил. Обрадованный он нёсся ветром по брёвнам, рискуя переломать ноги (да и рёбра с шеей в придачу), — так ему хотелось поскорее уйти из этих мест.

2

Он долго стоял в оцепенении, не веря своим глазам.

Справа и слева от излома в плите дольмена, забираясь на пригорки оврага, росли низкие кусты ежевики. Справа и слева плясали покосившиеся деревянные столбики, колючая проволока в несколько рядов между ними ограждала кустарники от U-образного дна оврага. И с левой стороны на колючей проволоке висел он сам — Виктор Солдатов. В той же одежде, в которой пребывал сейчас сам, только полинялой на солнце. Тело высохло, но не было следов разложения, и уже начало походить на мумию. В затылке зияла дыра от выстрела: скорее всего, ружейного. Приподнятая левая рука застыла на проволочных шипах, в кулаке зажат кусочек угля. На стене неровным почерком чернела надпись: «СОЛДАТ! ТЫ СЛЕДУЕШЬ ДОРОГОЙ ЗЛА. ПЕРЕСИЛЬ СЕБЯ, ОСТАНЬСЯ ЧЕЛОВЕК БЕСКОНЕЧНЫХ ПОПЫТОК НЕ БУДЕТ»

Как же невыносимо было видеть себя мёртвым — словно видел родного брата. Виктор вспомнил себя маленьким ребёнком на фотографии, и мысль в голове прошептала: «Это убили его».

— Дорогой, как же так? — Солдат опустился на корточки. — Кто тебя так? — Он подумал: «Раз сумел себя предупредить, возможно, что-то припрятано в карманах». Обыскал себя мёртвого: ничего. — Видимо, ты кому-то доверился и... — Виктор обернулся на утробное низкое клокотание с примесью рыка и мурлыканья. На вершине ветровала находился пёс-мутант: тот, с которым познакомился в самый первый раз возле «бомжатского секунд-хенда», — в окружении пяти таких же молодых. Отсюда — снизу — грибовидный мозг пса-мутанта казался огромной шляпкой мухомора, по которому расползлись бледно-синие лианы: это были вздувшиеся сосуды; на верхушке лоснящегося горба между лопаток чернел крест, словно клякса из нефти: именно из-за размытого креста Виктор сразу узнавал старого знакомого. Длинные остроконечные уши в нескольких местах прокушены. «Крысиный» хвост стелился под лапами, его кончик приподнимался и трепыхался как кончик хвоста гремучей змеи. Пёс выглядел бы комично, если бы не налитые кровью глаза и собравшаяся пена на чёрной бахrome вокруг открытой пасти. Виктор прошёлся взглядом по брёвнам и корягам, надеясь увидеть главного самца, и успокоился. Огромный пёс-мутант, который был раза в два крепче остальных четвероногих сородичей, отсутствовал.

— Ах ты, не дали спокойно побеседовать с самим собой мёртвым, поразмышлять. — Виктор подумал: «Наверное, эти собаки сейчас мою мумию обглодают до костей». Новая жалость к своему безжизненному телу с ещё большей силой обволокла сердце. — Слышь, ты, пёс сатаны!.. Вот смотри, если тронешь его, — Солдат ткнул указательным пальцем в сторону тела на колючей проволоке, — то я вернусь проверить. — Из кармана штанов достал пистолет «Макарова». — Найду тебя и буду очень долго тренироваться в стрельбе на твоей

снятой шкуре.

Четверо других псов-мутантов спустились по наваленным стволам деревьев к оврагу и приближались с двух сторон.

— Да надоели вы мне. — Солдат передёрнул затвор: не помнил, когда угрожал главному псу-мутанту, — досылал патрон в патронник или нет. Взял на мушку самого ближнего пса-мутанта и надавил на спусковой крючок. Осечка. Ещё дважды надавил: ещё две осечки. Не может быть! Или патроны какие-то не патроны, или пистолет сдох. Ещё дважды надавил указательным пальцем на спусковой крючок. Тот же результат — выстрела не последовало.

Виктор решил: псы-мутанты поняли, что смертельная угроза их миновала и теперь незамедлительно набросятся рвать, — но четвероногие враги лишь задрали носы, медленно приближались и старались уловить запах, словно желали распознать что-то неизведанное.

— Ладно-ладно, хорошо, вы здесь пока нюхайте, нарики, а я потихоньку путь продолжу. — Виктор последний раз жалостливо взглянул на своё второе тело и нырнул в темноту дольмена, немного сомневаясь: есть ли дальше проход? А то одной лишь сапёрной лопаткой придётся воевать с пятью недобрыми псами-мутантами. Хотя, скорее всего, они мёртвое тело не будут глотать: они же — вампиры, кажется. Тот с крестом — точно любитель крови.

3

Да, дольмен прижимался к скале и задней стены у него попросту не было — дальше вела пещера. Интересно, кто и как проломил в передней плите проход? Ведь в то отверстие, которое обычно бывает, человеку не пролезть. Некогда было читать надписи на стенах, возможно, когда-то он сам для себя оставлял послания. Земля начала качаться: не хватало на веки вечные остаться погребённым под скалой. Узкий проход вёл вверх, откуда исходила слабая дымка света, еле уловимая, и шквалисто сквозило. Солдат спешил, ощупывая ладонями стены и низкий потолок: скорее, скорее отсюда выбраться. Скала тряслась сильнее, выбивая дорогу из-под ног, — приходилось ловить равновесие. Позади сопели носы. Виктор через плечо кинул взгляд: конечно, так и есть, несколько светящихся пар глаз следовали за ним. Следовали, но не нападали. Значит, хотят выбраться в другое место — быть может, даже в другой мир — вместе с ним, а после, возможно, нападут. Возможно, он для них не только временная путеводная звезда, но и в качестве барашка, чтобы им подкрепиться, вылакав всю кровь, и продолжить путь в свою новую жизнь.

Гром, грохот, раскат, непереносимое давление. Шаталось уже так, что почти невозможно идти; сверху сыпались камни. Псы-мутанты, разом взвизгнув, ринулись назад.

— Дьявол, что происходит?!

Со всех сторон в темноту начали вклиниваться столбики света, пещера словно из-под мощных прожекторов ослеплялась вспышками, реальность вибрировала горизонтальными помехами, искажалась.

— Ты меня не желаешь отпускать?! — закричал Виктор во всё горло. — Накось выкуси!

Солдат почувствовал, как его начало засасывать против ураганного ветра. Он даже представил, как за его душу борются два рогатых божка. Один его выдувает, второй втягивает гигантской помпой. Ещё немного и тело разлетится в лохмотья. Неожиданно стихло, только слышно, как где-то капля ударялась о воду, создавая эхо.

Виктор поднялся с коленей, подобрал сапёрную лопатку, которую вырвало из-под брючного ремня, отряхнулся. Дождь, когда мир перестанет качаться, вибрировать.

Сплюнул песчинки, скрипящие на зубах, обернулся: псов-мутантов след остыл, — и шагнул на каменную ступень.

На пути перед выходом к белому свету нарисовался невысокий зал, где полом была гладкая массивная каменная плита. Вряд ли такое могли вырезать в наше время, это что-то от древних. Каменная дверь толщиной полуметра срослась со стеной скалы, вся покрыта плесенью и красно-оранжевыми пятнами, напоминающими ржавчину. Хотя ни грамма железа на ней Солдат не увидел.

Раздался тончайшее пиканье. Как только Виктор ступил на каменный пласт, пиканье начало учащаться, а тон повышаться.

— Ща как рванёт, — невесело усмехнулся Солдат решая: рвануть когтями на выход или не стоит?

Скрежет из «сломанного радио» чуть ли не контузил.

«Стоп. Внимание, — подобно роботу начал вещать женский голос. — Вы входите в зону ПСИ. Ознакомление. Осторожно, подготовка. Стоп. Новое ознакомление. Ваш долг — миллион злоков. Не сопоставимо с жизнью. Нам выгодно, если вы вернёте. Нам выгодно, если вы умрёте. За неуплату будет отобрано всё. Жизнь тоже будет отобрана. У вас есть шанс. Удачи...»

Женский металлический голос резко замолк.

— Словно отрубили башку, — проворчал Солдат. — Шанс есть у всех, даже у мёртвых. Я уже знаю, вы тут и мысли читаете, и всё, на хрен, видите. Или не всё? А?! — Он осмотрелся. — И откуда же проверещал непонятно чего этот железный женский голос? — Одно он понял, что долг за кредит — целый миллион. — И что за валюта такая — злоки? От слова — зло?

Виктор пересёк плиту и вышел наружу.

— Папа-а-а, — в спину услышал Солдат жалобный шёпот сына — давно мёртвого сына.

1

Солнце ударило по глазам, но это было приятно. Тепло обняло, пригрело. Небо синее, чистое — чище не бывает. Глаза привыкли к свету, перед взором на чёрном скалистом плато размером десять на десять метров чернело кострище. Два полуметровых бревна, у которых срезан верх, являли собой скамьи. Повсюду сквозь трещины выбивалась трава. Рядом лежал велосипед и квадратный ранец из толстой кожи.

— Вот это находка! — восторженно воскликнул Виктор. Правда, через минуту пришлось огорчиться: велосипед оказался без шин и камер — лишь одни ободья. К передней вилке прикреплены ножны для большого ножа или мачете, которых, конечно же, не оказалось. Виктор открыл ранец, заглянул и вытряхнул содержимое на мелкие коричневые камушки, присел на корточки. Самое ценное он сразу подхватил и осмотрел. Это был монокль: неосмотрительно получилось с вытряхиванием, мог бы разбиться. Вторыми по ценности были пластиковые наколенники и армейская фляжка в зелёном чехле. Виктор поднёс фляжку к уху и потряс.

— Что-то бутылкается... немного. — Отвинтил крышку и поднёс горлышко к носу. — Ёлки, там же спирт. Лучше бы воды. Ладно, если сейчас будет всё нормально... затеем небольшую пьянку. Даже пара-тройка сигарет найдётся для такого повода.

Далее по ценности оказались значки, прикреплённые к синей бархатной материи. Виктор улыбнулся и качнул головой.

— Да-а, надо же. Интересно. Кому-то ведь нужны были.

Ещё было несколько тряпочек, разные пуговицы, скрепки и что-то ещё мелкое — рассматривать Виктор не стал. Он вытянулся в полный рост и подошёл к краю плато.

Далеко внизу между скалистых гор, покрытых густой растительностью, в основном елями и соснами, извивалась грунтовая дорога, на которой разбросалось с десятков автомобилей. Повсюду кружили вороны.

Виктор обрадовался:

— Неужели. Здесь есть живность. Если голод припечёт, то можно и поохотиться.

Дальше, почти на самом горизонте, раскинулось большое поселение, возможно, небольшой город, за которым блестела водная гладь. Из центра поселения поднимался чёрный дым, скорее всего, от двух костров. Похоже, жгли резину.

— Неужели люди?

Солдат поднёс монокль к глазам.

— Не различить, далеко.

Да, это было далеко. И он даже не представлял, насколько далеко: преломление света показывало ему в долине мираж.

— Люди, — задумчиво произнёс Солдат. — Хорошо это или плохо? Враги или... хотя бы не перережут горло во сне.

И всё-таки надежда на встречу, с такими же, как он — «разумными и добрыми», заставила сердце сильно биться о грудную клетку, а радость приплясывать и хлопать в ладоши.

Виктор подбежал к кострищу, покидал нужные вещи в ранец, туда же переложил все свои вещи из карманов, крепче сжал в кулаке сапёрную лопатку, и поспешил на спуск к

дороге. Быть может, успеет в город до захода солнца.

На краю, перед началом узкой тропинки, петляющей между чёрных острых камней, Солдат достал из заднего кармана брюк золотой кулон. Не давало покоя любопытство: чем же так дорожила Мертвячка — укрывала ладонями, не давала прикоснуться? Он внимательно рассмотрел шестиконечную звезду — или снежинку — на золотом овале, потёр большим пальцем, не решался нажать на миниатюрную кнопку, медлил в предвкушении. Вытянул верёвочку из ушка и пустил по ветру: а то болтается как... рваная, короче.

Солдат улыбнулся, указательным пальцем надавил на крошечный золотой кружок.

— Допредвкушался, к вашей маме, — протяжно произнёс он, словно мучительно пропел. — Барбара, и это снова ты. Я вроде бы удивлён, но не удивлён ни чёрта долбаного.

Внутри кулона на светло-коричневом фоне в обнимку разместились два лица — Мертвячка, когда была живой и ещё более красивой, и Барбара, когда была живой и женой.

— Здрасте, девчонки. — Солдат чуть ли не воткнул к ним нос и поиграл пальцами в приветствии. — И кто же вы такие? Кем друг дружке являетесь? И какого чёрта драного вы меня достаёте?! — гневно выкрикнул он последние слова. — Не хотите ли вы молчаливо сообщить, что у нас с вами всё ещё впереди? Вашу маму, вы же сдохли! — шмыгнув носом Виктор и хлопнул верхней крышкой кулона, опустил золотое изделие в задний карман брюк. — И папу тоже...

Конечно, Мертвячка живее всех живых и даже не воняет всяким там разложением. Но кем она приходится его жене? Ведь при жизни Солдат её не видел. А на фотографии в кулоне — им лет по девятнадцать. Самый разгар их отношений с Барбарой. Или скрывала очень красивую подружку, чтобы не увела жениха — или даже мужа? Одно лишь понятно — всё это доказывает, что бедолага Солдат находится в этой «преисподней» по вине жены.

— А в чём моя вина?

Виктор посмотрел вдаль, обернулся на велосипед: «Очень жаль, что нет возможности на нём прокатиться. Ладно, если зависну неподалёку, то вернусь и заберу, отремонтирую». И шагнул на тропинку.

2

Голова Солдата скрылась за краем плато, из пещеры вышли пять псов-мутантов. Новый предводитель, на горбу которого расплывался чёрный крест, подошёл к краю и долго смотрел в спину человека. Когда Виктор в самом низу ступил на широкую дорогу, пёс-мутант обернулся, каждому из своих заглянул в глаза, и они медленно пошли спускаться с обратной стороны каменного пятака.

Больше книг на сайте - Knigoed.net